

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России» (Т. 1) – 54242

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 50

**Томск
2013**

УЧРЕДИТЕЛЬ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(факультет психологии)

Главный редактор – Г.В. Залевский, д-р психол. наук, проф., чл.-кор. РАО,
заслуженный деятель науки РФ, член Всемирной федерации психического здоровья

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Богомаз С.А., д-р психол. наук, проф.; **Бохан Т.Г.**, д-р психол. наук, доц.; **Залевский В.Г.**, канд. психол. наук, доц.; **Кабрин В.И.**, д-р психол. наук, проф. (зам. главного редактора); **Козлова Н.В.**, д-р психол. наук, доц.; **Красноярцева О.М.**, д-р психол. наук, проф.; **Кузьмина Ю.В.**, канд. психол. наук; **Левицкая Т.Е.**, канд. психол. наук, доц.; **Лукьянов О.В.**, д-р психол. наук, доц.; **Мещерякова Э.И.**, д-р психол. наук, проф.; **Муравьева О.И.**, канд. психол. наук, доц.; **Серый А.В.**, д-р психол. наук, проф.; **Финогенова Г.А.** (отв. секретарь)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Асмолов А.Г., д-р психол. наук, проф., действительный член РАО (Москва); **Бохан Н.А.**, д-р мед. наук, проф., чл.-кор. РАМН (Томск); **Вассерман Л.И.**, д-р мед. наук, проф. (Санкт-Петербург); **Вяткин Б.А.**, д-р психол. наук, проф., чл.-кор. РАО (Пермь); **Галажинский Э.В.**, д-р психол. наук, проф., действительный член РАО; **Демина Л.Д.**, д-р социол. наук, проф. (Барнаул); **Доценко Е.Л.**, д-р психол. наук, проф. (Тюмень); **Дунаевский Г.Е.**, д-р техн. наук, проф. (Томск); **Залевский Г.В.**, д-р психол. наук, проф., чл.-кор. РАО (Томск); **Зинченко В.П.**, д-р психол. наук, проф., действительный член РАО (Москва); **Зинченко Ю.П.**, д-р психол. наук, проф. (Москва); **Знаков В.В.**, д-р психол. наук, проф. (Москва); **Кабрин В.И.**, д-р психол. наук, проф. (Томск); **Карнышев А.Д.**, д-р психол. наук, проф. (Иркутск); **Клочко В.Е.**, д-р психол. наук, проф. (Томск); **Кравцова Н.А.**, д-р психол. наук, проф. (Владивосток); **Кунце Г.**, д-р медицины, проф. (Кассель, Германия); **Мухина В.С.**, д-р психол. наук, проф., действительный член РАО (Москва); **Санжаева Р.Д.**, д-р психол. наук, проф. (Улан-Удэ); **Смирнова С.В.**, канд. психол. наук, доц. (Благовещенск); **Соловьев А.В.**, канд. психол. наук, проф. (Москва); **Тхостов А.Ш.**, д-р психол. наук, проф. (Москва); **Ушаков Д.В.**, д-р психол. наук, проф. (Москва); **Шюлер П.**, д-р психологии (Марбург, Германия), **Юревич А.В.**, д-р психол. наук, проф., чл.-кор. РАН (Москва); **Яницкий М.С.**, д-р психол. наук, проф. (Кемерово)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА ВЫПУСК

Г.А. Финогенова

Сибирский психологический журнал
включен в Перечень ведущих научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук
по педагогике и психологии.
(Бюллетень Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки
Российской Федерации. 2007. № 1)

Адрес редакции: 634050, Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет, факультет психологии
Телефон/факс: (3822) 52-97-10
E-mail: den@psy.tsu.ru

Зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – Свидетельство ПИ
№ 77-12789 от 31 мая 2002 г. Международным Центром ISSN (Париж)
от 4 января 2003 г., печатный вариант – ISSN 1726-7080

СОДЕРЖАНИЕ

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ	6

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

<i>Мазилов В.А.</i> МЕТОДОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	8
<i>Кабрин В.И.</i> АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ИЛИ НОЭТИЧЕСКАЯ ЭМЕРДЖЕНЦИЯ СОЗНАНИЯ 3.0	17
<i>Jürgen Margraf.</i> CURRENT DEVELOPMENTS IN GERMAN PSYCHOLOGY	37

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

<i>Залевский Г.В., Кузьмина Ю.В., Залевский В.Г.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ПОПЫТКИ ПОСТРОЕНИЯ ИНТЕГРАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ ЗДОРОВЬЯ В КОНТЕКСТЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	39
<i>Козлова Н.В., Щеглова М.С.</i> ВЗАИМОСВЯЗЬ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ	46
<i>Бохан Т.Г., Кузнецов В.Н., Берлизова Т.Б., Галажинская О.Н., Немцев А.В.</i> ДЕФИЦИТЫ ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА У СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ С ПРОЯВЛЕНИЯМИ АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ	52
<i>Урываев В.А., Морозова Е.В.</i> ФЕНОМЕНЫ ЛИМИНАЛЬНОСТИ В СТРУКТУРЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ ИНВАЛИДНОСТИ	63
<i>Кожевников В.Н., Залевский Г.В., Фусу Л.И., Кожевникова Т.А., Костарев В.В.</i> ПСИХОСОМАТИЧЕСКИЕ РАССТРОЙСТВА В КЛИНИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ ПСИХОЛОГА	70
<i>Филоненко А.Л., Бохан Т.Г., Розачева Т.В.</i> АНТРОПООРИЕНТИРОВАННЫЕ ОСНОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРОЦЕССА ВЫНАШИВАНИЯ У ЖЕНЩИН С УГРОЗОЙ ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ	78
<i>Колбасина К.Ю.</i> СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК АРТЕФАКТ, ОПОСРЕДУЮЩИЙ ПОВЕДЕНИЕ В СФЕРЕ ЗДОРОВЬЯ	87
<i>Kunze H.</i> DAS PSYCHIATRIE-KONZEPT IN DEUTSCHLAND	94

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Клочко В.Е. РАЗВИТИЕ ОДАРЕННОСТИ В РАЗНЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕДАХ: ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	100
Красноярцева О.М., Кобзарь К.Е. САМООЦЕНКА МАГИСТРАНТАМИ СВОЕГО КВАЛИФИКАЦИОННОГО УРОВНЯ: ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ	111
Прозументова Г.Н. УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ИННОВАЦИЯМИ: ГУМАНИТАРНЫЙ ПОДХОД	122

ИНФОРМАЦИЯ

Наши авторы	132
Правила оформления материалов для публикации в «Сибирском психологическом журнале»	134

CONTENTS

ADDRESS TO READERS	6

GENERAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF THE PERSON

<i>Mazilov V.A.</i> METHODOLOGY OF MODERN PSYCHOLOGY: ACTUELL PROBLEMS	8
<i>Kabrin V.I.</i> ANTHROPOCENTRIC OR NOETIC EMERGENCY OF CONSCIOUSNESS 3.0	17
<i>Jürgen Margraf.</i> CURRENT DEVELOPMENTS IN GERMAN PSYCHOLOGY	37

CLINICAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF HEALTH

<i>Zalevskij G.V., Kuzmina Y.V., Zalevskij V.G.</i> THEORETICAL APPROACHES AND ATTEMPTS OF CONSTRUCTION OF THE INTEGRATIVE HEALTH MODELS IN THE CONTEXT OF THE ANTHROPOLOGICAL PSYCHOLOGY	39
<i>Kozlova N.V., Shcheglova M.S.</i> THE INTERCORRELATION OF CRITICAL THINKING AND PSYCHOLOGICAL HEALTH OF HIGHER EDUCATION STUDENTS	46
<i>Bokhan N.A., Kuznetsov V.N., Berlizova T.B., Galazhinskaya O.N., Nemtzev A.V.</i> DEFICITS OF PERSONALITY POTENTIAL OF YOUNG PERSONS WITH MANIFESTATIONS OF ALCOHOL ADDICTION	52
<i>Uryvaev V.A., Morozov E.V.</i> LIMINAL PHENOMENA IN THE STRUCTURE OF EXPERIENCE DISABILITY	63
<i>Kozevnikov V.N., Salevskij G.V., Fussu L.I., Kozevnikova T.A., Kostarev V.V.</i> PSYCHOSOMATIC DISORDERS AT THE CLINICAL PRACTICE	70
<i>Filonenko A.L., Bokhan T.G., Rogacheva T.V.</i> ANTROPOORIENTIROVANNYE BASIS OF PSYCHOLOGICAL SUPPORT PROCESS OF GESTATION IN WOMEN WITH THREATENED MISCARRIAGE	78
<i>Kolbasina K.Yu.</i> THE MEDIA AS AN ARTIFACT THAT MEDIATES BEHAVIOR IN HEALTH AREA	87
<i>Kunze G.</i> THE CONCEPT OF PSYCHIATRY IN GERMANY	94

PSYCHOLOGY OF DEVELOPMENT AND PSYCHOLOGY OF EDUCATION

<i>Klochko V.E.</i> DEVELOPMENT OF GIFTED IN DIFFERENT SOCIO-CULTURAL AND EDUCATIONAL ENVIRONMENTS: ORGANIZATION CROSS-CULTURAL STUDIES	100
<i>Krasnoryadtseva O.M., Kobzar K.E.</i> SELF-ESTEEM UNDERGRADUATES THEIR QUALIFYING LEVEL: DIAGNOSTIC POSSIBILITIES	111
<i>Prozumentova G.N.</i> MANAGEMENT OF EDUCATIONS INNOVATIONS: HUMANITARIAN APPROACH	122

INFORMATION

Our authors	132
Rules of registration of materials in SPM	134

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Антропологическая психология в поисках парадигм

Уважаемые коллеги и друзья, здравствуйте!

Вот и настало время выхода в свет юбилейного выпуска «Сибирского психологического журнала» – 50-го номера! Знаменательно то, что он выходит с посвящением тоже, можно сказать, юбилейному событию – 5-му Сибирскому психологическому форуму, который состоится 3–5 октября 2013 года. Материалы данного номера в основном увязаны с тематикой Форума в контексте современного состояния антропологической психологии и перспектив ее развития.

На Форуме предстоит, прежде всего, договориться о терминологии (что следует понимать под антропологической психологией; её отношение к психологической антропологии, общей психологии, зоопсихологии, психоаналитической психологии, бихевиоральной психологии, когнитивной психологии, гуманистической психологии, экзистенциальной психологии, трансперсональной психологии и т.д.).

Я придерживаюсь того мнения (с ним, разумеется, могут не согласиться мои коллеги), что если мы говорим о человеке как объекте и предмете психологии, т.е. о психологии человека (человеческой психологии), то наиболее точным является понятие «антропологическая психология». И в этом содержании она противопоставляется зоологической психологии. Конечно, качественно разные предметы антропо- и зоопсихологии могут рассматриваться с общепсихологических позиций, но всегда надо при этом помнить, что поведение человека – это нечто большее, чем поведение животных (К. Роджерс). И в данном случае не имеет принципиального значения ответ на вопрос о происхождении человека: создал его Высший разум (Бог), является он результатом эволюции, мутации или творением инопланетян.

Что касается отношения антропологической психологии к другим обозначенным выше психологиям, то все они – строители особых парадигм в стремлении понять человека, следуя своим путем, предлагают свои средства познания природы человека, проблем его бытия и здоровья. Каждая из них в разной степени приблизилась к тому состоянию, которое дает основание говорить о них как об антропологической психологии. Так, например, обращение к экзистенциальному анализу убедило Бинсвангера в том, что в теории Фрейда человек еще не является человеком в полном смысле этого слова. Близким к этому является и мнение А. Маслоу: созданный Фрейдом образ человека не отражает человеческих стремлений, надежд и вообще высших свойств человека. Ближе к человеку, по мнению Р. Мэя, экзистенциальная позиция, кото-

рая отстаивает необходимость решать вопросы современной психологии на человеческом уровне, ведь этот подход отвечает тем требованиям и содержит те основополагающие принципы, которые должны отличать психологию человеческого в человеке. Однако у Абрахама Маслоу тоже есть вопросы к экзистенциалистам: он считает преувеличением их взгляд на Я как проекцию, созданную многократно повторяющимся выбором самой личности в свете таких фактов, как конституциональные и генетические детерминанты личности.

С подобными вопросами, кстати, обращаются и к самой гуманистической психологии. Можно сказать, что «собираение человека» (А.А. Богданов) происходило в процессе развития психологии как науки, «собираение» трудное, противоречивое, через редукционизм в его разновидностях. Более 40 лет назад мой учитель профессор М.С. Роговин писал, что в процессе расширения области психологического исследования и нарастающей дифференциации психологии теряется из вида ее главный объект – живой человек, единственный настоящий объект психологии. Его место занимают абстрактные «психологические механизмы», «детерминирующие тенденции», «содержание сознания», «акты», «процессы», «обратные связи» и т.п. Взятые вне общего контекста личности и деятельности человека, они могут заслонить собой конечную цель психологического исследования.

Итак, процесс «собираения человека» психологической наукой (антропологической психологией) продолжается, и об этом пойдет речь на 5-м Сибирском психологическом форуме. Приглашаю читателей нашего журнала принять в нем активное участие.

Будьте здоровы!

Главный редактор Г.В. Залевский

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.9.01

МЕТОДОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В.А. Мазиллов (Ярославль)

Исследования выполнены при финансовой поддержке РФФИ (грант 12-06-00320).

Аннотация. Обсуждаются два методологических вопроса: проблема междисциплинарных исследований в современной психологии и разработка новой методологии психологии. Утверждается, что при проведении междисциплинарных исследований необходимо учитывать трактовку предмета психологии. Дается эскиз новой трактовки методологии.

Ключевые слова: методология; психология; междисциплинарные исследования; предмет психологии; соизмеримость теорий; философия психологии.

Настоящая работа посвящена обсуждению двух взаимосвязанных методологических вопросов: проблеме междисциплинарных исследований в современной психологии и разработке новой методологии психологии.

Одна из важнейших фундаментальных научных проблем – исследование методологических оснований и разработка на этой методологической основе теории комплексных психологических исследований. Известно, что в настоящее время организация комплексных психологических исследований сталкивается со значительными трудностями, вследствие чего комплексные исследования и разработки оказываются существенно менее эффективными, чем предполагалось.

Подчеркнем фундаментальный характер данной проблемы: от ее решения зависит эффективность осуществления как комплексных исследований в рамках психологии (взаимодействие между отраслями психологической науки), так и организация междисциплинарных исследований (взаимодействие психологии с другими науками). Хотя данной проблематике уделяется значительное внимание исследователей, проблема на настоящий момент не решена. Причина этого состоит в том, что исследователи (как отечественные, так и зарубежные) в основном стремятся разработать правила, принципы и стратегии организации такого рода исследований.

Эффективность комплексного исследования в психологии в значительной мере обусловлена степенью концептуального совпадения понимания и трактовки предмета психологии в научно-исследова-

тельских подходах в тех предметных областях, которые будут взаимодействовать (соотноситься) в данном комплексном исследовании. Отметим, что это фактически не учитывается в существующих концепциях комплексных исследований в психологии. Следовательно, методологические основания (и основанная на них теория) должны раскрывать способ трактовки предмета, представленный в научных подходах, реализующихся в комплексном исследовании. Новизна настоящего подхода состоит в том, что в нем реализуется разработка методологии и теории проведения комплексных психологических исследований на основе понимания *предмета психологической науки*. Это первое методологическое основание.

В решении проблемы предмета можно выделить два аспекта, а точнее, два этапа ее решения. Первый этап – формальное описание предмета (какие функции он должен выполнять, каким критериям соответствовать). Эта работа в значительной степени уже проделана в предыдущих исследованиях автора. Второй этап – содержательное наполнение концепта «предмет психологии». Представляется, что наиболее удачным является термин «внутренний мир человека». Именно он позволяет, на наш взгляд, осуществить содержательное наполнение, вместив всю психическую реальность в полном объеме. Это явится важным этапом на пути становления психологии фундаментальной наукой и необходимым условием для осуществления эффективных комплексных исследований.

С другой стороны, вторым методологическим основанием для эффективной реализации междисциплинарного подхода является идея *соизмеримости* психологических концепций. В психологии широко распространено мнение, согласно которому психологические теории являются несоизмеримыми, а следовательно, и несопоставимыми. Вернемся к несоизмеримости психологических теорий. Точнее, к представлению психологов о несоизмеримости. Связано оно, как ни покажется странным, с тем методологическим влиянием, которое оказали на сознание многих современных психологов работы Томаса Куна. Мы имеем в виду широкий резонанс, который получили известные высказывания выдающегося историка и философа науки о несоизмеримости научных теорий. Психологическое сообщество с готовностью приняло тезис о несоизмеримости психологических теорий, причем «в общем виде»: о несоизмеримости психологических теорий вообще. Однако так ли это?

Ниже мы приведем, да простит нас читатель, несколько обширных цитат из классической работы Т. Куна (курсив в этих цитатах везде мой. – В.М.). «Мы уже рассмотрели несколько различных причин, в силу которых защитникам конкурирующих парадигм не удается осуществить полный контакт с противоборствующей точкой зрения. Вместе взятые, эти причины следовало бы описать как несоизмеримость

предреволюционных и послереволюционных нормальных научных традиций, и нам следует здесь только кратко резюмировать уже сказанное. Прежде всего, защитники *конкурирующих* парадигм часто не соглашались с перечнем проблем, которые должны быть разрешены с помощью каждого кандидата в парадигмы. Их стандарты или определения науки не одинаковы» [1. С. 221]. Томас Кун продолжает: «Однако речь идет о чем-то большем, нежели несоизмеримость стандартов. Поскольку новые парадигмы рождаются из старых, они обычно вбирают в себя большую часть словаря и приемов, как концептуальных, так и экспериментальных, которыми традиционная парадигма ранее пользовалась. В рамках новой парадигмы старые термины, понятия и эксперименты оказываются в новых отношениях друг с другом. Неизбежным результатом является то, что мы должны назвать (хотя термин не вполне правилен) непониманием между двумя конкурирующими школами» [1. С. 222]. По Куну, существует и «третий и наиболее фундаментальный аспект конкурирующих парадигм. В некотором смысле, который я не имею возможности дальше уточнять, защитники конкурирующих парадигм осуществляют свои исследования в разных мирах» [1. С. 224]. Т. Кун резюмирует: «Работая в различных мирах, две группы ученых видят вещи по-разному, хотя и наблюдают за ними с одной позиции и смотрят в одном и том же направлении. В то же время нельзя сказать, что они могут видеть то, что им хочется. Обе группы смотрят на мир, и то, на что они смотрят, не изменяется. Но в некоторых областях они видят различные вещи, и видят их в различных отношениях друг к другу. Вот почему закон, который одной группой ученых даже не может быть обнаружен, оказывается иногда интуитивно ясным для другой. По этой же причине, прежде чем они смогут надеяться на полную коммуникацию между собой, та или другая группа должна испытать метаморфозу, которую мы выше называли сменой парадигмы. Именно потому, что это есть переход между несовместимыми структурами, *переход между конкурирующими парадигмами* не может быть осуществлен постепенно шаг за шагом *посредством логики и нейтрального опыта*. Подобно *переключению геистальта*, он должен произойти сразу (хотя не обязательно в один прием) или не произойти вообще» [1. С. 224–225].

Обратим внимание, что обычно те психологи, которые восприняли куновские положения, говорят о несоизмеримости теорий вообще, полагая, будто это безоговорочно относится к психологии. По нашему мнению, без достаточных на то оснований. Конечно, авторитет Томаса Куна чрезвычайно велик, это выдающийся мыслитель. Попробуем критически отнестись к распространению выводов куновской теории на психологию. Выскажем некоторые соображения, которые, на наш взгляд, вносят долю сомнения в применимости идей классика к предметной области психологии.

1. Рассуждения Т. Куна основываются на примерах и обобщениях, взятых из истории естественных наук. Никем пока не доказано, что эти рассуждения имеют столь универсальный характер, что могут адекватно представлять ситуацию в области научной психологии.

2. Обычно упускается из виду, что ключевым моментом для рассуждений Т. Куна является научная революция (вспомним о названии его труда). Кун говорит именно о несоизмеримости *предреволюционных* и *послереволюционных* нормальных научных традиций. В психологии дело чаще всего обстоит не так, поскольку психология явно не является монопарадигмальной дисциплиной. Поэтому безоговорочный перенос куновских рассуждений на область психологии сомнителен. (Тем более, что если принять во внимание неадекватность понимания предмета современной психологией, могут быть найдены основания и для того, чтобы счесть психологию допарадигмальной дисциплиной. Впрочем, обсуждение этого вопроса здесь увело бы нас в сторону от основной темы, поэтому найдем для этого иное место).

3. В психологии мы действительно имеем различные теории одного явления (число их часто исчисляется десятками). При этом подчеркнем, что авторы новой теории не ставят перед собой задачи опровергнуть другие теории. Задачу они видят скорее в том, чтобы дать адекватное описание и объяснение психического феномена. В этом случае говорить о революции не приходится. Поэтому речь о *переходе между конкурирующими парадигмами*, естественно, не идет. Таким образом, в психологии чаще всего просто нет задачи опровержения старой точки зрения, там заявляется новый подход.

4. Противоборство между парадигмами рассматривается как сознательный процесс, основанный на логике и нейтральном опыте: *переход между конкурирующими парадигмами* не может быть осуществлен постепенно, шаг за шагом, *посредством логики и нейтрального опыта*. В этом моменте, возможно, наблюдается радикальное расхождение между естественными науками и психологией. Дело в том, что количество «степеней свободы» при рассмотрении психических явлений значительно больше, чем в любой из естественных наук. Это совершенно естественно, если принять во внимание сложность самих объекта и предмета психологической науки. Соответственно, имеется значительно большее число возможных аспектов анализа. В этой связи важно подчеркнуть, что при формулировании теории важнейшую роль играют неосознаваемые самим исследователем процессы. Речь идет о том, что ниже в рамках настоящей статьи будет охарактеризовано как предтеория – исходные представления ученого. Предтеория предшествует исследованию, часто вообще не осознается самим исследователем и выступает в качестве неявного основания исследования. Выявлено, что предтеория играет определяющую роль при проведении исследования в области психологии [3].

5. Как становится понятно, противоборство между парадигмами Т. Кун рассматривает как естественный процесс развития научного знания. Если использовать введенное выше различие стихийной и целенаправленной интеграции, можно предположить, что вполне возможна ситуация, при которой работа соотнесения концепций выполняется незаинтересованным, нейтральным лицом – методологом или историком науки, т.е. становится целенаправленной. Логично предположить, что в такой работе становится возможным то, что недоступно при стихийном соотнесении. Особенно если вспомнить о том, что процедура предполагает выявление не осознаваемых самими исследователями оснований.

6. Наконец, обратим внимание на то, что Т. Кун исходит из явной аналогии между гештальтистскими исследованиями восприятия и переходом от одной парадигмы к другой.

Действительно, хорошо известно, к примеру, что в случае «двойных» изображений нельзя видеть одновременно оба изображения на картинке. И переход от одного к другому всегда внезапный. Иными словами (забегая вперед), Томас Кун использует эти опыты как *моделирующее представление*. Но кто сказал, что это единственное и самое адекватное моделирующее представление для этого случая? В данном случае выбор оказался неудачным.

Специальные исследования показали, что принципиальная несоизмеримость теорий и концепций в современной психологии не доказана [2]. От психологов, на наш взгляд, требуется отчетливое понимание того, что универсальные концепции сегодня разработать вряд ли удастся. Как неоднократно говорил Юнг, время универсальных концепций в психологии еще не пришло. Создавая научную теорию, стоит помнить о том, что она должна иметь свою сферу применения, зону «адекватности». Нужна установка на кооперацию, сотрудничество. Иными словами, психологи должны выработать толерантность к взглядам коллег, сформировать у себя установку не на поиск отличий, а на обнаружение сходства.

Остановимся на вопросе о современной методологии психологии. В наших работах конца 90-х гг. прошлого века было показано, что методология имеет конкретно-исторический характер и в идеале должна отвечать на вопросы и реагировать на проблемы, которые возникают внутри предметного поля этой науки. Учитывалась центральная роль методологии в структуре психологического знания [7], обоснованная М.С. Роговиным и Г.В. Залевским. Иногда методологические изыскания опережают потребности науки, иногда запаздывают.

Нельзя не отметить вышедшие в последние годы работы, получившие широкую известность. В эти годы появились работы А.В. Юревича (2005, 2010), интересные методологические исследования В.М. Аллахвердова (2000, 2003, 2006), учебное пособие Т.В. Кор-

ниловой и С.Д. Смирнова (2006, 2011), методологические работы Ф.Е. Василюка (2003), И.Н. Карицкого (2002) и др. В работах А.Ю. Агафонова, А.Г. Асмолова, В.А. Барабанщикова, Ф.Е. Василюка, И.П. Волкова, И.Е. Гарбера, А.Н. Гусева, М.С. Гусельцевой, А.Л. Журавлева, Г.В. Залевского, В.П. Зинченко, Ю.П. Зинченко, В.В. Знакова, В.И. Кабрина, И.Н. Карицкого, А.В. Карпова, В.Е. Ключко, В.А. Кольцовой, Т.В. Корниловой, Д.А. Леонтьева, Л.Я. Дорфмана, С.В. Маланова, Б.Г. Мещерякова, И.А. Мироненко, П.Я. Мясода, В.И. Панова, В.Ф. Петренко, В.А. Петровского, Е.Е. Соколовой, С.Д. Смирнова, Е.Б. Старовойтенко, В.А. Татенко, Д.В. Ушакова, Н.И. Чуприковой, В.Д. Шадрикова, А.В. Юревича и других нашли решение многие важные методологические проблемы психологии, связанные с изучением психического. Важные вопросы методологии психологии обсуждаются в работах И.В. Вачкова, А.О. Прохорова, Е.В. Левченко, А.А. Пископеля, В.А. Янчука, А.Г. Лидерса и др.

В настоящее время методология психологии представляет собой интенсивно и динамично развивающуюся область психологического знания. В последние годы на страницах ведущих психологических журналов развернулись дискуссии, посвященные обсуждению вопросов методологии психологии (см. «Психологический журнал», «Вопросы психологии», «Психология. Журнал Высшей школы экономики», «Методология и история психологии» и др. К сожалению, ограниченный объем настоящей статьи не позволяет остановиться на анализе в высшей степени интересных методологических дискуссий, происходящих в современной отечественной психологии в последние годы). В данной статье (по той же причине) мы не сможем затронуть направления методологических поисков в отечественной психологии, а обратимся к обсуждению лишь некоторых исследований. Обилие публикаций на методологические темы не может не радовать, так как увеличение интереса к методологии обычно бывает связано (как свидетельствует история психологии) с появлением новых теоретических подходов и существенным продвижением в разработке предметного поля психологии. Вместе с тем нельзя не отметить, что интенсивные методологические поиски пока не привели к созданию *концепции* методологии, которая разделялась бы большинством психологов.

В настоящее время на первый план выступает разработка общей методологии психологии. Подчеркнем, что это не попытка создать общую теорию. Мы разделяем мнение Юнга, согласно которому время общих теорий в психологии еще не пришло. Дело в том, что резерв, который состоял в разработке отдельных изолированных методологических проблем (хотя и, несомненно, важнейших для психологии), практически исчерпан. В настоящий момент актуальна разработка проблем в комплексе, что ставит задачу разработки общей методологии психологии, в которой отдельные методологические категории

оказались бы соотнесенными в едином смысловом пространстве. Именно в их концептуальном соотнесении видится новый резерв методологических исследований и разработок.

Представляется, что когнитивная методология, отвечающая задачам сегодняшнего дня, должна иметь уровневое строение. Это уровневое строение должно отражать не только разнородность самого психологического содержания, но и принципиально различающиеся способы и методы работы на разных уровнях. Полезно помнить, что психология еще очень молодая наука, многое в ней не устоялось, поэтому, возможно, нас ожидают в самом скором будущем удивительные метаморфозы образа любимой науки. Не подлежит сомнению, что эти перемены будут, поэтому мы полагаем, что необходимо ставить задачу прогнозирования этих перемен. По нашему убеждению, решать эти вопросы должна философия психологии (или философская составляющая когнитивной методологии).

В когнитивной методологии можно выделить по крайней мере три уровня. Подчеркнем, что разные уровни не только связаны с различным содержанием, но и характеризуются различными средствами их разработки. Отметим, что философский уровень в настоящее время проработан в меньшей степени, чем два других.

Верхний уровень – *философия психологии*. Нам уже приходилось писать о важности философской психологии для разработки методологических вопросов психологии [3, 4]. Дадим самую общую характеристику философии психологии как уровня когнитивной методологии. Этот уровень имеет дело с идеями. Используя терминологию К. Поппера, можно сказать, что философия психологии имеет дело с «третьим миром». Это основная зона ближайшего развития и психологии, и ее методологии. Философия психологии вырабатывает понимание предмета, конструирует предметное пространство психологии, обеспечивает единство психологии и интеграцию различных потоков психологического знания. Речь, в частности, о том, что кроме «академической» научной психологии, существуют другие потоки психологического знания в культуре. Это и трансперсональная психология, и гуманистическая, и различные варианты практической психологии и психопрактики. И литература, и искусство, которые тоже по-своему раскрывают психическую жизнь человека.

Философия психологии производит учет и интеграцию всего психологического знания (во всяком случае, на уровне идей). Подчеркнем два момента, существенные для понимания этого уровня. В философии психологии работа происходит только на уровне идей. Второй момент связан с тем, что методы работы на этом уровне методологического знания имеют свою специфику – это методы философского рассуждения и обоснования. Примерами разработки средствами философии психологии могут служить анализ проблемы предмета психологии, ее метода [5,

6]. (В рамках настоящей статьи мы не будем более характеризовать этот уровень методологии.)

Второй уровень – собственно *когнитивная методология*. Когнитивная методология трактует вопросы познания психического, обоснования и верификации психологического знания (об этом более подробно будет сказано ниже).

Третий уровень – *методология психологического исследования*. Технология проведения экспериментального, квазиэкспериментального и иного эмпирического (или теоретического) исследования. (В данной статье мы не будем касаться характеристики этого уровня методологии, так как он достаточно хорошо освещен в соответствующих работах (см., например, известные книги Т.В. Корниловой).

Обратимся ко второму уровню когнитивной методологии. Сформулируем суть нашего подхода к разработке когнитивной методологии. К исследованию любого феномена в области психологии существуют различные подходы. Традиционно они рассматриваются как несопоставимые, поэтому в лучшем случае речь идет о сосуществовании подходов. Мы полагаем, что при использовании специального методологического аппарата могут быть найдены дополнительные «точки соприкосновения», и «несопоставимые» концепции окажутся сопоставимыми в значительно большей степени, чем это обычно представляется.

Задача, на наш взгляд, выполнима, если в качестве основы для сопоставления выступит общая схема психологического исследования. Схема включает в себя следующие структурные компоненты: проблема, предмет психологии, опредмеченная проблема, предтеория, метод (включающий три уровня: идеологический, предметный и процедурный), эмпирический материал, объяснение (включающее объяснительную категорию, собственно объяснение, предполагающее уровневую структуру), теория как результат исследования [2].

На наш взгляд, на этой основе возможно сопоставление теорий, которые в действительности оказываются соизмеримыми. Естественно, речь идет о сопоставлении теорий одного уровня и одного явления. Особая роль в процедуре соотнесения отводится предтеории. Дело в том, что предтеория обычно плохо осознается самим исследователем, поэтому ее содержание, как правило, остается имплицитным. Предполагается осуществление специальных методологических процедур, эксплицирующих структуру и содержание предтеории. Поэлементное сопоставление содержания предтеорий сопоставляемых концепций, а также других компонентов, представленных в схеме психологического исследования, позволяет выявить «точки соприкосновения» и «зоны расхождения», что является принципиально важным для соотнесения сравниваемых концепций.

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций. М., 2003
2. Мазиллов В.А. Контуры новой когнитивной методологии // Познание в деятельности и общении: от теории и практики к эксперименту / под ред. В.А. Барабанщикова, В.Н. Носуленко, Е.С. Самойленко. М. : Институт психологии РАН, 2011. С. 81–88.
3. Мазиллов В.А. О философии психологии (о некоторых методологических проблемах современной научной психологии) // Проблемы общей и организационной психологии : сб. науч. трудов / под ред. проф. А.В. Карпова. Ярославль : ЯрГУ, 1999. С. 47–66.
4. Мазиллов В.А. Разработка философии психологии – первоочередная задача российской психологии XXI века // Социальная психология. Практика. Теория. Эксперимент. Практика. Ярославль : МАПН, 2000. Т. 2. С. 211–220.
5. Мазиллов В.А. О предмете психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1, вып. 1. С. 55–72.
6. Мазиллов В.А. Научная психология: проблема метода // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2 : Метод психологии / под ред. В.В. Новикова (гл. ред), И.Н. Карицкого, В.В. Козлова, В.А. Мазилова. Ярославль : МАПН, 2005. С. 248–279
7. Роговин М.С., Залевский Г.В. Теоретические основы психологического и патопсихологического исследования. Томск, 1988.

METHODOLOGY OF MODERN PSYCHOLOGY: ACTUELL PROBLEMS

Mazilov V.A. (Yaroslavl)

Summary. This paper discusses two methodological issues: the problem of cross-disciplinary research in modern psychology and the development of a new methodology of psychology. Argued that the interdisciplinary research needs to betreatment of the subject of psychology. We give a sketch of a new treatment methodology.

Key words: methodology; psychology; interdisciplinary research; the subject of psychology; co-measurement theories; philosophy of psychology.

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ИЛИ НОЭТИЧЕСКАЯ ЭМЕРДЖЕНЦИЯ СОЗНАНИЯ 3.0

В.И. Кабрин (Томск)

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта
«Исследование особенностей ценностно-смысловой и когнитивной сферы
инновационно- и предпринимательски ориентированной молодежи» № 13-06-00592а.*

Аннотация. В футурологическом контексте представлены современные альтернативные концепции и модели сознания, его источников и детерминант. Показана связь с гипотезами глобальных эмерджентий сознания в антропологическом, трансгуманистическом и ноэтическом масштабах. Раскрывается ключевая гипотеза – ноэтический универсум как космогонический процесс на уровне человека проявляется как драматическое сознание в его сверхкультуральной миссии.

Ключевые слова: сознание; антропоцентризм; ноэзис; транскомуникация; анимация, реанимация и эмерджентия сознания.

Интенсивное обсуждение современных проектов «Глобальное будущее 2045» [18], «Россия 2045» и «Революция сознания» [16] заставляет переосмыслить эволюционные возможности сознания современного человека, особенно его эмерджентной эволюции. Сообщаемость и столкновение многих *парциальных миров* сознания в современном транскультуральном пространстве вызывает поиск устойчивых стратегий их конвекренции в новом, более универсальном качестве. Закономерным или *синхронистичным* видится «осознание сознания» в современной научной жизни, его качественной трансформации – эмерджентии в контексте новых глобальных и пока пунктирных моделей мира. Они оказались синергичны в информационном, экономическом, культурологическом и собственно научном аспектах на базе единого концепта-символа, вышедшего из информационных моделей «1.0 – 2.0 – 3.0», означающего качественно различные этапы развития современного общества¹ [1, 10, 17, 51].

---

¹ Например, «наиболее распространённой версией трактовки термина Web 3.0 является идентификация его как семантической паутины (Semantic Web). Главная мысль этой концепции базируется на внедрении метаязыка, описывающего содержание сайтов, в которых возможны «живой поиск» (где поиск по ключевым словам ведут не роботы, а живые люди, профессионалы в своих областях, с которыми можно еще и обсудить попутные вопросы) и мультимедийный поиск (где поисковая система способна искать по содержанию видеофайлов, а не по соответствию внутреннего контента видео с текстом поискового запроса) [51]. «В маркетинге 3.0 сильный акцент сделан на способности маркетолога почувствовать тревоги и желания человека, корнящиеся в творчестве, культуре, традициях и связи с природой... Духовность всегда была важной частью нашей жизни» [9. С. 5].

Если в моделях 2.0, несмотря на междисциплинарную специфику, достаточно определенно осуществлен гуманистический переход от функционально-технических к антропоцентрическим моделям миров, то во всех моделях 3.0 акцентируется и артикулируется духовно-душевная координата жизни человека как его миссия в чем-то значительно большем и глубоком, чем его витальное выживающее и самодостаточное существование [9]. Отсюда – сомнения авторов культуры 3.0 в паранойальном оптимизме трансгуманистов.

Существенным вкладом в становление психологии 3.0 представляется работа В.Ф. Петренко, А.П. Супрун [15], в которой древнейшая гипотеза о сознании как первичной реальности получает современное звучание и обобщается веером альтернативных гипотез, заостряющих *интригу неопределенности*. В этом направлении предлагается исследовательская альтернатива: транскоммunikативный подход как постметодология современной психологии и постнеклассические тенденции объяснения в психологии [6, 8]. Употребляя в данной работе размытый (или зарождающийся) концепт-символ «культура 3.0», мы также сознательно сохраняем его неопределенность в качестве постигаемого и трансцендирующего одновременно «горизонта событий» духовной жизни человека. Поэтому истоки и перспективы эмерджентности сознания необходимо рассматривать в более крупном масштабе ноэзиса и ноосферы [27, 41].

Ноэтический универсум как космогонический процесс на уровне человека проявляется как драматическое сознание в его сверхкультуральной миссии – это ключевая гипотеза данной работы.

Почему именно миссией? Это сложнейший философский вопрос немисливо давно осознанный, и, может быть, наиболее парадоксально-афористические основания его решения предложил Анаксагор. Вопрос открыт до сих пор при множестве попыток его теистических и атеистических решений. К пониманию ноэтической миссии сознания мы приближаемся в предчувствиях и предвосхищениях самого Ноэзиса

В «Анархоэкономике», автором которой является член «Римского клуба» Т. Кристенсен, указана необходимость подготовки «активных агентов рыночной экономики к неминуемой встрече с призраком киберкоммунизма, выполненного в хорошо знакомом им самим параноидально-оптимистическом стиле» [1]. Культура 3.0 определяется как «культура не только новых образов и смыслов, но и культура новых базовых культурных сред, создания новых искусственных языков, форм и смыслов. Человечество будущего – это не только и не столько федерация виртуальных автономий, сколько объединение разных культур, естественных и искусственных, простых и сложных, похожих на другие и абсолютно уникальных» [10]. «Наука 3.0 – среда, позволяющая организовывать коллективную работу с информацией и знанием, позволяющая складывать компетенции участников в единый интеллект, а не гасить их. Мы формируем нечто гораздо более мощное, чем каждый в отдельности: настоящую платформу для коллективного разума» на основе инициативной творческой самореализации добровольных генераторов идей дифференцированных сетевых сообществ [17].

лишь в глубоко измененных, альтернативных, просветленных, космических состояниях сознания, трудно передаваемых в любых современных научных дискурсах [2, 12, 19, 30, 37, 50, 52].

Сознание «поражает себя» в своей постоянно открывающейся безмерной бесконечности, трансцендирующей неожиданности. Это живая онтология спонтанности [13], сверхдинамичности и сверхкреативности. Не успели мы подумать о чем угодно, о том, чего нет, *что невозможно (!)*, но *мы уже там*. Сегодня это сравнимо с эффектами «квантовой соосведомленности» и то лишь в силу ее осознанности [7, 29].

Приведем пример не нарочито экстраординарный (из области телекинеза, психотроники, телепатии, экстрасенсорики, внетелесного опыта и т.п.), но из «обычной» жизненной драмы ребенка.

«Соня Шаталова живёт в Москве. Она больна аутизмом, не умеет разговаривать, может совершать только монотонно-однообразные движения, во время общения с ней никак не реагирует, полностью отстранена и неконтактна. Врачи выносили диагноз: “Глубокая умственная отсталость”. Так было до тех пор, пока у семилетней Сони не оказалась ручка, а мама не прикоснулась в этот момент к Сониной руке. И Соня начала писать. Да, оказалось, что Соня умеет читать и писать, у неё абсолютная грамотность, фотографическая память и непостижимые познания о нашем мире. Некоторые врачи очень долго не могли в это поверить. Сложно увидеть в ребёнке, который может издавать только невнятные звуки, часами кричит и даже не может самостоятельно ложку донести до рта, что-то разумное. Однако прочитав то, что пишет Соня своим детским почерком, вы поймёте, что вряд ли мы вообще что-то знаем о сознании.

Соней много чего написано: стихи, сказки, дневники, афоризмы. Там над каждой строчкой можно думать и размышлять. Вот Сониная запись после занятия в дельфинарии: “...Сегодня я плавала с Вахом (имя дельфина) без папы. Вах меня успокаивал и говорил, что я, как девочка-дельфинка, и у меня хвост и плавники, и я в гармонии с водой. Это образ такой был. А ещё о свободном потоке воли, что не нужно её напрягать, а просто отпустить в нужном направлении. А направление – ну, прислушаться к Творцу, там всегда чувство гармонии. Это уже не мыслеобразы, это я поняла как-то, пока плавала. Вах у меня три раза рыбку брал... Надо мне много обдумать, и прежде всего о свободном потоке воли. Дельфины потому такие гармоничные, что их воля всегда устремлена к Творцу”. Такое вот несоответствие внешнего и внутреннего...

Некоторые афоризмы Сони (в возрасте 8 – 10 лет):

ДЕТСТВО – восход судьбы в человеческой жизни.

ДУША – это пустота в человеке, которую он заполняет Богом или Сатаной.

ЖИЗНЬ – дуновение щедрости Божией на сотворённую Им природу.

ЗНАКОМСТВО – встреча разных пониманий мира или даже разных миров.

МУДРОСТЬ – это мера между «мало» и «много».

ГРЕХ – короста на душе, отделяющая человека от Бога. Мысль или действие против образа Божия в себе.

МЫСЛЬ – самая мощная после любви сила в мире. Смелость ума оформлять словами образы. То, что отличает мир от хаоса.

ПРЕОДОЛЕНИЕ – усилие души, в результате которого ум и тело справляются со всякими препятствиями.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ – такое необычное событие, которое изменяет в чём-то твой мир и тебя.

ПТИЦА – воплощённая мысль Бога о песне и полёте.

РОМАНТИКА – настроение, когда во всём обычном видишь чудо.

СКАЗКА – это жизнь, придуманная душой, когда ей не подходит её реальная жизнь.

СПИРАЛЬ – застывшая в танце прямая.

СТЫД – огонь, выжигающий грех из души человека.

ФАНТАЗИЯ – ткань для украшения существования души»².

Мы видим удивительные взлеты сознания маленького человека, ущемленного несоответствием жизни организма и нормативных требований культуры. Не случайно холистическая трансперсональная психология не могла не прийти к обобщению – любая мыслимая и немислимая реальность есть функция состояния сознания [52]. Так получается, что сознание – это тончайшая пронзительная *голографическая мембрана*. Через нее человек обретает *свой голос и слух* – сквозь бесконечное множество личин обретает свою личность (person) и преодолевает ее в трансперсональном лике. При этом человеческое сознание обретает новое качество трансперсонального потенциала ответственности и совести в непрерывных напряжениях, синхрониях и гармониях *противоречий*, таящих истину и правду [36, 37, 48]. Думается, что релевантная репрезентация этого холодинамического потока сознания человека возможна на основе языка *транскоммуникации* [5].

Нозтическое сознание как транскоммуникация. В своей работе я сознательно пользуюсь языками междисциплинарными и поликультурными, не лишая себя соблазна вывести читателя из себя в транскоммуникативное состояние сознания. Все термины и понятия используются мною в общепринятых значениях, зафиксированных в словарях, кроме одного. В 1992 г. я вынужден был ввести в научный лексикон термин «транскоммуникация» [3–5]. Я должен был это сделать, так как все упрямее понимал, что в феноменологии очевидной нормативной динамики человеческой коммуникации возрастающе значимой

² Более подробное знакомство с творчеством этого «человека-дождя» на сайте <http://www.rodon.org/other/vmitssh/>.

является «постоянная» *трансформация* самой этой динамики. Так появилась приставка *транс*, которая, кроме своего простейшего значения, «транзит», имеет и более глубокое семантическое поле, охватывающее все измененные, альтернативные и аутокреативные состояния сознания в их целостной динамике – *holomovement*³. Таким образом, введенное понятие «транскоммункация» оказывается по сути интимно связанным с тем, что традиционно называют сознанием – *знанием о знании*, перманентно меняющемся и меняющим в этом процессе само *отношение человека к знанию*. Так человек оказывается в вечном поиске истины и правды. Он становится человеком вопрошающим у природы и совести, т.е. неизбежно обретает ответственность перед собой и миром. Модель транскоммункации позволяет раскрывать основные психологические грани этой ноодинамики сознания. В своих работах я подробно раскрываю *архетипическую* схему транскоммункативной ноодинамики [3–5]. Вкратце воспроизведем ее простую основу. В схеме «креста» вертикаль означает встречное движение *нисходящего* и *восходящего* лучей транскоммункации, проявляющихся соответственно в *катарсисе* и *инсайте*. Горизонталь означает также встречное движение *импрессивного* (архетипика левого) и *экспрессивного* (архетипика правого), проявляющихся соответственно в пиковых переживаниях *импринтинга*⁴ и *экстаза*⁵.

Поскольку чистая феноменология сознания почти сливается с тем, что сейчас мы называем виртуальным, т.е. тем, что одновременно возможно и невозможно в любом тончайшем контексте, то релевантным способом ее описания и будет собственно транскоммункативный процесс как неизбежно объективирующийся. Транскоммункация объективирует необъективируемое как, например, слезы объективируют необъективируемые чувства.

Довольно просто описать внешнюю сторону – поверхность коммуникации: коммуникатор (К) передает значащее для него содержание (Х – предмет сообщения) через означающее (У – языковые возможно-

---

³ Holomovement – ключевое понятие в интерпретации Д. Бом квантовой механики. Это объединяет целостный принцип «неразделенной цельности» с идеей, что все в состоянии процесса или становления (это он называет «универсальным потоком»). Для Д. Бом цельность – не статическая исключительность, а динамическая цельность в движении, в которой все движется вместе в связанном процессе. Понятие представлено наиболее полно в книге «Wholeness and The Implicate Order», изданной в 1980 г. [24].

⁴ Здесь импринтинг используется в более широком значении, чем этологическое, введенное К. Лоренцом, т.е. имеется в виду не только крайний вариант автоматического идеомоторного запечатления, но и весь широкий комплекс переживаний удивления, завороченности, восхищения.

⁵ Экстаз здесь также рассматривается не столько в крайнем медицинском значении, сколько в известных переживаниях сверхвыразительности, повышенной экспрессии, полета фантазии, еще не достигающих инсайта, но стремящихся к нему.

сти) реципиенту (R). Этот процесс бесконечно обратим с постоянной сменой семантических контекстов всех функциональных позиций коммуникаций (K – X – Y – R). Однако видим, что смысловое поле сознания в коммуникации растет, как снежный ком, качество которого зависит от того, какие и насколько согласованные использовались культурные коды. Но значительно менее привычно чувствовать, что *квант сознания*, назовем его эйдос, существует принципиально иначе, чем все указанные культурные коды, его выражающие. Будет ли доходчивым здесь пример: когда *влюбленные* разговаривают, важно не *что* они говорят, а то, что они вообще *говорят*, и еще лучше, если они *об этом молчат*. И вот здесь, когда ничего нет на поверхности, происходит филигранная игра граней энергетических, информационных, пространственных, темпоральных качеств эйдосов, их мощная ноодинамика.

Эйдосы сознания живут виртуальными противоречиями транскомуникативной логики, которая оказывается абсурдной с точки зрения общепринятой формальной логики. Формальная коммуникативная логика проста – коммуникация возможна, если K не равно R и X не равно Y. Транскомуникативная логика существует, а жизнь сознания реализуется, если при K не равно R, а X не равно Y реализуются такие «моменты истины», когда K равно R, а X равно Y, т.е. осуществляются соответствующие эйдетические транзиты сознания. Влюбленные чувствуют себя растворенными друг в друге на уровне пиковых переживаний, где не может быть речи о симулякрах, но при этом они еще ярче чувствуют собственную аутентичность и аутентичность другого. Заметим, что не нужно менять схему анализа, если мы хотим осознать момент инсайта как ключевой в креативном состоянии сознания. Более того, общая схема транскомуникации, связанная с осознанием основных типов пиковых переживаний, может стать моделью ноодинамического ядра сознания.

Рассматриваемые переживания в качестве процессов и состояний сознания одновременно антиномичны и холодинамичны. Квант сознания жив и переживаем существующим в нем противоречием. В этом отличие живого концепта сознания от формально-логических терминологических его кристаллизаций. Кроме того, в этом транскомуникативном процессе сознание как отношение неизбежно оказывается децентрированным (включенным в Иное и включающим в себя Иное как переживаемое). Эта имманентная несамотождественность сознания, видимо, ключевой момент драматизма человеческого существования.

Эта нетождественность сознания самому себе создает у человека понимание такого жизненного прорыва, что, даже не углубляясь в рациональное осознание своей безграничности, он, на уровне *интуитивного чувствования*, переживает свою космогоничность и множественность в единстве. Через смерть ему открываются трансцендентные координаты мира, овладеть которыми он пытается по сей день; прозябая

в очевидной повседневности жизни, он не теряет животворного переживания проникнутости тайнами жизни трансцендентного масштаба. Самой жизнью человек ассимилирует обозначенные выше транскомуникативные противоречия как горизонты возможного соучастия в чем-то больше, чем он сам. Множество вариаций человеческих фантазий в духе *cogito ergo sum* в транскомуникативном жизненном пространстве постоянно возвращают его к тайне, к его космогоничности через уже неустранимые проблески сознания. Не просто «Я знаю, что знаю, что знают...» элементарного сознательного цикла, но «Знает, что знаю...!». Этот «генерализованный Некто» (Дж. Мид) возвращает человеку *метакоммуникативный масштаб* его жизни. Отсюда «странные мысли» многих древних о «дыханиях Бога Вишну» или «эманациях Высшего Разума (майя)», не соразмерные телесной, но синтонные духовной жизни человека [21, 26]. Хотя зафиксировали это философы, но испытывал такие транскомуникативные вспышки сознания, видимо, каждый, становящийся Человеком.

В метакоммуникативном масштабе становится рельефным транскомуникативное движение сознания не только как *со-знания*, но и как *со-вести* уже в современном осознании *трансцендентальной тайны совести*⁶. Выше этого открытия, несмотря на все ухищрения современного сознания, человек подняться не может, и это служит внутренним основанием его эксплицитной или имплицитной религиозности. Полагаю, что постнеклассическая наука [18] в понимании метакоммуникативного качества человеческого *потока сознания* создает научную картину сознательной жизни человека в трансперсональном масштабе [30, 43, 52]. Это заставляет многих философов и психологов говорить о реальности сверхсознательного [20, 22, 35].

Кстати, об Анаксагоре с точки зрения сознания будущего. Возвращение к истокам полезно с точки зрения поиска наиболее устойчивой и перспективной тенденции возникновения ключевых превращений мира. Для более цельного понимания *ноэтического*, а через Человека и *сознательного измерения универсума* целесообразно вернуться к ключевой идее Анаксагора, из которой выросла вся многообразная историческая линия платонизма в постоянном переосмыслении человеческого сознания.

Основная космогоническая идея в дошедших до нас афористических набросках Анаксагора вроде бы проста: *пous* (нус) как высшее *умное* начало универсума, бесконечного во многом и малом, все в нем предрешает и упорядочивает, не смешиваясь ни с чем (как иным). Кон-

⁶ «Глас божий слышен в свободе самоубеждения, у него нет другого органа, чтобы сообщить о себе человеку. Там, где человек принимает решение исходя из своей внутренней глубины, он полагает, что послушен Богу, хотя и не обладает объективной гарантией знаний того, что угодно Богу... истинное руководство Бога не становится обладанием» [36. С. 454–455].

тинуальность (неразделенность) материального универсума, по Анаксагору, предполагает такое же континуальное соучастие в нем ноззиса. При несмешиваемости материального и нозэтического в универсуме «все должно заключаться во всем» [13]. Не это ли хотел подтвердить недавно Д. Бом, вводя понятия *holomovement* и *soma-significance* [24] и развивая тем самым холистическую парадигму науки?

Думается, что гипотеза Анаксагора содержит нечто большее – предположение о начальном космогоническом противоречии и вечном напряжении нозэтических форм и бытийных содержаний, что рождает вечный поиск и моменты обретения *антиномичных гармоний*. В этом контексте миссия человека – осознание этой вечной ноодинамики. В человеке она живет как сознание, просветляющееся в транскоммуникативном процессе. Это осознание «несмешиваемости» и одновременно соучастия разнопорядковых событий – мысль, вызывающая смех, остается мыслью, смех остается смехом, но они уже транскоммуникабельны друг другу. Проясним *транскоммуникативную вертикаль* сознания человека. Теоретически она бесконечна, но практически современный диапазон ее осознания весьма скромнен (если не учитывать некоторые духовные достижения мистических христиан, йогов, буддистов и др.).

Типичный спектр транскоммуникативных переживаний обычных людей достаточно понятен, поскольку моделируется «театрально-драматическими» ситуациями – альтруизма, самопожертвования, лжи во спасение достоинства, столкновений судьбы и морали, согрешения и воздаяния, мести и искупления, прощения и неотвратимости настаивающей совести и т.д. и т.п. – они бесконечны. *Глубина проникновения нозэтического в телесное* означает ёмкость транскоммуникативного процесса. Так приятно траснкоммуникабельно отвечает организм смехом и слезами (и сопутствующими им метаболическими «ответами») на этические коллизии или эстетические остроты. В этом же ряду внушенные ожоги, болезни, смерти. Тело *отвечает* в качестве реципиента доверчиво, глубоко или не отвечает никак – не верит. Транскоммуникация происходит или нет, детерминистически на физическом плане это не гарантировано. Важно, что если это случается, ответ организма на нозэтический процесс может быть сколь угодно глубоким: не только паралитическим, аллергическим, анабиотическим, но и иммуногенетическим, биомолекулярным, если не атомарным. Кажется, что современной науке такие исследования уже не в тягость. Но насколько эффективнее все «оцифровываемое» загрузить в искусственный интеллект и, который раз, пытаться воспроизвести его как «суперпротез» чьего-то воспаленного сознания, преподнося его в качестве трансгуманоида «будущего».

Сейчас я осознал, что в перечисленных мною мирах сознания вытеснил тему любви, чувствуя, что она не умещается в бесконечное по-

ле сознания, но является *главным транскоммуникативным процессом Человека человечества*. Более «короткое замыкание» геномного и духовного в человеке в этом трудно представить. Это живая перспектива аутентичного сознания совести. Приведу лишь мысль В.В. Налимова: «Только через трагедию любви человек обретает себя. Иначе мы были бы автоматами, программируемыми культурой» [13. С. 252]. В более широком ноэтическом контексте вспоминается афоризм Анаксагора: «Путь к Богу не зависит от местоположения». Сколько энергии Геи было бы сохранено и преобразено иначе!

Предчувствие перерождения. Грядет ли кардинальная смена магнитных полюсов Геи – судить астрофизикам. Но признаки наступающей ноосферной трансформации сознания, даже его перерождения, по аналогии с базовыми перинатальными матрицами Ст. Грофа, давно осознаются в старой новой культуре [34]. После Ноя человек осознает свою неразумность, но уже не может не быть *ноэтическим*⁷. Знаков пробуждения *нового сознания* так много, что ограничусь максимами. Что стоит за выстраданным: «история учит только тому, что она ничему не учит» или сократовским: «я знаю, что ничего не знаю»?

При этом *быстрый глаз цивилизации* сегодня оцифровывает и таким образом присваивает все, что течет и движется (в том числе и во внутренностях самого человека). Еще немного – и у нас неизбежно возникают претензии к Всевышнему относительно изъянов в основах мироздания. Синхронно в науке и культуре все легче прорывается теснота прежних мыслеформ и теорий миротворения. Возникают метафоры, очень знакомые и отвращающие – пусть все взрывается, теперь и Вселенная тоже... Немного спокойнее «теория струн», но «черные дыры», «*кротовые норы*», «червячные проходы» в пространстве и времени!?

Призрак пещеры Платона возвращается. Готов согласиться с идеей трогательной книги «The Plato Papers» Р. Ackroyd, что мы живем в «*эпоху Крота*». Понятно, что мы предчувствуем конец света, конец нового времени, конец истории, конец цивилизации, конец человека homo sapiens. Несмотря на неизбежность этих апокалипсисов, мы зачем-то очень хотим *остаться*, пусть даже замороженными или целиком перепротезированными новейшей электроникой.

Апокалипсическим настроениям сопутствует и обостряется горько-сладкая ностальгия о первозданных золотых мирах. Известно, что наиболее сильные чувства антиномичны (месть, измена...). Но сравнимы ли с ними *вселенская ностальгия* – катастрофическое наслаждение рождения-смерти или смерти-рождения (путь бардо) [19, 34, 37, 47]. Не отсюда ли *отчаянный оптимизм* «Глобального Будущего 2045»? Если до сих пор люди гибли за металл и поэтому портили чело-

⁷ Обсуждения и исследования этой темы смотрите в сборнике «Psychology universum of Noetic man Creation», 1999, изданном по материалам I Международного симпозиума «Psychology universum of Noetic man Creation» [45].

веческие отношения, то теперь открывается фантастическая перспектива создания универсальных нано-подстилок жизни. Вновь оживает антропоидная идея заполучения бессмертного сознания – уже не важно, в каком теле – но за тот же металл.

Тотальный кризис анимации и проблема реанимации человеческого сознания. Меня не покидает оптимизм в понимании развития естественных наук, несмотря на навязчивые попытки все и вся сводить к забавным метафорам взрывов, карликов, кротовых нор, черных дыр и т.п. Вечные идеи ритмов, гармоний, резонансов, симпатий, отражающиеся уже в моделях N-мерных полей, голограмм и фракталов, найдут свое достойное воплощение.

Смущает *информационный взрыв социокультурных систем*, индуцируемый экспоненциальным развитием электронного обеспечения. Он провоцирует разбухание информационных процессов в глобализирующемся обществе. Это совпадает с такой же гипертрофией консюмеризма, который, с помощью возрастающей интенсивности и изощренности агрессивно-приторной рекламы, держит под постоянным наркозом обыденное сознание [44]. Развитие качества информационных сетей (от 3 D к 5 D и т.д.) разогревает иллюзию реальности жизни в них, эффективно формируя аддикции уже не только к простым играм, но к играм, маскирующимся в реальные жизненные миры.

Фактически человек выбирает уже только из моделей – что реальнее. То, что было естественным и священным контактом с природой, магией встречи с живым космосом, замещается гламурным экстримом. На наших глазах выросла *планета Симулякрия*, поглощающая гламурно-анимируемые горизонты космоса. К сожалению, здесь не обойтись только иронией. В эту космополитическую игру вовлечены и те, кого трудно заподозрить в конформизме, корысти и отсутствии критичного мышления. Чем совершеннее создается копия (эрзац реальности), тем легче заменяется надоевшая реальность, а потом просто путается одно с другим. Кажется, этот психиатрический синдром не оставляет нам выхода. Религия, культура, наука, искусство, технологии вроде бы все больше приближаются к нашей, но уже как бы виртуальной реальности. Более совершенные способы ее *анимации* убеждают человека в его состоятельности и правоте. Чем менее отличима копия от реальности, тем приятнее. Симулякр торжествует [28].

Зачем нам неуклюжая, невзрачная реальность, если получается яркая, привлекательная, удобная, а главное, *полностью подвластная нам анимация*. Даже в науке мы стараемся искать подтверждения и факты, нами же вынутые из реальности и нашим же научным сознанием причесанные в соответствии с *принятой парадигмой* (тоже сознательной схемой) [38]. Если такой конвенционализм относительно научных анимаций получает статус признанного (чего только стоит индекс

цитирования), что говорить о более вольных анимациях в других информационных сетях и потоках.

Если в 60-х годах прошлого века А. Моль отметил формирование у людей «войлочного сознания» с помощью СМИ [42], то сейчас говорят о «клиповом сознании» в контексте Интернета. Дальнейшую 5D-анимацию трансгуманоидного сознания нетрудно экстраполировать. Это похоже на агонию преодоления реальности. Все новые свежие симулякры пронизывают все сферы, модусы, миры анимаций нашего сознания. Таков современный способ существования человеческого сознания, который совершенствует себя в этом же направлении.

Я хочу поставить неудобный вопрос: а возможна ли еще *реанимация аутентичного сознания* и высвобождение его из мира приятных бликов и теней «пещеры Платона». Для этого мы в новом контексте возвращаемся к вопросу о сознании. Общепринятая рефлексия «Знаю, что знаю» для обывателей, которые это четко соотносят с *вменяемостью* как способностью *отдавать себе отчет* о происходящем, трансформируется в красивую теорию сознания как коммуникации [23, 25, 40]. Здесь очевиден выход из идентичности, самотождественности к пониманию *децентрации* от эго как *способа существования*. Джин выпущен! «Знает, что знают» – рождает принципиально новое качество отношений.

Децентрация открывает путь к принятию иного как Иного и возможность общения с ним. Такое сознание обнаруживается археологами уже у древних как тяга к Всевышнему – и недостижимому, и присутствующему одновременно (такова возможность интерпретаций некоторых наскальных изображений с часто встречающимися ладонями как бы из потустороннего мира). Об этом же свидетельствует практика жертвоприношений. Говоря современным языком науки, люди изначально пребывали в метакоммуникативном пространстве сознания и только в транскомуникативных метафорических пиковых переживаниях чувствовали возможность движения в этом измерении [31].

Теперь к воспоминаниям о будущем. По мере возникновения вербального (устного), затем письменного и, наконец, бесконечно анимационного языка как способа существования сознания первичная связь с высшими силами стала таять, исчезать незаметно. Галопирующая техногенная цивилизация заставила самодовольное сознание питаться продуктами собственных экскрементов – сверкающими симулякрами, карикатурными изобретениями, подсмотренными у живой природы. Признание статус-кво этой цивилизации парадоксальным образом пробуждает сознание к миссии возвращения к первородной тайне в ее космогоническом масштабе. Сколько же откусил Адам яблока с древа познания?

Аутентичное сознание. Организующий всё и не смешивающийся ни с чем *poies*, irradiирующий в бесконечностях эйдосов-идей,

проявляется часто искаженно, но иногда близко к идеалу (в бриллиантах, цветах) [49]. В человеческом сознании он находит основу для идеального воплощения. Это вечные эстетические гармонии и этические ценности, резонирующие в актуальном сознании современника. В то же время тысячелетний опыт медитативных практик показывает, что в таком состоянии сознания душевная энергия как бы венчана с чистой информацией образов в едином поле духовного пространства-времени.

Парадоксально, но ближайшим к языку чистого сознания, отражающим холодинамичность всего во всем, является *язык качественной димензиональной математики*, или «онтологической димензиологии» [32]. Математика является основой момента осознания. Осознать – значит со-считать, т.е. определить число, имя и квант сознания. Сказанное можно пояснить на архетипически понятных четырех числах.

1. *Квант* сознания в качестве холодайна (*holodine*)⁸ существует по «закону единицы», как и мандалы. Единица – одновременно и точка (Ничто), и сфера (Вселенная).

2. Сознание в качестве *отношения* живет по закону цельной бинарности, выраженному в символе Инь-Ян. Отношения динамично обратимы и зеркальны.

3. Любая *структура* сознания существует по «закону треугольника», обостряющему и умножающему отношения. В триаде каждый третий – лишний, запасной, зеркало для двух других, отражающее качество их отношений.

4. Сознание в качестве *холархического единства* существует как кватернион. Его классический символ – пирамида, объемность которой оставляет возможность быть уникальными вершинами всем четырем точкам, одновременно отражая целое. Модель голограммы отражает принцип кватерниона – кванты, отношения, структуры многогранно переливаются в меняющихся доминантах вершин целого.

Сквозной константой этой димензиональной математики является *напряженное противоречие* между полярностями, перетекающими (превращающимися) друг в друга.

1. На уровне единицы (кванта) это выглядит как фокусирование-расфокусирование центра и окружности мандалы.

2. Бинарная напряженность Инь-Ян динамизирует взаимодополнительность и отзеркаливание (например, гендерных сил сознания).

3. Осознаваемые треугольники человеческих отношений архетипически насыщены множественными напряжениями противостояний и отзеркаливаний.

4. Кватернион напряжен разнообразием гармоний и энергий. Не случайно египетские пирамиды до сих пор притягивают человеческое

---

⁸ Здесь *holodine* рассматривается как момент холодинамического поля сознания. Подробнее см. [53].

сознание. Еще один архетипический символ – драматическая семантика креста.

Дальше мы не будем продолжать качественную «распаковку смыслов» других числовых форм, поскольку основные качественные преобразования отражены в этих «джазовых квадратах» кватерниона. Это интерпретация древней идеи о числах как идеальных моделях космических и человеческих гармоний, идущей от Пифагора, продолжена интуитивистской математикой и конкретизирована психологическими интерпретациями структур сознания известными философами и психологами данного направления [13, 33, 37].

Забавно, что это отражено в простейших формах обыденного сознания. Так, семантический конструкт «счет» проявляет себя уже в атрибутивной форме сознания: например, «отдавать себе отчет», «по большому счету», «будем считать что...», «это не считается, не берется в расчет». Даже магический ноль задействован естественным образом – «пусто, пустое место», и наоборот – «бессчетно, безмерно, неисчислимо», следовательно, «бесконечно». Между «пусто» и «необъятно» можно вместить все оттенки качественно-количественных форм, фиксированных в естественном языке. Несмотря на очевидное тяготение к точности, математические архетипы оставляют удивительную свободу творческой фантазии. При этом другие, более конкретные, и весьма изощренные языки искусств (кроме музыки), ориентированные на актуализацию эстетики переживаний художественного сознания, наталкиваются на фатальную редукцию. Поэтому остается крылатым выражение о «невыразимости».

С одной стороны, хотя «мысль высказанная есть ложь», мысли о мыслях являются атрибутивными признаками рефлексии сознания, которое ищет все более подходящие символы самовыражения. Это указывает на постоянное *самовозрастание сознания* в культурно-историческом горизонте. Идет непрерывный поиск все более тонких, прозрачных, светоносных символов транскомуницирующего сознания – от древних ритуалов и мистерий огня до различных культурных практик медитаций, вплоть до их собственно психологического освоения: психосоматических аутотренингов, эйдетических игр воображения, ноэтических трансцендентальных путешествий и трансформаций, филигранных практик работы с семантикой человеческого Я [4, 14, 22]. Этот поиск созвучия и соучастия «вышшим силам» часто непостижим «наличному сознанию», которое все же открыто в своих пиковых переживаниях трансцендентному началу. В нем видят «зов судьбы», предупреждение и прорицание всевозможных анимистических сил тонкого мира вплоть до символических предзнаменований любви или кары Всевышнего. Эту первородную ориентацию сознания мы называем метакоммуникативной, поскольку рефлексия «горизонтальных»

коммуникаций между себе подобными возникает одновременно с точки зрения проницательного «Всевидающего ока».

Это отражает суть главного холодинамического вектора сознания как транскомуникативно-эмерджентного. В нем человеку открываются трансцендентальные ценности его предназначенности, призванности и сопричастности *добру, страданию, жертвенности, любви, тайне, совести*. Те, кто не чувствует трансцендентность этих ценностей, во все эпохи остаются «культурными роботами» ходульной утилитарной морали, отрицающими труд и жертвы теистической человеческой веры [13, 18].

Зов и вызов цивилизации. Сегодня зов «высшего тонкого мира» в метакоммуникативном пространстве человека, возможно, существует, как и во все эпохи, но проблема обостряется. Этот голос явно заглушается громогласными достижениями, прорывами, проблемами и «призывами» цивилизации к маленькому человеку постиндустриального, информационного трансгуманирующего общества [16]. На новом витке очередной раз реанимируются призраки построения человеком рая, если не на земле, то хотя бы в космосе, переделывая их под потребности самого себя прежнего. Какого себя? – Себя, смоделированного сегодняшним воспаленным сознанием.

Вот яркий фрагмент фантомов этого сознания в рецензии Ст. Лема на виртуальную работу Вильгельма Клоппера «Культура как ошибка» в его симптоматичной книге «Библиотека XXI»: «...воздействие культуры *умозрительно*: ведь она не переделывает человека силой религиозных догм и заветов в существо *действительно* бессмертное... но вот техническая цивилизация, поначалу мелкими шажками, малопомалу продвигаясь вперед на примитивных тарактелках, подползла под культуру – и задрожало здание, треснули стены хрустального ректификатора, ибо техническая цивилизация обещает *подправить* человека, *оптимизировать* его тело, его мозг, его душу; эта, внезапно нахлынувшая исполинская сила (информация, что копилась веками и извергнулась в XX в.) провозглашает возможность долгой жизни, граничащей с бессмертием, возможность быстро созреть и совсем не стареть, возможность бесчисленных физических наслаждений... она провозглашает возможность *свободы* повсюду, где ранее слепой случай был обвенчан с неизбежностью (например, свободы подбирать черты характера, усиливать таланты, способности, ум, придавать телу человека, его лицу, мышлению произвольные формы, функции, при желании даже вечные)... слишком долго, тысячелетиями! – длился процесс подчинения человека собственному эволюционно сложившемуся естеству, это гигантское и многовековое усилие, направленное на то, чтобы полюбить данную форму существования во всей ее нищете и безобразии, в ее убожестве и физиологических бессмыслицах... Проблема, над которой бьется гуманист, придерживающийся традицион-

ных взглядов, испуганный научной революцией, – это всего лишь тоска собаки по отобранному ошейнику» [11. С. 130].

Этот фантом сегодня настолько реален, что если его продолжать игнорировать, высшие достижения истории культуры сознания, особенно в его трансцендентальных прозрениях, окажутся под угрозой деградации и фальсификации. В информационных сетях практика девальвации и извращения высших человеческих ценностей пухнет от циничного самодовольства. Самое печальное, что человечество к этому неизбежно привыкает. То, что любовь уплощена сексом, уже никого не удивляет. Страдающего мы называем лузером. Нас соблазняют наслаждаться эстетикой гадости. Мы уже не умеем различать истину и правду. Можно экстраполировать, что будет дальше, особенно если поверить в оцифрованную версию такого сознания, преодолевающего время.

Ответом может быть только более интенсивная сознательная работа с еще живым сознанием.

Холодинамическая перспектива живого сознания. Понятно, что технократия, замороженная открывающимися фантастическими возможностями нано-моделирования информационных процессов, строит вполне конкретные планы моделирования сознания во вневременных негэнтропийных системах.

Однако преклоняясь перед восхитительной тайной жизни [46], не стоит впадать в очередную волну мегаломании. Вглядываясь в естественную историю живого сознания, важно сконцентрировать внимание на тех его возможностях, которые без куклотворческого протезирования позволяют в человеке творить значительно большее, чем то, что принято считать его сегодняшними высшими достижениями, достойными увековечивания. Сознание как транскомуникативное отношение между знаниями (эйдосами, идеями) заостряет в себе ноэзис универсума (П.Т. Шарден)⁹ и имеет высшую точку, созвучную *pois*. Она освещает весь калейдоскоп ноэтических процессов сознания, делающего не только человека Человеком, но и преображающего его в Человека Будущего, выходящего за пределы наличного сознания.

В современном антропологическом психологическом знании эта вершина понимается как I, Self, Person в экзистенциально-трансцендентальном смысле [22, 32, 37, 39]. Она мыслится как спонтанный трансцендирующий луч энергии, переживаемый человеком как

---

⁹ «В своих реконструкциях мира нынешняя наука пренебрегает существенным фактором, или, лучше сказать, целым измерением универсума... рефлекслирующее Существо в силу сосредоточивания самого на себе внезапно становится способным развигиваться в новой сфере... в конечных результатах своих исследователей физики не знают, имеют ли они дело с чистой энергией или, напротив, – с мыслью... человек представляет собой индивидуально и социально наиболее интегративное состояние, в котором нам доступна ткань универсума... в настоящее время мы находим здесь наиболее подвижную точку этой ткани, находящуюся в ходе преобразования» [27. С. 136–137].

Воля. В этом смысле личностная воля (собственно личность) в нозетическом контексте может рассматриваться как своеобразная духовная семантическая мембрана – голос и слух личности (personality). Она определяет ценностную избирательность и энергию всех процессов многослойного поля сознания. Уровни движения сознания выглядят упорядоченными, и есть соблазн разместить их в одномерном континууме. Но важно понять, что персональная воля (volition of person) пронизывает одновременно все уровни сознания как холономные измерения. Принимая холистический принцип (от большего целого к меньшему), получаем движение от высших метакоммуникативных ценностей, даже эмпирически проявляющих свою вечность и трансвременность (в нозетическом смысле), и обнаруживаем четыре уровня *гармонизации*. Речь идет о погружении нозетического сознания в преобразующуюся телесность человека. Холодинамика живого нозетического сознания выглядит так:

1. Глобальное *поле свечения Я человека в нозисе* – это свет его эстетических, этических, мистических ценностей. И. Кант метафорически обозначил это состояние как «звездное небо надо мной и моральный закон внутри меня». Это уровень спокойной, но иногда пронзающей совести, прожигающей все уровни сознания и телесности человека.

2. Под совестью текут потоки мысли – ленивые и будоражащие, с неожиданными водопадами, прорывами и тупиками – это *интенсивная многомерная ментальная сфера сознания*. Ей уже транскомуникабельна нейро-и соматодинамика телесности. Отклики тела могут быть не только благостны, но и опасны. Энергоемкость мыслительных процессов хорошо знают те, кто занимается *реальной* умственной деятельностью.

3. Энерго-информационный шквал *образной* основы мыслей не перестает удивлять психологов, исследующих эту бесконечно многообразную *эйдетическую динамику*. Поэтому профессиональная работа с образами существенно гармонизирует не только психосоматику, но и ментальную жизнь человека.

4. От уровня к уровню концентрация сознания и кумуляция его энергоемкости возрастает. Апогей этой концентрации – *внимание*. Не случайно его связывают даже с общим уровнем бодрствования человека. Фокусирование-расфокусирование, концентрация и пролонгирование «неусыпного» внимания уже непосредственно связано с сенсоматическими изменениями в организме. Эта пластика внимания курирует глобальную динамику жизнедеятельности организма – «*стресс-транс-формацию*», которая регулирует качество открытости – закрытости, мобилизации и избирательности жизненных транскомуникаций человека в целом [3, 5].

Система нозетических тренингов с нарастающей интенсивностью по всем четырем лучам в уже *пробуждающемся* сознании ребенка бу-

дет проращивать его ноэтический потенциал в направлении экологической креативности относительно своего окружения и себя самого.

В контексте проблемы микро-и макроноэзиса я в различных курсах представил общую схему духовного становления человека, отличающуюся от традиционных акмеологических социально-ориентированных схем (роста – расцвета – достижений – увядания) [3, 4, 45]. Вспышки трансовых пиковых переживаний квантов ноэтического сознания в качестве микроноэзиса проявляются в любые периоды жизни человека. Они постоянно питают макроноэзис, лучи которого актуализируют и развивают основные ноэтические сезоны жизни человека.

1. С точки зрения холистической модели ноэзиса каждый ребенок рожден в своеобразном коконе ноэтической одаренности. Эту колыбель духа целесообразно обозначить как *протоною* – изначальная открытость человека духовному ноэзису. Она рождает невыразимо непостижимые переживания вселенской любви, страха, тоски (то, что З. Фрейд называл океаническим чувством).

2. Социокультурное оформление человека и его сознания трансформирует его диффузные протонояльные переживания в *ортоною* – рациональные, общепринятые, правильные нормативные конвенциональные структуры разума, обеспечивающего традиционные виды деятельности. При отсутствии своевременных ритуалов инициации, существовавших в древних обществах, фаза ортоноии может растягиваться на неопределенно долгий период, начиная с детского сада и не заканчиваясь в постуниверситетской корпоративной среде.

3. Однако несмотря на самодовольную рациональность, сознание каждого человека попадает в кризисные ситуации конфликтов, протестов, тягостных сомнений, разочарований. Призрак пещеры Платона возвращается, и прекрасная рациональная понятность становится иллюзорной, фальшивой, враждебной. Протонояльные капризы ребенка обычно не воспринимаются всерьез, но с подростковыми, юношескими, молодежными протестами, принимающими причудливые паранояльные формы, уже не остаются без внимания рефлексизирующей общественности. Так или иначе, почти каждый человек, продолжающий духовное становление, проходит через этот смутный, болезненный, острый период *паранойи* – духовной пустыни, переоценки ценностей, знакомства с одиночеством и отчуждением – и ищет в себе силы вернуться в общество другим, обновленным, пройдя второе духовное рождение. Это может быть связано с обретением или сменой религиозных верований и мировоззренческими трансформациями. Не каждый может смириться и вынести параноидальные относительности и противоречия обратных сторон реальности.

4. Человек, преодолевший этот кризис фундаментального раскрытия и расширения сознания, почти чудесным образом оказывается в гармоничном светоносном мире вроде бы таким, как и прежде, но

насыщенным внутренним глубоким нозтическим сиянием. Этот сезон жизни в традиционных духовных практиках описывается как метанойя – возможно, высший семантический концепт ноззиса. Метанойя трактуется как пробуждение, покаяние, преображение, инсайт, космическое сознание, духовное самосовершенствование, просветление в духе, мудрость, смирение, альтруизм.

Эта схема макроноззиса является актуальным контекстом для актуализации всех полей холодинамики живого нозтического сознания. Эти сезоны развития человека реализуются не линейно, в идеальном случае – экспоненциально, когда метанойальное сознание, пробудившись, постоянно одухотворяет предыдущие нозтические уровни сознания. Наиболее проблематичным является период паранойального сознания, который может поддерживаться разнообразными известными духовными практиками. Метанойальное же сознание, являясь самовозрастающим, само готовит мощную «стрелу духа», преодолевающую барьер смерти [19].

Вспоминая неоднократные прозрения мистиков о том, что современная эпоха характеризуется сближением материального и нозтического миров, можно предполагать, что такая сознательная интенсификация нисходящего и восходящего транскоммunikативных потоков ноззиса приведет к эмерджентиям сознания, его качественному перерождению. В моем многолетнем Нозтическом практикуме я наблюдаю качественные изменения психоэнергетических, информационных, пространственных и транстемпоральных состояний сознания. В собственно психологических энергии-информации-пространстве-времени раскрываются новые многомерные степени свободы. Жизнь в этом новом многомерном состоянии сознания не теряет своей реалистичности и переживается как новая потенция видеть скрытую красоту мира и себя самого с такой яркостью, что возникает надежда и уверенность оставаться именно таким. Со временем это состояние проходит, но с каждым более глубоким погружением в эту нозтическую «гиперреальность» оно *самовозрастает* и пролонгируется. Это наблюдение также соответствует прорицаниям восточных мистиков, что глобальная трансформация человека приводит его к способности по совести и достоинству трансформировать свою телесность и окружающую среду.

Вряд ли такой человек захочет вкладывать свои ресурсы в развитие современных индустриальных и постиндустриальных «монстров». Главное, что на этом пути ему могут открыться смыслы ноззиса, касающиеся длительности и качества его жизни. На мой взгляд, они находятся на пересечении нозтических парадигм «сознание – совесть» и «истина – правда». Решая эту дилемму, человек обречен найти оптимальный цикл своей жизни. Правда, имея в виду оптимизм современных трансгуманистов (проект «Глобальное будущее 2045»), человек уже будет иметь возможность самостоятельного выбора – выбора

эмерджентии живого ноэтического сознания (со всеми ее рисками) или выбора техногенного обеспечения каким-то образом дистиллированным и протезированного *прежнего наличного сознания* аватара.

Литература

1. *Анархономика*. Доклад Копенгагенского и института исследований будущего / под ред. Т. Кристенсена. М. : Ультракультура 2.0, 2011. 215 с.
2. Бекк Р. Космическое сознание. Киев : София, 2008. 448 с.
3. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскоммунитивный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М. : Смысл, 2005а. 248 с.
4. Кабрин В.И. Ноэтическая природа транскоммунитивной потенциализации базовых человеческих отношений в образовании // Преобразование жизненных миров человека / под ред. В.И. Кабрина. Томск, 2011. С. 334–378.
5. Кабрин В.И. Транскоммунитивация и личностное развитие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1992. 256 с.
6. Кабрин В.И. Транскоммунитивный подход как постметодология современной психологии // Вестник Томского государственного университета. 2005б. № 286. С. 15–19.
7. Киселев А. Физика, сознание, духовность // Революция сознания: трансперсональные открытия, которые меняют мир : материалы 17 Всемирного трансперсонального конгресса. М., 2010. С. 152–163.
8. Ключко В.Е. Постнеклассическая наука и проблема объяснения в психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3, № 1. С. 165–178.
9. Котлер Ф., Картаджайя Х., Сетиаван А. Маркетинг 3.0: от продуктов к потребителям и далее к человеческой душе. М. : Эксмо, 2012. 240 с.
10. *Культура 3.0*. URL: <http://aaaoooooyyyyye.livejournal.com/5372.html>
11. Лем Ст. Библиотека XXI века. М. : АСТ, 2002. 602 с.
12. Моуди Р. Жизнь после жизни: есть ли жизнь после смерти? Киев : София, 2007. 176 с.
13. Налимов В.В. Разбрасывая мысли. В пути и на перепутье. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.
14. Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М. : Новый хронограф, 2010. 440 с.
15. Петренко В.Ф., Сунрун А.П. Сознание и реальность в западной и восточной традиции: взаимоотношение человека и космоса // Евразийская ментальность / под общ. ред. В.Ф. Петренко, И.Н. Карицкого. М. : Информполиграф, 2012. С. 251–301.
16. Революция сознания: трансперсональные открытия, которые меняют мир : материалы 17 Всемирного трансперсонального конгресса. М. : МТА, МАПН, 2010. 448 с.
17. Славин Б.Н. «Наука 2.0» или «Наука 3.0». URL: <http://i-business.ru/blogs/24210>
18. Степин В.С. Перелом в цивилизационном развитии. Точки роста новых ценностей: Доклад на конференции 16–18 февраля 2012 «Глобальное будущее 2024». URL: <http://2012.gf2045.ru/read/165/>
19. Тибетская книга мёртвых. Бардо Тхёдол. М. : АСТ, 2011. 416 с.
20. Файдыш Е.А. Сверхсознание. М. : НПО «Фонд археологии», 1993. 144 с.
21. Argüelles, José The Mayan Factor: Path Beyond Technology. Vermont : Inner Traditions/Bear & Company, 1987. 224 p.
22. Assagioli R. Psychosynthesis: A Collection of Basic Writings. Synthesis Center, Hadley, MA : Commonwealth Printing. 1965.
23. Bakhtin M.M. The Dialogic Imagination: Four Essays. London, 1981.
24. Bohm D. Wholeness and The Implicate Order. London : Routledge, 1980.
25. Buder M. Ich und Du. Köln, 1966.

26. *Campbell J.* The Hero with a Thousand Faces. California, 2008.
27. *Chardin T.* Le Phénomène Humain. Paris, 1955.
28. *Deleuze G.* Logique du sens. Paris, 1969.
29. *Dyer W.* The Power of Intention (Learning to Co-Create Your World Your Way). Carlsbad, 2004.
30. *Ferrer J.* Revisioning transpersonal theory: a participatory vision of human spirituality. N.Y., 2002.
31. *Feyerabend P.* Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge. London : NLB, 1975.
32. *Frans J.* Man's Search for Meaning. An Introduction to Logotherapy. Boston, 2006.
33. *Franz M-L.* On Divination and Synchronicity: The Psychology of Meaningful Chances. Zurich, 1980.
34. *Grof St.* Psychology of the Future. Lessons from Modern Consciousness Research. N.Y., 2000.
35. *Hillman J.* Archetypal Psychology. A Brief Account. Texas, 1983.
36. *Jaspers C.* Vor Ursprung und Ziel der Geschichte. Munch, 1952.
37. *Jung C.* Von den Wurzeln des Bewusstseins. Vena, 1954.
38. *Kuhn T.* The Structure of Scientific Revolutions. Chicago : University of Chicago Press, 1962.
39. *Langle A.* Person: Existential and analytical theory of the personality: collection of articles. Moscow, 2005.
40. *Mead G.* Mind, Self and Society. Chicago, 1934.
41. *Mishlove J.* The Roots of Consciousness: psychic liberation through history, science and experience. N.Y., 1975.
42. *Moles A.* Sociodynamique de la culture. Paris, 1971.
43. *Nalimov V.* Spase, time and life. Philadelphia, 1985.
44. *Negus K.* Pickering Creativity, Communication and Cultural Value. London, 2004.
45. *Psychology* universum of Noetic man Creation. Collection of articles. Tomsk, 1999.
46. *Schweitzer A.* Aus meinem Leben und Denken. Hamburg, 1975.
47. *Tart Ch.* Living the mindful life. London, 1994.
48. *Tillich P.* The courage to be. Yale : Yale University Press, 1952.
49. *Tolle E.* The Power of Now: A Guide to Spiritual Enlightenment. California: New World Library, 1999.
50. *Weyl G.* Mind and Nature. Pennsylvania, 1934.
51. *Web 3.0.* URL: <http://www.genon.ru/GetAnswer.aspx?qid=165be64f-a9e3-4660-b22c-17b24dd7a5a8>
52. *Wilber K.* Integral psychology: consciousness, spirit, psychology, therapy. London, 2000.
53. *Woolf V.* Holodynamics. All power in action. San Diego, 1990.

ANTHROPOCENTRIC OR NOETIC EMERGENCY OF CONSCIOUSNESS 3.0

Kabrin V.I. (Tomsk)

Summary. In work modern alternative concepts and models of consciousness, its sources and conditions are submitted in a futurological context. Communication with hypotheses of global emergency of consciousness in anthropological, transhumanistic and noetic scales is discussed. The key hypothesis – a noetic universum reveals as cosmogonic process at the level of the person is shown as drama consciousness in its supercultural mission.

Key words: consciousness; anthropocentrism; noetic; transcommunication; animation, re-animation and emergency consciousness.

CURRENT DEVELOPMENTS IN GERMAN PSYCHOLOGY

Jürgen Margraf (Bochum, Germany)

In agreement with international trends, psychology is one of the most highly demanded academic disciplines in Germany. On average, there are 8.5 times more applicants than available places (to compare: biology 4.6, medicine 4.2, pharmaceuticals 2.0). This has led to an especially high “Numerus Clausus” for the discipline, which can be studied at 49 universities across Germany. In addition, several private „Hochschulen“ or „Fachhochschulen” are now offering BSc and sometimes MSc courses of typically more specialized applied variants of psychology. Roughly 35'000 students are supervised by some 2600 scientists (including >700 professors). Total faculty – 2606 (2002) and 3588 (2010). 2002 – 13.2 Students/Faculty 2010 – 9.6 Students/Faculty. Almost all institutions have now switched from the „Diplom“ to a BSc/MSc-structure. The BSc is generally seen as transitory stage, more than 90% of the students go on to an MSc in psychology, primarily specializing in clinical psychology/psychotherapy and economic psychology. The number of PhD's per year exceeds 500 and there are an additional 40-45 habilitations/year (in both cases mostly of the cumulative (publication-based) type. The percentage of females is 77.6 for students, 68.2% for dissertations and 45.2% for habilitations.

What are BScs doing next? 487 BScs (2012): 445 – MSc Psychology, 7 – other master, 8 – other studies, 14 – internship, 6 – working, 7 – not working.

Psychological research encompasses a broad array of sub-disciplines and topics that have witnessed an increase in third-party funding (primarily public peer-reviewed sources). In addition, the discipline is becoming more international. While the number of publications in German language remains at a high level, there has been a strong increase in English language publications over the past 10 years. In 2010 for the first time there were more than 10000 English language publications (36% of all psychological publications originating from Germany). The highest share of English language publications is found in general, biological and neuropsychology (80%), followed by differential, developmental and social psychology as well as diagnostics and methodology (30–60%); the lowest proportion is observed in applied disciplines (10–20%). International reception of German psychological research is expressed in a share of English citations of 72%.

The professional situation of psychologists is generally positive with a low unemployment rate in spite of a steadily increasing number of practitioners and researchers. A special situation has been created by the introduction of a psychotherapy law in 1999, that paved the way for the inclusion of over 30'000 psychological psychotherapists into the health care system. In the mean time, psychologists have become the largest group providing psychotherapy.

- Currently 22 training and research institutes psychological psychotherapy (adults).

- 8 training and research institutes for child and adolescent psychotherapy.

- Together over 2 400 therapists in training.

- Typically 1 200 patients per institutes and year.
- Number of Professors: 2000 – 589; 2010 – 719.
- Ratio Students/Professor: 2002 – 54,7; 2010 – 47,6.

Psychological Workforce

Total number of professional psychologists: 54 815.

Psychotherapy (Health Care) (Adults+Children) – 33 077 (some more private practice); 78% – psychological psychotherapists and 21,8% – medical psychotherapists.

Economy – 10 400 (come more employed).

Science – 3 588 (more employed).

Education – 3 500 (more employed).

Law Enforcement – 2 450 (more employed).

Traffic etc. – 1 800 (some more private practice).

Number of unemployed psychologists: 2000 – 3 000, 2011 – 1 500 (rate – 2,9%).

Number of Publications by Subdiscipline – 2010.

Clinical – 5 703   Educational – 1 003   Methods – 320

General – 1 470   Development – 994

Diff/Diag – 1 344   Work&Org – 896

Bio/neuro – 1 079   Social – 435

Share of Publications in English: 1998 (+0,5%), 2010 (+6,9%).

Current Trends:

- Ongoing professionalization of psychotherapy.
- Increasing overlap of bio/neuropsychology and clinical psychology.
- Increasing overlap between social and economic psychology.

New subdisciplines, e.g.:

– Clinical Child and Adolescent Psychology (Bochum, Bielefeld, Marburg, Landau, Muenchen...).

– Genetic Psychology (Bochum).

– Economic Psychology.

New specialized MASc-programs, e.g.:

- Cognitive neuroscience.
- Social and economic psychology.

Farther away...

On the horizon:

- PhDF – programs.
- BSc with honours.
- Fast-track programs to PhD.
- “Direktstudium” in psychotherapy.

Open questions:

- Role of “Fachhochschulen”.
- Feasibility of parallel scientific and clinical training.
- Migration of economic psychology to economic faculties.
- Drift of bio/neuro.psychology out of psychological faculties.
- Different degrees of professionalization (clinical vs. other fields).

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

УДК 159

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ПОПЫТКИ ПОСТРОЕНИЯ ИНТЕГРАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ ЗДОРОВЬЯ В КОНТЕКСТЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Г.В. Залевский, Ю.В. Кузьмина (Томск), В.Г. Залевский (Барнаул)

Аннотация. Представлена попытка аналитического обзора существующих в литературе подходов к здоровью и тенденций к построению интегративных моделей здоровья. Большинство из существующих подходов остаются ограниченными, односторонними. Авторы статьи пытаются выйти за пределы этой ограниченности, предлагая целостно-ценностный подход, ближе всего к которому находятся гуманистический, холистический и аксиологический подходы.

Ключевые слова: здоровье; подходы; комплексный; нормоцентрический; феноменологический; холистический; эволюционистский; дискурсивный; аксиологический; акмеологический; когнитивистский; гуманистический; теория социальных представлений; целостно-ценностный.

О.С. Васильева и Ф.Р. Филатов, рассматривая здоровье как предмет междисциплинарного исследования, выделяют следующие подходы: комплексный, или системный, нормоцентрический, феноменологический, холистический, эволюционистский, социально ориентированный, кросс-культурный, дискурсивный (или диспозитивный), аксиологический и акмеологический [2. С. 17–19]. И здесь авторы дают краткую характеристику этих подходов:

1. В рамках *комплексного подхода* здоровье рассматривается как многомерный феномен, сложный и неоднородный по своему составу, сочетающий в себе гетерогенные, качественно различные компоненты и отражающий фундаментальные аспекты человеческого существования. Такое понимание, в частности, отражено в формулировке, предложенной экспертами Всемирной организации здравоохранения: здоровье – состояние полного физического, психического и социального благополучия, а не только отсутствие каких-либо болезней и дефектов.

Комплексный подход представлен достаточно ярко в *Health Psychology* (М. Мюррей, В. Эванс и др.), где здоровье определяется как благополучие в самом широком смысле – *wellbeing*. «Wellbeing – это многофакторный конструкт, представляющий сложную взаимосвязь культурных, социальных, психологических, физических, экономиче-

ских и духовных факторов. Этот сложный продукт – результат влияния генетической предрасположенности, среды и особенностей индивидуального развития» (цит. по: [2. С. 16]).

2. *Нормоцентрический подход* наиболее ярко представлен в традиционной медицине и психиатрии, где здоровье рассматривается как совокупность среднестатистических норм восприятия, мышления, эмоционального реагирования и поведения в сочетании с нормальными показателями соматического состояния индивида. Это некий оптимальный уровень функционирования организма и психики.

3. *Феноменологический подход* на первое место выдвигает субъективные переживания человека. Здесь здоровье рассматривается через призму проявления индивидуального, неповторимого способа «бытия-в-мире» (К. Ясперс, И. Ялом и др.). К недостаткам данного подхода относят прежде всего то, что полученные в рамках таких исследований данные практически не допускают строго научной формализации и верификации.

4. *Холистический подход* основан на представлении о здоровье как системном качестве, как обретаемой в процессе становления личностной целостности, как определенного уровня интегрированности личности (С. Гроф, Г. Олпорт, К. Роджерс, Э. Эриксон, К.Г. Юнг и др.). В таком контексте интегрированность является одной из основных характеристик здоровой психики.

5. *Эволюционистский подход* отличается тем, что любые явления душевной жизни, любые внутриличностные преобразования оцениваются в широком контексте общевидовой эволюции (В.И. Вернадский, В.П. Казначеев, Е.А. Спирин, К. Лоренц и др.). Согласно такому подходу любое проявление человеческой природы признается здоровым или болезненным в зависимости от его целесообразности для общевидовой адаптации.

6. *Социально ориентированный и кросс-культурный подходы* акцентируют внимание на влиянии цивилизации или наиболее общих форм социального бытия на здоровье и полноценное развитие отдельного индивида, рассматривают здоровье в контексте различающихся культурно-исторических условий, в рамках определенных национальных групп (Г. Маркузе, Ж.-Ж. Руссо, З. Фрейд, Э. Фромм, К. Хорни и др.).

7. *Дискурсивный (или диспозитивный) подход* исходит из того, что любое представление о здоровье может быть исследовано как продукт определенного дискурса, имеющего собственную внутреннюю логику конструирования или концептуализации социальной реальности (В.М. Розин, М. Фуко). В рамках данного подхода здоровье рассматривается как социальное явление, представляющее собой проекцию и объективацию сложной системы дискурсов. Основной задачей исследователя в связи с этим является дискурсивный анализ структуры устойчивых представлений и схем, регулирующих социальную прак-

тику оздоровления и определяющих современное понимание здоровья и болезни. Предполагается, что под действием медицинского дискурса современный человек привыкает решать все проблемы, связанные со здоровьем, исключительно «техническим путем» – употреблением медикаментов, обращением к специалисту-медику; он все неотвратимее затягивается в «воронку медицинского потребления». В поле духовно-экологического дискурса приоритетное значение приобретают предельные возможности самореализации личности, ее духовные и нравственные детерминанты.

8. В свете *аксиологического подхода* здоровье выступает как универсальная человеческая ценность, соотносится с основными ценностными ориентациями личности и занимает определенное положение в ценностной иерархии. Доминирование тех или иных ценностей, как и их переоценка, рассматриваются в качестве факторов, определяющего здоровье индивида (А. Кемпински, А. Маслоу и др.).

9. В *акмеологическом подходе* здоровье выступает в качестве основного и необходимого условия актуализации высших («вершинных») возможностей человеческой природы. В рамках такого видения предполагается наличие «микроакме здоровья» как личностного конструкта, имеющего первостепенное значение для реализации всех видов высших (предельных) возможностей человека, выступающего как критерий его жизнестойкости и в значительной мере определяющего вклад отдельной личности в общечеловеческую культуру [3, 12 и др.].

И.Б. Бовина и Н.Г. Малышева на основании литературного анализа выделяют несколько психологических традиций исследования проблем здоровья и болезни: первая сложилась в рамках когнитивной психологии, вторая – в гуманистической, третья – в русле теории социальных представлений [1. С. 47–64].

Когнитивистски ориентированный подход предлагает рассматривать познавательные процессы в качестве основных механизмов, которые направляют поведение человека, связанное с болезнью и здоровьем. Основное внимание исследователей направлено на изучение того, как отдельно взятый индивид перерабатывает информацию, как он ее отбирает с помощью аттитюдов и убеждений, допуская при этом ошибки. Индивид здесь рационален. В качестве примеров этой традиции авторы указывают на теорию причинного действия (Айзен, Фишбейн) и теорию запланированного поведения (Айзен), модель убеждений о здоровье (Розеншток) транстеоретическую модель изменения поведения (Прохазка, Ди Клемент, Норкросс).

Совершенно иная традиция исследования проблем здоровья и болезни сложилась в гуманистической психологии. Здесь разрабатывается «целостный подход к здоровью, в котором физическое и психическое здоровье представляются взаимосвязанными и, более того, оказываются связанными с высшими ценностями, целями, потребностями

человека» [16. С. 93]. Таким образом, в рамках этого направления основное внимание предлагается уделять изучению уникальной и неповторимой личности, а не отдельным ее компонентам, например, таким, как познавательные процессы.

Построение модели здоровья в гуманистической психологии базируется на представлении о базовом стремлении человека к росту, самоактуализации, поскольку потребность в здоровье является компонентом высшего уровня потребностей – потребности в самоактуализации (Маслоу).

Достижение здорового образа жизни связывают с поиском своего аутентичного Я, самопознанием, которое понимается как осознание себя в контексте отношений с миром, другими людьми, обществом в целом. Основным механизмом достижения здоровья считаются выборы, которые человек осуществляет, опираясь как на внутренние ориентиры, так и на внешние условия [13]. Следует отметить, что последние воспринимаются чаще всего как источник деструктивных влияний на личность. Общество в гуманистической психологии рассматривается с точки зрения тех преград, которые создаются на пути к здоровью, – в первую очередь речь идет об искаженном понимании «нормальности» и самого здоровья. Большое внимание этой проблематике уделено в работах Э. Фромма (1998), в которых анализировались такие пагубные для личности социальные влияния, как «патология нормальности» и «социально заданная ущербность».

Однако заблуждением было бы считать, что гуманистические психологи видят единственно возможный способ достижения человеком здоровья в тотальном противостоянии общественным влияниям. Напротив, многие из них подчеркивают необходимость «творческого синтеза», «увязывания» существующих социально-экономических условий жизни и собственной внутренней природы [13].

Таким образом, в рамках гуманистически ориентированного подхода подчеркивается необходимость изучения «внешних» и «внутренних» сигналов, определяющих выбор человека в пользу здоровья, однако на уровне эмпирических исследований акцент все же смещается на изучение внутренних, психологических факторов здоровья. Здесь анализируются особенности самоактуализирующейся личности (например, самооценка, стиль родительского воспитания, достижения в учебе и т.п.), а также взаимосвязи между такими параметрами, как осмысленность жизни и проявление тревожных, депрессивных симптомов; самоактуализация и характеристики здорового образа жизни или параметры физического здоровья [16].

В основе третьей традиции лежит теория социальных представлений (Г.М. Андреева, С. Московичи). С точки зрения этой традиции здоровье и болезнь являются социальными, эмотивными, символическими сущностями, которые невозможно изучать, полагая, что инди-

вид, осуществляющий поведение, связанное со здоровьем или болезнью, рационален. Адекватным способом изучения проблем здоровья и болезни в русле данной традиции становится рассмотрение обыденных представлений о здоровье и болезни, анализ того, как люди придают смысл здоровью и болезни, как эти «смыслы» затем изменяются, как обыденные представления о здоровье и болезни регулируют соответствующее поведение индивидов.

Из анализа подходов к проблеме здоровья авторы делают, на наш взгляд, правильный вывод о необходимости построения комплексной модели здоровья человека [1. С. 62]. По нашему мнению, следует в этой связи вести разговор о построении интегративной модели здоровья и здорового человека (личности). Эта мысль, как можно было заметить, пронизывает целый ряд подходов, о которых пишут О.С. Васильева и Ф.Р. Филатов [2]. К попыткам построения интегративных моделей здоровья можно отнести «ресурсную теорию здоровья» [14], «био-психо-социо-культурный подход» [17], «биопсихосоциоэтическую модель здоровья» [9, 10].

«Для определения категории психологического здоровья некоторые исследователи использовали понятие “интеграл”, производное от латинского *integer*, означающее “полный, цельный, ненарушенный”. Психическое здоровье традиционно интерпретируется как собственная жизнеспособность индивида, обеспеченная полноценным развитием и функционированием психического аппарата. Личностное здоровье свидетельствует об ориентированности на приобщение к родовой человеческой сущности. Человечность индивида понимается как становление и манифестация субъективного духа, поэтапное приобщение к родовой человеческой сущности, следование высшим образцам человеческой культуры, нравственным принципам, утверждение ценностей родового бытия человека, практическое преобразование действительности, основанное на любви к качеству жизни и воле к совершенству во всех ее областях. В христианской культуре человечность находит свое выражение в личностном способе жизни, предполагающем свободный, сознательный и ответственный выбор поведения на основе ценностно-смыслового самоопределения субъекта жизнедеятельности. Соответственно, интеграл жизнеспособности и человечности индивида есть максима психологического здоровья» [15. С. 96]. Пытаясь ответить на вопрос «Что такое психологическое здоровье?», авторы обращают наше внимание на то, что психологическое здоровье является в такой же степени вопросом структуры и динамики личности, как невроз или любой другой путь развития. Они подчеркивают: какими бы разными нам ни казались теории личности, все они так или иначе связаны с определенной комбинацией побуждения, регулирования, осмысления и стиля; структуры здоровой личности можно рассматривать скорее как процесс непрерывных изменений, нежели как сложив-

шуюся фиксированную систему. Как общий принцип личностные структуры стремятся к обретению все большей гармонии, в которой побудительная, регулятивная, понятийная и стилистическая функции сливаются в единое целое.

Следует отметить, что в отечественной психологии последних лет осуществляются попытки преодолеть методологическую и понятийную несогласованность, в том числе и в понимании того, что обозначено нами как «психологическое здоровье», подчеркивается **многоаспектность этого понятия**.

Биопсихосоционезитическая / духовная модель. Эта модель представляет собой одну из попыток построения интегративной модели здоровья в контексте интегративной антропологической психологии. Она отражает сложную, целостную, интегрированную природу человека, ее структурно-уровневую организацию, высшей интегративной составляющей которой является духовная, ценностно-смысловая составляющая, или высший – духовный уровень. На этой модели мы более подробно останавливались в ряде наших работ [4–12].

А завершим статью словами известного дагестанского поэта Расула Гамзатова: «Наш мир болезни тела победит, коль от болезней духа исцелится!»

Литература

1. Бовина И.Б., Малышева Н.Г. Здоровье и болезнь в представлениях молодежи // Журнал практического психолога. 2007. № 5. С. 47–64.
2. Васильева О.С., Филатов Ф.Р. Психология здоровья человека. М. : Академия, 2001. 352 с.
3. Деркач А.А. Идеи А.Н. Леонтьева и акмеология // Мир психологии. 2003. № 2. С. 158–167.
4. Залевский Г.В. Основы современной бихевиорально-когнитивной психотерапии и консультирования. Томск : Изд-во ЦПКЖК, 2002/2006. 112 с.
5. Залевский Г.В. От «демонической» до «биопсихосоционезитической» модели психического расстройства // Сибирский психологический журнал. 2009. № 31. С. 57–64.
6. Залевский Г.В. Введение в клиническую психологию : учеб. пособие. Томск : Томский государственный университет, 2010. 213 с.
7. Залевский Г.В. Психогигиена в контексте психологии здоровья: краткая история, задачи и проблемы // Г.В. Залевский. Избранные труды. Томск : Томский государственный университет, 2013. Т. 3. С. 203–211.
8. Залевский Г.В., Кузьмина Ю.В. Некоторые проблемы психологии здоровья и здорового образа жизни // Сибирский психологический журнал. 2009. № 35. С. 6–11.
9. Залевский Г.В., Залевский В.Г., Кузьмина Ю.В. Антропологическая психология: биопсихосоционезитическая модель развития личности и ее здоровья // Сибирский психологический журнал. 2010. № 33. С. 99–104.
10. Залевский Г.В., Кузьмина Ю.В. Здоровье в структуре системы ценностей студенческой молодежи // Сибирский психологический журнал. 2010. № 38. С. 20–23.
11. Залевский Г.В., Кузьмина Ю.В. Психология здоровья студенческой молодежи : учеб. пособие. Томск : Томский государственный университет, 2012.

12. Козлова Н.В. Прогноз стратегий профессиональной направленности студентов // Сибирский психологический журнал. 2010. № 38. С. 51–54.
13. Петровская Л.А. Гуманистический контекст психологической помощи // Социальная психология в современном мире. М., 2002. С. 323–333.
14. Правдина Л.Р., Васильева О.С., Короткова Е.В. Психология здоровья в практике преподавания дисциплины «Культура здоровья» // Психология в вузе. 2009. № 6. С. 28–58.
15. Слободчиков В.И., Шувалов А.В. Антропологический подход к решению проблемы психологического здоровья детей // Вопросы психологии. 2001. № 4. С. 96.
16. Созонтов А.Е. Жизненные стратегии современной студенческой молодежи большого города // Практическая психология. 2007. № 5. С. 129–146.
17. Winefield A.H. A bio-psycho-socio-cultural approach to couple relationships // Psychology at the Turn of the Millennium / eds. Claes von Hosten, Lars Baeckman. Stockholm, 2002. Vol. 2. P. 361–393.

THEORETICAL APPROACHES AND ATTEMPTS OF CONSTRUCTION OF THE INTEGRATIVE HEALTH MODELS IN THE CONTEXT OF THE ANTHROPOLOGICAL PSYCHOLOGY

Zalevskij G.V., Kuzmina Y.V. (Tomsk), Zalevskij V.G. (Barnaul)

Summary. The article is an attempt of a short analytical survey of the existing in literature approaches to health, as well as noted today trends to construct integrative models of health. But the most of existing approaches is narrow-minded, one-sided. Therefore the authors of this article try to go out of this narrow-mindedness and one-sidedness, suggesting the holistic-axiological approach, nearest to which the humanistic approach is.

Key words: health; approaches; complex; normal-centric; phenomenological; holistic; evolutional; dispositional; axiological; akmelological; cognitive; humane; holistic-axiological.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Н.В. Козлова, М.С. Щеглова (Томск)

Аннотация. Представлены результаты исследования взаимосвязи критического мышления и психологического здоровья студентов вузов. Исследование проводилось на основе оценки взаимосвязи критического мышления с показателями физического, психологического, экологического здоровья и с превентивными мерами. Результаты исследования показывают наличие взаимосвязи критического мышления с возрастом, полом, регулярными физическими нагрузками и превентивными мерами.

Ключевые слова: критическое мышление; психологическое здоровье; превентивные меры.

Жизнь предъявляет все более высокие требования к человеку в условиях неоднозначности и нестабильности современной ситуации. Последнее выражается в нестабильности политического, экономического положения как в стране, так и в мире, постоянно растущем потоке сложной неоднозначной информации, увеличивающемся темпе жизни [2]. Эти аспекты стали аксиомами современной действительности и ставят перед человеком задачи не столько технологического, сколько профессионально-личностного плана [12]. В свете актуальной ситуации (растущая неоднозначность и стрессогенность среды) важным и необходимым для человека становится его здоровье [3, 8, 10], в частности психологическое здоровье, которое выступает основным ресурсом для преодоления стрессовых ситуаций как в рамках жизни в целом, так и в профессии [5, 9].

Заинтересованность в вопросе психологического здоровья проявляется на различных уровнях государственной власти (федеральном, муниципальном). Актуальность проблемы отражается в предпринятых действиях Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации по повышению уровня здоровья населения, в частности психологического здоровья [13]. Кроме того, важность проблематики здоровья подтверждается активностью исследователей разных областей науки (психология, педагогика, социология и т.д.).

Кроме того, вопрос о критическом мышлении активно разрабатывается как в России [4, 11], так и за рубежом [15, 16]. При этом взаимосвязь критического мышления и психологического здоровья в актуальном для нас возрасте была исследована достаточно фрагментарно. Однако в контексте общей неоднозначности и стрессогенности среды нам видится особенно важным рассмотрение вопроса об уровне

критического мышления как аспекта психологического здоровья, где первый, обеспечивая оценку объективных условий собственной деятельности, позволяет на основе оценки ставить цели и планировать собственную деятельность.

Обращаясь к теоретическим основам проблематики психологического здоровья и критического мышления, мы обнаружили богатый научный багаж многолетней деятельности в данном исследовательском поле. В частности, впервые в России о критичности мышления как характеристике человека говорили еще Б.В. Зейгарник, С.Л. Рубинштейн, Б.М. Теплов [14]. Стоит отметить, что в работах указанных авторов критичность мышления рассматривалась в контексте патологии. Такой контекст задавался не просто стремлением научной мысли к решению вопросов болезни, но и актуальностью окружающих их обстоятельств, в которых работали и жили эти успешные ученые и практики. В настоящее же время ставка в обществе делается на ресурсы, потенциал человека. И одним из первых в списке ресурсов является здоровье человека. Психологическая наука отвечает на запрос современности, ставя перед собой острые и сложные вопросы о сути феномена здоровья. Это отражается в бесконечном многообразии понятий: профессиональное здоровье, психическое здоровье, экологическое, духовное и, наконец, психологическое.

Одним из первопроходцев в исследовании феномена здоровья является Г.В. Залевский, создатель биопсихосоционозитической модели развития личности и здоровья [6]. Г.В. Залевский дает структурно-уровневое описание феномена здоровья, где последнее понимается как системное или интегративное явление, характеризующееся не просто комфортным состоянием человека на различных уровнях бытия. Этому явлению свойствен потенциал, запас определенных сил, возможностей проявления активности, ресурсов на всех уровнях (биологическом, психологическом, социальном и нозитическом или духовном). «Эти уровни (человека и его здоровья) отражают уровни “человеческих связей с миром”, “взаимодействия с действительностью”, “разные уровни бытия”, которые можно мыслить как “миры (пространства), где совершаются развитие и саморазвитие личности, и которые могут быть структурированы следующим образом: мир (пространство) телесности, психологический (функциональный и душевный) мир, общественный (социальный) мир, духовный, культурный мир”» [7. С. 31]. Таким образом, рассматривая здоровье как интегративный феномен, характеризующийся ресурсным состоянием человека на каждом уровне (биологическом, психологическом, социальном и нозитическом или духовном) и имеющий структурно-уровневую организацию, Г.В. Залевский придает интегративное понимание феномену здоровья, в том числе и психологического.

В исследовательское поле психологического здоровья входит и представление о критическом мышлении. Анализ зарубежной и отечественной литературы говорит о важности и необходимости решения этого вопроса. В частности, мы обратились к работам Д.Э. Леви [16], который определяет критическое мышление как активное и систематическое использование когнитивных стратегий, направленных на изучение, оценку и понимание событий, способность решать проблемы и принимать решения на основе здравого смысла и веских доказательств. При этом критическое мышление, по мнению Д.Э. Леви, включает в себя: поддержание взаимодействия, обладающее одновременно закрытостью и открытостью, а также долей скептицизма при условии, что человек понимает разницу между убеждениями и фактами; стремление в рассуждениях к опоре на факты и логику; объективный сбор, оценка и синтез информации, формирование разумных выводов, суждений, и заключений; рефлексия собственных базовых предположений и убеждений; обращение к второстепенным ценностям; восприятия сходства и различия между явлениями, понимание причинно-следственных связей, снижение ценности логических ошибок и личных пристрастий, таких как отказ от упрощения и чрезмерных обобщений, развитие толерантности к неопределенности; обращение к альтернативным точкам зрения и объяснения, а также способность принятия решений.

Таким образом, Д.Э. Леви [16] в своей работе дал обширное определение и понимание критического мышления, которое характеризуется активной позицией человека к жизни, к принятию решения, рефлексивностью и т.д.

Альянс обоих ресурсов, вероятнее всего, позволит человеку быть более успешным на всех жизненных этапах. Одним из наиболее важных жизненных этапов является юность, когда человек, находящийся перед выбором (профессиональное самоопределение), в неопределенности новой социальной ситуации (поступление в вуз и обучение), должен делать выбор, осваивать новые социальные роли (студент) и психологические реалии жизни (самостоятельность, ответственность).

Понимая важность и необходимость исследований по проблематике критического мышления и психологического здоровья, мы провели исследование взаимосвязи критического мышления и психологического здоровья студентов высшей школы, обоснованное не только актуальностью выбранной проблематики, но и значимостью возрастного периода.

Исследование проводилось на базе факультета психологии Томского государственного университета. Выборку составили 35 студентов первого и второго курсов, обучающихся на специальностях «Психология» и «Клиническая психология», 27 девушек и 8 юношей в возрасте от 18 лет до 21 года. Исследование проводилось с применением методики «Вопросник жизненного стиля и уровня здоровья» Р. Страу-

ба, адаптированной Г.В. Залевским [8], и опросника «Critical Thinking Question-naire (CTQ)» Й. Шарпа [15], адаптированного нами в рамках дипломной работы. Адаптация методики включает в себе перевод текста опросника и собственно адаптацию к российскому менталитету, которая проводилась студентами старших курсов факультета психологии Томского государственного университета, уже имеющими опыт адаптации иностранных методик.

В ходе исследования были выделены особенности здоровья и критического мышления студентов. Корреляционный анализ с применением статистической программы IBM SPSS Statistic (версия 19) позволил определить наличие взаимосвязи критического мышления с полом, возрастом по шкалам «Вопросника жизненного стиля и уровня здоровья»: «Зарядка и физический фитнес» и «Превентивная практика здоровья» (таблица).

Результаты корреляционного анализа. Коэффициент корреляции Пирсона

Показатель		Шкала			
		Возраст	Пол	Зарядка и физический фитнес	Превентивная практика здоровья
Критичность мышления	Корреляция Пирсона	,433	,380	,278	–,324
	Знч. (2-сторон)	,009	,024	,106	,058
	n	35	35	35	35

Установлена прямая положительная достоверная корреляционная связь критического мышления с возрастом и полом ($r = 0,433$, $p = 0,009$; $r = 0,380$ $p = 0,024$). Полученные данные позволяют утверждать, что чем юноша старше, тем выше показатели критического мышления; мужчины имеют более высокие показатели критического мышления, нежели женщины.

Это можно объяснить тем, что женщины, в отличие от мужчин, чаще обращаются к интуиции и эмоциональным составляющим мышления. Связь критического мышления с возрастом может быть объяснена тем, что в юности одним из новообразований является рефлексия и саморефлексия, позволяющие людям обращаться к объективным данным и фактам и не быть заложниками собственных установок и пристрастий.

Кроме того, была обнаружена прямая положительная тенденция связи критического мышления со шкалой «Зарядка и физический фитнес» ($r = 0,278$, $p = 0,106$), что может говорить о том, что люди, которые обладают высокими показателями критического мышления, склонны заботиться о собственном теле, о его форме и состоянии. Также нами установлена отрицательная обратная тенденция связи кри-

тического мышления со шкалой «Превентивная практика здоровья»: люди с высоким уровнем критического мышления редко прибегают к превентивным мерам. Это может быть связано с социально-экономическим контекстом, заданным содержанием шкалы «Превентивная практика здоровья», актуальной ситуацией студенчества и этапом развития медицины в России [1].

Таким образом, в процессе исследования нами обнаружены взаимосвязи критического мышления с полом и возрастом, а также положительная тенденция связи с регулярными физическими нагрузками и отрицательная – с превентивными мерами здоровья. Полученные данные определяют необходимость как дальнейшего исследования критического мышления в контексте профессионализма, так и разработки психологических практик, направленных на прогрессивное поступательное профессиональное становление человека труда.

Литература

1. *Анализ рынка медицинских услуг в России в 2005–2010 гг. и прогноз на 2011–2014 гг.* // Анализ рынка медицинских услуг в России в 2005–2010 гг. и прогноз на 2011–2014 гг. URL: http://r-trends.ru/netcat_files/253/323/h_24af6f09bd659b0e72ecd57e7f919e7f (дата обращения: 28.05.2013).
2. *Бобков В.Н.* Психологическая и экономическая составляющие категории качества и уровня жизни // Психология в экономике и управлении. 2010. № 2. С. 52–58.
3. *Братусь Б.С.* Аномалии Личности. М. : Мысль, 1988. 301 с.
4. *Волков Е.Н.* Критическое мышление: принципы и признаки // Список публикаций по проблеме критического мышления. URL: <http://evolkov.net/critic.think/articles/> (дата обращения: 28.05.2013).
5. *Деркач А.А., Зызыкин В.Г., Маркова А.К.* Психология развития профессионала. М. : РАГС, 2000. 352 с.
6. *Залевский Г.В.* Биопсихосоционезитическая модель природы человека и его здоровья // Материалы V съезда Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество» (14–18 февраля 2012) / под ред. О.В. Решетникова. М., 2012. С. 30–31.
7. *Залевский Г.В.* В поиске интегративного подхода к проблеме психологии здоровья и здорового образа жизни студенческой молодежи // Проблемы здоровья личности в теоретической и прикладной психологии : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Н.А. Кравцовой. Владивосток : Мор. гос. ун-т им. адм. Г.И. Невельского, 2011. С. 17–25.
8. *Залевский Г.В.* Введение в клиническую психологию : учеб. пособие для студентов вузов. Томск : ТМЛ-Пресс, 2010. 224 с.
9. *Козлова Н.В., Гуляев А.С.* Психологическая безопасность как критерий профессионального здоровья студентов старших курсов инновационных университетов // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2012. № 4 (15). URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 28.04.2013).
10. *Кравцова Н.А.* Самооценка и «я» функции личности подростков, страдающих психосоматическими расстройствами // Проблемы здоровья личности в теоретической и прикладной психологии : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Н.А. Кравцовой. Владивосток : Мор. гос. ун-т им. адм. Г.И. Невельского, 2011. С. 27–40.

11. Кукушкина Ю.А. Критическое мышление как фактор профессиональной компетентности (на примере программистов) : дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 47 с.
12. Локалова Н.П. Психологическое развитие как составляющее образования // Вопросы психологии. 2003. № 1. С. 27–40.
13. Федеральный закон РФ от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»; Проект Федерального закона РФ «Об охране психологического здоровья граждан в Российской Федерации». URL: <http://m-d-n.livejournal.com/444690.html> (дата обращения: 13.01.2013 г.).
14. Харлампьева Т.В. Психология и педагогика : учебно-методические рекомендации к выполнению самостоятельных работ студентов для специальностей «Социальная работа», «Документоведение и документационное обеспечение управления» и «Организация и технология защиты информации». Челябинск, 2008. 48 с.
15. Ian R. Sharp. The role of critical thinking skills in practicing psychologists' theoretical orientation and choice of intervention techniques: Phd 2003 the Faculty of Drexel University. Philadelphia, 2003. 92 с.
16. Levy D.A. Tools of critical thinking: Metathoughts for psychology. Boston, MA : Allyn and Bacon, 1997. 250 с.

THE INTERCORRELATION OF CRITICAL THINKING AND PSYCHOLOGICAL HEALTH OF HIGHER EDUCATION STUDENTS

Kozlova N.V., Shcheglova M.S. (Tomsk)

Summary. The results of research of the intercorrelation of critical thinking and psychological health of higher education students. The study was conducted based on an assessment of critical thinking with indices of physical, psychological, environmental health and preventive measures. The results of research showed the intercorrelation with age, sex, regular physical exercises and preventive measures.

Key words: critical thinking; psychological health; preventive measures.

ДЕФИЦИТЫ ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА У СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ С ПРОЯВЛЕНИЯМИ АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Т.Г. Бохан, В.Н. Кузнецов, Т.Б. Берлизова,
О.Н. Галажинская, А.В. Немцев (Томск)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-16-70003).

Аннотация. Представлено закономерное расширение предметного поля в изучении психологии аддикций. В соответствии с тенденциями развития науки и общества обоснована актуальность рассмотрения процессов самодетерминации (саморегуляции, самореализации) в качестве альтернативных самодеструктивному поведению. Показано, что личностный потенциал как форма проявления самодетерминации определяет устойчивость человека в случаях риска аддиктивного поведения. На примере представителей молодежи сельского муниципального образования Севера Сибири с проявлениями синдрома алкогольной зависимости обсуждаются дефициты личностного потенциала, обуславливающие трудности самореализации, определяются возможности психологической коррекции.

Ключевые слова: самодеструктивное поведение; алкогольная зависимость; трудности самореализации; личностный потенциал; дефициты; ресурсы; психологическая коррекция.

Во многих субъектах Российской Федерации отмечается, что именно в сельской местности возрастает число больных алкоголизмом. Под наблюдением в наркологических диспансерах находится более полумиллиона сельских жителей, страдающих алкоголизмом, а численность больных алкогольными психозами за период 2000–2012 гг. на селе увеличилась в 2 раза. По данным Департамента здравоохранения Томской области, в 2011 г. из числа сельского населения с диагнозом алкоголизм и алкогольные психозы состояло на диспансерном учете 5 248 чел. (163,80 чел. на 10 000 сельского населения). Соотношение между сельским и городским населением, страдающим алкоголизмом, составило 1:2, тогда как численность городского населения значительно превышает таковую сельского. Самая высокая смертность от случайных отравлений алкоголем в Сибирском федеральном округе зарегистрирована 33,8 чел. на 100 тыс. населения. Отмечено, что уровень распространенности алкогольной зависимости значительно выше в северных регионах [1, 2].

К социально-демографическим факторам формирования алкогольной аддикции у населения северных регионов исследователи относят: территориальную разрозненность населенных пунктов и вследствие этого низкую доступность стационарной медицинской помощи, что способствует высокой смертности от алкогольных причин; низкий

уровень образования; отсутствие профессии; воспитание в изоляции от родителей; отсутствие семьи; низкий уровень качества жизни. В происхождении психических расстройств отмечается тесная взаимосвязь генетических, биологических, демографических, социальных, медицинских, экологических, этнокультуральных и психологических показателей [3, 6, 21].

Наряду с необходимостью развития клинико-биологического представления об алкоголизме особое значение приобретает изучение психологических, в первую очередь личностных, факторов, играющих важную роль в этиопатогенезе алкоголизма и выступающих в качестве основы для создания как профилактических, так и лечебно-реабилитационных программ. В исследованиях последних 30 лет акцент с обобщающей категории «зависимость» сместился к такой категории, как «личность» [6, 10, 13, 16, 21, 24].

Появились аддиктологические теории, где понятие зависимости вторично от такой комплексной и многокомпонентной категории, как «самодеструктивное поведение» [7], альтернативой которому в современной психологии выступают процессы саморазвития, самореализации личности [14, 15, 19]. Интерес к этим процессам обусловлен внутренней тенденцией развития человеческого сообщества, которая выводит человека на новый уровень осознания собственной сущности, связанной не с адаптацией, а с ростом потребности в самореализации.

В антропо-системном подходе показано, что жизненный путь – это не процесс адаптации, а процесс саморазвития человека, где закрытие психологической системы (человека) означает остановку в развитии, приводящую к деструкции системы, ее распаду, что и проявляется в различных формах саморазрушающего поведения [4, 14, 15].

В рамках работ, базирующихся на биопсихосоциальноэтической модели здоровья, доказано, что ригидизация на всех структурных уровнях психологической системы фиксирует формы аддиктивного поведения в аддиктивную зависимость [8, 9]. Стрессы, трудные ситуации сопровождают процесс саморазвития человека, являясь механизмом и условием такого развития, а управление стрессом связывают с трансформацией стресснапряжения в вектор личностного роста, самореализации, жизнеосуществления [5, 11, 19, 20, 26]. По мнению ряда исследователей, сегодня именно человек «с трудностями в самореализации» оказался в центре внимания клинической психологии [4, 5, 12, 18, 24].

Выход в данный контекст не случаен, он обусловлен закономерным движением научного познания. Изучение предметного поля психологии аддикций сквозь призму смены типов научной рациональности позволило проследить усложнение представлений о психологических аспектах аддикций. На основе философской позиции относительно заданной природы человека сформировались принципы классиче-

ской рациональности – предметоцентризм, изоляционизм, противопоставление субъекта объекту, предсказуемость, непосредственность, жесткая причинная детерминация, приоритет естественнонаучной методологии, интерес к «ставшему» [14]. Индивидуальность человека изучалась подобно объектам других естественных наук, которые доступны познанию внешнего наблюдателя, подчиняются универсальным законам, обладают неизменной природой, проявляющейся в действиях. Предметом изучения в классике являются механизмы, которые работают сами и которые мы не контролируем [17].

В поле зрения исследователей причины, predisponирующие внешние и внутренние факторы риска, – это характеристики среды, черты личности и состояния [3, 6, 10, 21]. Такими «внешними» причинами являются воспитание в условиях гипоопеки, деспотизма и психотравмирующих воздействий, связанных со злоупотреблением родителей алкоголем, отсутствие базового доверия между матерью и ребенком, ранняя психическая травма. В качестве внутренних факторов выступают наследственная отягощенность алкоголизмом и различными психическими заболеваниями; характерологические особенности с преобладанием в их структуре неустойчивых, истерических и возбудимых черт в рамках акцентуаций и их сочетание, психопатия по возбудимому типу; высокая тревожность, склонность к рискованным ситуациям; обсессивно-компульсивные состояния в возрасте десяти лет, эмоциональная незрелость.

Д.А. Леонтьев отмечает, что существуют заведомо неблагоприятные условия для формирования личности, они могут действительно роковым образом влиять на развитие, но их влияние может быть и преодолено, опосредовано, прямая связь разорвана за счет введения в эту систему факторов дополнительных измерений, прежде всего самодетерминации [18], которая стала предметом научного интереса в неклассической психологии.

Принципы неклассической психологии (интерес к отношениям между объектами, опосредствование, развитие, интерес к процессу – к становящемуся *«здесь и сейчас»*) базируются на философских воззрениях о том, что человек не имеет фиксированной природы, сущность человека есть не что-то заложенное в нем от рождения и что можно в нём найти, а то важное, к чему человек может прийти в процессе индивидуального развития [18].

В систему детерминант был включен принцип активности, т.е. психология стала рассматривать человека не столько как индивидуальность, характеризующуюся набором измеримых признаков, сколько как личность, обладающую внутренним миром, способную относиться к собственным действиям, опосредовать и регулировать их, делать себя объектом целенаправленных действий. Это усложнение представлений о природе человека и строении его жизнедеятельности поставило зада-

чу расширения предмета изучения личности в проблематике психологии аддикций. В исследованиях неклассического этапа было показано, что у людей с наркологическими проблемами наблюдаются дефицит копинг-ресурсов личности и копинг-стратегий [26], дефициты и деструкции в компонентах самосознания личности, нарушения идентичности [13, 16, 23], нарушение процессов произвольной саморегуляции личности [6], отсутствие смысленности [6, 10, 24], доминирование витальных потребностей и душевный вакуум, культ потребительства, проблема морального одиночества и «бегство от свободы» [12, 18, 25].

Интерес к активности личности обусловлен тем, что именно активность отражает меру преодоления личностью заданных обстоятельств, в конечном счете преодоление личностью самой себя [18]. Активность личности, рассматриваемая как ключевой фактор в её становлении и самореализации, проявляется через самодетерминацию, под которой Д.А. Леонтьев понимает осуществление деятельности в относительной свободе от заданных условий этой деятельности, как внешних, так и внутренних, под которыми понимаются биологические, в частности телесные, предпосылки, а также потребности, характер и другие устойчивые психологические структуры.

В основе самодетерминации личности лежит личностный потенциал, который рассматривается как системная организация личности, обеспечивающая ее устойчивость в изменяющемся мире. Высокий личностный потенциал человека оказывается важным условием не только при формировании эффективных механизмов саморегуляции, он позволяет организовывать собственное жизненное пространство самореализации [17, 18].

Смена детерминации в развитии человека, когда образ жизни начинает определять сознание, менять условия бытия молодых людей, требует обращения к изучению личностного потенциала, который определяет возможности саморегуляции и самореализации, которая с этого возраста становится основной задачей развития, условием жизни человека [5, 14, 15]. Молодежь как возрастная категория является весьма уязвимой в процессе решения данной проблемы. Молодые люди, переживая первые трудности самостояния в процессе самореализации, могут прибегать к алкогольному поведению как неконструктивной копинг-стратегии, к иллюзорному способу самореализации [4, 7, 12, 25, 26].

Вышеизложенные данные позволяют сделать предположение о том, что лица в возрасте молодости и ранней зрелости испытывают трудности самореализации, обусловленные дефицитами в компонентах личностного потенциала, т.е. предметно ненаправленная эмоциональная активность в период диссоциации эмоционально-установочных комплексов находит свою квазиреализацию в алкогольном поведении. Выявление дефицитов в компонентах личностного потенциала лиц с проявлениями синдрома алкогольной зависимости позволит организо-

вать психологическую коррекцию личности как процесс развития, ориентированный на уровень ближайшего развития, связанный с восполнением дефицитов личностного потенциала.

В связи с этим **цель исследования** – выявить дефициты и ресурсы личностного потенциала у представителей сельской молодежи с синдромом алкогольной зависимости для определения зоны ближайшего развития. Дефициты и ресурсы личностного потенциала при этом являются целенаправленными мишенями психологической коррекции в комплексном процессе медико-психологической помощи. Выборку составили 140 респондентов, из них 70 проходили лечение в связи с выявленным синдромом зависимости от алкоголя (экспериментальная группа); у 70 испытуемых данная проблема отсутствовала (контрольная группа). Все респонденты проживают в сельском муниципальном образовании Севера Сибири (Каргасокский район), их возраст 20–35 лет, представителей мужского пола – 90, женского – 50.

Составляющие личностного потенциала в данном исследовании представлены показателями результирующих переменных личностного потенциала (субъективное качество жизни и общая оценка счастья); ресурсов саморегуляции (самодетерминация, базисные убеждения, жизнестойкость, рефлексивность) и инструментальных ресурсов (самоорганизация деятельности). С целью их изучения использованы методики: опросник «Самоорганизация деятельности» (Е.Ю. Мандрикова); тест «Жизнестойкость» (С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой, модификация Е. Осина); опросник «Рефлексии» (Д.А. Леонтьев); шкала «Удовлетворенность жизнью» (Э. Динер); шкала «Базисные убеждения» (Р. Янов-Бульман); шкала «Самодетерминация» (модификация Е. Осина). Использованы методы описательной статистики и сравнительный метод с применением критерия Стьюдента.

Результаты и их обсуждение. Относительно результирующих переменных личностного потенциала получены следующие данные. Когнитивная оценка соответствия жизненных обстоятельств ожиданиям респондентов экспериментальной группы, которая отражает общую меру внутренней гармонии и психологической удовлетворенности, по среднему показателю (17,5 баллов) соответствует низкому уровню. Выявленный результат может свидетельствовать о состоянии внутренней дисгармонии, связанной с неудовлетворенностью самореализацией в различных жизненных сферах многих респондентов – состоянием здоровья, семейным положением, материальным состоянием, уровнем активности. Выявлено достоверное различие между показателями контрольной и экспериментальной групп ($t_{\text{эмп.}} = 9,83$), указывающее на большую выраженность психологической неудовлетворенности в самореализации у респондентов экспериментальной группы.

Оценка качества жизни и удовлетворенности в различных сферах по среднему показателю подтвердила, что многие респонденты экспериментальной группы испытывают некоторую напряженность эмоциональных переживаний, но в целом удовлетворены своей активностью в свободное время. Большинство респондентов показывают средний уровень удовлетворенности своим физическим состоянием и общением. Средний суммарный индекс, рассматриваемый как субъективная удовлетворенность в самоактуализации личностных ресурсов для преодоления жизненных и рабочих стрессов, свидетельствует о недостаточном уровне удовлетворённости качеством жизни. Существуют достоверные различия с контрольной группой по суммарному индексу ($t_{\text{эмп.}} = 4,11$), подтверждающие высокую степень субъективной неудовлетворенности самореализацией в существующих условиях проживания у представителей молодежи с проявлениями синдрома алкогольной зависимости.

Т а б л и ц а 1

Оценка качества жизни и удовлетворенности в различных сферах лицами с проявлениями синдрома алкогольной зависимости

Показатель	Физическое здоровье	Эмоциональные переживания	Активность в свободное время	Общение
Среднее	12	18	10,5	18,5
Ст. отклонение	4	4,43	2,7	4,7
Низкий уровень	1	9	2	6
Высокий уровень	20	30	15	25
Мода	16	25	11	25

Ресурсы саморегуляции в экспериментальной группе представлены следующими особенностями. Показатели «самоорганизации деятельности» свидетельствуют, что у многих респондентов экспериментальной группы навыки планирования развиты слабо, планы подвержены частой смене. Поставленная цель редко бывает достигнута, планирование не действенно, малореалистично. Такие испытуемые предпочитают не задумываться о будущем, цели выдвигают ситуативно и обычно несамостоятельно; многие из них не всегда способны применить волевые усилия для доведения начатого дела до конца, не всегда устойчивы перед трудностями, при этом могут быть достаточно гибкими в отношении планирования. Однако есть и такие, которые проявляют склонность к фиксации на заранее запланированной структуре организации событий во времени, к привязанности к четкому расписанию. Большинство респондентов могут испытывать трудности, прибегая при самоорганизации к помощи внешних средств.

Временная ориентация большинства респондентов в большей мере направлена на настоящее, однако есть отдельные респонденты, ко-

торые чрезмерно фиксированы на своем прошлом или будущем. Выявлено достоверное различие ($t_{\text{эмп.}} = 2,3$) с контрольной группой по шкале «настойчивость» – респонденты контрольной группы менее способны на волевые усилия по преодолению трудностей.

Т а б л и ц а 2

**Показатели самоорганизации деятельности у лиц
с проявлениями синдрома алкогольной зависимости**

Шкала	Среднее значение	Миним. показатель	Максим. показатель	Стандартное отклонение
Планирование	17,3	4	28	7,56
Наличие целей	33,8	7	42	8,7
Настойчивость	24,57	5	35	8,7
Фиксация	22,2	11	35	6,7
Самоорганизация	7,7	3	21	5,2
Ориентация на настоящее	10,2	3	14	3

В базисных убеждениях многих респондентов экспериментальной группы отмечается в целом позитивный взгляд на окружающий мир, убежденность, что свою жизнь они контролируют, за исключением некоторых случаев, где их возможности самоконтроля неустойчивы. При этом можно отметить некоторую нестабильность и сомнения в убежденности благосклонного отношения к ним со стороны окружающих людей, в ценности собственного Я, в справедливости мира. Для многих респондентов характерно убеждение в том, что он «невезучий». Такая же тенденция в базисных убеждениях характерна и для респондентов контрольной группы – достоверные различия с контрольной группой отсутствуют.

Выявление рефлексивных возможностей как важного ресурса сознания человека, детерминирующего поведение, образ жизни, установило следующие когнитивные трудности: у большинства респондентов экспериментальной группы чрезмерно выражены показатель квази-рефлексии, склонность уходить от реальности в собственные фантазии; снижены возможности системной рефлексии, что может обуславливать формирование эмоционального напряжения и трудности конструктивного решения внутриличностных противоречий и сомнений.

Многие респонденты способны сосредоточиться на собственном состоянии, собственных переживаниях. В то же время среди респондентов данной группы есть те, которым не свойственна интроспекция, а также те, у кого «самокопание» приобретает гипертрофированный характер. Достоверные различия с контрольной группой по шкалам «квазирефлексия» и «самокопание» указывают на то, что представителям молодежи с алкогольным поведением в большей мере ($t_{\text{эмп.}} = 21,9$)

свойственны квазирефлексия (уход в фантазии) и сосредоточенность на своих переживаниях ($t = 2,15$).

Анализ показателей жизнестойкости свидетельствует, что для большинства респондентов экспериментальной группы могут быть характерны осторожность, боязливость, подверженность стрессам, сниженная способность полностью включаться в решение жизненных задач. Многие респонденты могут испытывать некоторое ограничение в своих возможностях по совладанию с нештатными ситуациями и контролю состояния своего здоровья. Сниженные показатели жизнестойкости указывают на формирующуюся склонность к простому комфорту и безопасности, к избеганию неудач и негативного опыта, на неспособность пойти на риск без гарантии успеха. Средний общий показатель жизнестойкости достоверно выше ($t_{\text{эмп.}} = 3,64$) в контрольной группе.

Т а б л и ц а 3

**Результаты дифференциальной диагностики рефлексивности
у лиц с проявлениями синдрома алкогольной зависимости**

Показатель	Среднее значение	Миним. показатель	Максим. показатель	Стандартное отклонение
Системная рефлексия	36,9	3	48	9,57
Самокопание	22,71	4	34	8,2
Квазирефлексия	59,6	7	77	19

Инструментальные ресурсы личности респондентов изучались через показатели самодетерминации. Многие респонденты экспериментальной группы считают, что жизнь, которую они живут, соответствует их внутренней сути. Встречаются и такие респонденты, которые переживают раздвоенность, отчуждение от собственных чувств. При этом у многих испытуемых экспериментальной группы нет стремления к самовыражению, не выражено желание, чтобы их жизнь соответствовала их идеалам. Высокий средний балл возможности выбора может указывать на наличие у многих респондентов иллюзии собственного контроля. Средний индекс самодетерминации указывает на тенденцию к некоторой зависимости многих респондентов от мнения окружающих, склонности «пассивно плыть в потоке повседневности».

По показателям всех шкал самодетерминации получены достоверные различия с контрольной группой. Респонденты с проявлениями синдрома алкогольной зависимости оказались более аутентичными ($t = 4,166$), при этом стремление к самовыражению ($t = 2,206$) и адекватность в оценке своих способностей, в выборе и принятии на себя ответственности за собственную жизнь ($t = 3,83$) у них выражено в меньшей степени, чем у респондентов контрольной группы.

Т а б л и ц а 4

**Показатели самодетерминации у лиц
с проявлениями синдрома алкогольной зависимости**

Показатель	Среднее значение	Миним. показатель	Максим. показатель	Стандартное отклонение
Самотождественность	16,5	6	20	3,78
Самовыражение	8,5	4	15	2,75
Восприимчивый выбор	20	8	25	4,42

Выводы:

1. У представителей молодежи с проявлениями синдрома алкогольной зависимости выявлено в результирующем уровне личностного потенциала переживание неудовлетворенности самореализацией в существующих условиях проживания; в ресурсах саморегуляции – трудности планирования, ограниченность жизненных стремлений и ситуативность целей, неспособность к волевым усилиям по преодолению трудностей, квазирефлексия (уход в фантазии), сомнения в своих возможностях и переживание «невезучести»; в инструментальных ресурсах таковыми являются отсутствие стремления к самовыражению, достижению идеалов, жизненная инертность, иллюзия контроля собственной жизни, которая может подменять собственные реальные усилия самореализации. Данные деструкции свидетельствуют о дефицитах в компонентах личностного потенциала

2. Выраженность таких компонентов личностного потенциала, как позитивный взгляд на мир, социальная открытость, удовлетворенность возможностями физической активности, оптимальная гибкость в планировании и поведении, способность замечать свои чувства, переживания, можно рассматривать в качестве позитивных условий для восполнения выявленных дефицитов, психологической коррекции в зоне ближайшего развития.

3. Установленная в результате описательной статистики и выявленных достоверных различий новая психологическая информация требует более глубокого изучения закономерных взаимосвязей компонентов всех составляющих структуры личностного потенциала, что позволит определить вероятные варианты трудностей самореализации, условия развития компонентов личностного потенциала представителей молодежи с проявлениями синдрома алкогольной зависимости, целенаправленные задачи и методы психологической профилактики и коррекции в комплексной медико-психологической помощи молодежи сельского муниципального образования Севера Сибири.

Литература

1. *Бохан Н.А., Мандель А.И., Кузнецов В.Н.* Алкогольная смертность в отдаленных сельских районах Западной Сибири // Наркология. 2011. № 9(117). С. 43–48.
2. *Бохан Н.А., Мандель А.И., Кузнецов В.Н.* Распространенность психических расстройств среди населения сельского муниципального образования Севера Сибири: основные тенденции и прогноз // Социальная и клиническая психиатрия. 2011. Т. 21, № 4. С. 40–46.
3. *Бохан Н.А.* Клиническая гетерогенность алкоголизма и коморбидность: парадигма мультиаксиальной сопряженности проблем // Наркология. 2002. № 2. С. 31–37.
4. *Бохан Т.Г., Пешиковская А.Г.* Трудности самореализации в субъективной картине жизненного пути больных алкоголизмом // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2011. № 2. С. 34–40.
5. *Бохан Т.Г.* Культурно-исторический подход к стрессу и стрессоустойчивости : автореф. ... д-ра психол. наук. Томск, 2008. 49 с.
6. *Братусь Б.С.* Аномалии развития личности (на материале нарушений психического здоровья) : дис. ... д-ра психол. наук. М., 1998. 426 с.
7. *Горобец Т.Н.* Аутодеструктивное поведение человека и акмеологические условия его профилактики : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2007. 48 с.
8. *Залевский Г.В.* Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем. М. : Мысль, 2004. 460 с.
9. *Залевский Г.В.* Личность и фиксированные формы поведения. М. : Институт психологии РАН, 2007. 336 с.
10. *Завьялов Ю.В., Короленко Ц.П.* Личность и алкоголь. Новосибирск : Наука, 1987.
11. *Кабрин В.И.* Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал личности. М. : Смысл, 2005. 248 с.
12. *Калитеевская Е.Р.* Психическое здоровье как способ бытия в мире: от объяснения – к переживанию // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М. : Смысл, 1997. С. 231–238.
13. *Киселева Л.Т., Камалдинов Д.О., Овчинников А.А.* Нарушения формирования идентичности как фактор развития аддиктивного поведения // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 1999. № 203. С. 60–62.
14. *Ключко В.Е., Галажинский Э.В.* Самореализация личности: системный взгляд. Томск, 1999. 154 с.
15. *Ключко В.Е., Краснорядцева О.М.* Суверенность личности как основание психологического здоровья // Сибирская психология сегодня : сб. науч. трудов. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2002.
16. *Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., Загоруйко Е.Н.* Идентичность в норме и патологии. Новосибирск : НГПУ, 2000. 256 с.
17. *Леонтьев Д.А., Мандрикова Е.Ю., Осин Е.Н. и др.* Опыт структурной диагностики личностного потенциала // Психологическая диагностика. 2007. № 1. С. 8–31.
18. *Леонтьев Д.А.* Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психологический журнал. 2000. Т. 21, № 1. С. 15–25.
19. *Мадди С.* Смыслообразование в процессе принятия решений // Психологический журнал. 2005. Т. 26, № 6. С. 87–101.
20. *Рассказова Е.И.* Динамика смысла в процессе совладания с тревогой // Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию В. Франкла) : материалы Междунар. конф. / под ред. Д.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2005. С. 176–179.
21. *Семке Н.А., Бохан Н.А., Мандель А.И.* Персонологический анализ в контексте систематики аддиктивных состояний // Наркология. 2006. № 1. С. 60–66.

22. Суркова Е.Г. Творческая парадигма процесса совладания с трудными жизненными ситуациями // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 2. С. 222–228.
23. Твердохлебова Н.В., Бохан Т.Г. Проблемы становления идентичности у подростков и юношей при формировании пивной аддикции // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2012. № 6. С. 126–130.
24. Франкл В. Человек в поисках смысла. М. : Прогресс, 1990. 368 с.
25. Фромм Э. Человеческая ситуация. М. : Смысл, 1995. 239 с.
26. Ялтонская В.М. Копинг-поведение здоровых и больных наркоманией : автореф. дис. ... д-ра мед. наук. СПб., 1995. 40 с.

DEFICITS OF PERSONALITY POTENTIAL OF YOUNG PERSONS WITH MANIFESTATIONS OF ALCOHOL ADDICTION

Bokhan N.A., Kuznetsov V.N., Galazhinskaya O.N., Berlizova T.B.

Summary. The logical extension of object field in the study of addiction psychology is presented. In accordance with progress trends of science and society an actuality of the consideration of processes of self-determination (self-regulation, self-realization) is grounded as an alternative to the self-destructive behavior. It is shown that the personality potential as a form of self-determination determines a human stability in the changing world. Deficits and resources of personality potential are discussed on the example of the findings of investigation of youth representatives of the country municipal unit of Siberian north with manifestations of alcohol dependence syndrome. These deficits determine difficulties of self-realization. These resources from the position of non-classical psychology are defined as zones of actual and proximal development and make it possible to the realization of psychological intervention, which is oriented to the process of self-development.

Keywords: self-destructive behavior; alcohol addiction; difficulties of self-realization; personality potential; deficits; resources; psychological intervention.

ФЕНОМЕНЫ ЛИМИНАЛЬНОСТИ В СТРУКТУРЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ ИНВАЛИДНОСТИ

В.А. Урываев (Ярославль), Е.В. Морозова (Москва)

Аннотация. Анализируются результаты исследования двух групп испытуемых, имеющих выраженные хронические заболевания: испытуемые, претендующие на группу инвалидности ($n = 360$), и респонденты, не признающие себя инвалидами ($n = 80$), несмотря на наличие заболевания. Вторая группа отличается целым списком характеристик, свойственных зрелой личности, позволяющей ей, перейдя границу (limit) нового способа жизнедеятельности, остаться собой.

Ключевые слова: лиминальность; внутренняя картина инвалидности; инвалиды; копинг-поведение; психологическая защита; Я-идентичность; ценностные ориентации.

ЛИМИНАЛЬНОСТЬ (liminality) – стадия перехода системы из одного состояния в другое, связанная с утратой структуры, иерархии, статуса элементов. В динамике осмысления и смыслообразования наиболее трудным для рефлексии является переход от одной определенности к другой, одного состояния системы в другое, что предполагает некую стадию деструктивности, утраты определенности. Подобные процессы можно характеризовать как *лиминальные*.

Термин «лиминальность» употребляли Арнольд ван Геннеп и Виктор Тернер, исследовавшие лиминальную фазу ритуалов перехода, т.е. ритуалов изменения статуса: возрастного, социального, семейного и т.д. Ритуалы перехода включают в себя три стадии:

1) отделение (separation) – выбор и изоляция индивида от некоторой социальной целостности, лишение индивида статусных характеристик принадлежности к этой целостности;

2) собственно переход (margo, limen, threshold, transfer, passage) – период некоего переходного состояния;

3) реагрегация (reaggregation, reconstruction) – воссоздание некоей новой целостности [5].

Приведенная развернутая цитата из работы современных российских философов иллюстрирует, на наш взгляд, значительный креативный потенциал применения данной концепции к пониманию целого ряда феноменов, происходящих с человеком в процессе инвалидизации при получении (осознании перспективы получения) группы инвалидности.

Проблема самоопределения личности в преддверии выбора между обращением в государственное учреждение медико-социальной экспертизы для установления инвалидности или отказа от нее – одна из психологически сложнейших, затрагивающих все стороны личности,

ее истории жизни и сложившейся на «сегодняшний день» микросоциальной (а иногда и макросоциальной) ситуации развития.

Авторы философских исследований подчеркивают, что «лиминальность» связана с изменением социального статуса, ценностей и норм, идентичности (identity) и самосознания, поэтому представляет собой типичный пример междисциплинарной проблемы. Она включает широкий спектр социологических, психологических и физиологических проблем, реализуя экспансию культуры и освоение ею новых пространств и сфер через человека как носителя нового смысла и порядка. Потенциал нового определен природой лиминальности, ситуацией неопределенности, амбивалентности и размытой социальностью, стимулирующих энергичный поиск новой фундаментальной общности [5].

Одной из задач нашего исследования [2, 3] было изучение психологических особенностей группы испытуемых, претендующих на инвалидность (не только претендующих, но иногда и настаивающих на ее утяжелении), и группы людей (которые кратко квалифицированы нами как «позитивы»), отвергающих свою инвалидизацию и не примеряющих социальный статус «инвалид» к себе. Подчеркнем, что вторая группа испытуемых – «позитивы» – объективно имеет достаточное тяжелые формы тех или иных заболеваний, однако выбирает систематическое лечение (вследствие чего не пропадает из поля зрения врачей и психологов), «до последнего» избегая фактического (юридического, социального, статусного) установления инвалидности.

В нашем исследовании приняли участие 440 человек, из которых 360 либо имели группу инвалидности или необоснованно (вопреки решению экспертной комиссии учреждения медико-социальной экспертизы) претендовали на ее утяжеление, либо претендовали на инвалидность впервые (также после прохождения освидетельствования в государственном учреждении медико-социальной экспертизы и официального непризнания инвалидности); 80 испытуемых – «позитивы» – проходили предписанное врачом лечение и не претендовали на группу, имея для этого объективные предпосылки (такие же по клинике и степени выраженности инвалидизирующие заболевания).

Исследование проводилось на базе ФГБУ «Федеральное бюро медико-социальной экспертизы» Минтруда России в 2008–2012 гг., где были обследованы больные, находящиеся в ситуации экспертного освидетельствования, направляемые на психодиагностику из экспертных бюро, и больные, которые находились на реабилитационно-восстановительном лечении в клинических отделениях учреждения.

В данной публикации обсуждаются результаты, полученные при использовании следующей батареи психодиагностических методик: тест «Кто Я» в адаптации Н.Л. Ивановой, Т.В. Румянцевой [7]; тест на оценку системы ценностных ориентаций личности С.С. Бубновой [1];

тест «Индекс жизненного стиля» (ИЖС) [6]; методика Х. Хейма на выявление доминирующей стратегии копинг-поведения [4].

Т а б л и ц а 1

Сопоставление среднего числа самохарактеристик (по Н.Л. Ивановой) и выборов ценностей (по С.С. Бубновой) в группах испытуемых, страдающих хроническими заболеваниями: претендующих на группу инвалидности (n = 360) и не признающих себя таковыми («позитивами», n = 80)

Параметры оценки	Претендующие на инвалидность	«Позитивы»	Достоверность
<i>Самоидентификационные характеристики</i>			
Социальное Я	2,58	3,98	***
Коммуникативное Я	0,62	2,33	***
Материальное Я	0,13	0,33	*
Физическое Я	0,34	0,71	**
Деятельностное Я	1,60	3,50	***
Перспективное Я	0,12	1,52	***
Рефлексивное Я	4,32	4,83	*
Я – инвалид	1,29	0,29	***
Общее количество ответов	10,98	17,50	***
<i>Ценностные ориентации</i>			
Удовольствие и отдых	0,87	1,57	**
Умение зарабатывать деньги	0,91	1,50	***
Наслаждаться прекрасным	0,75	0,71	
Помогать другим людям	1,03	1,93	***
Любовь	1,57	1,55	
Открытие нового	0,61	1,12	***
Высокий статус и роль в обществе	0,32	0,60	***
Признание людей и влияние на окружающих	0,77	1,79	***
Активность по отношению к событиям в обществе	1,16	2,60	***
Круг общения	1,06	1,12	
Хорошее здоровье	1,96	1,69	
Общее количество баллов	11,01	16,17	***

Примечание. Здесь и далее в таблицах достоверность различий определялась по критерию Манна – Уитни: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Как мы можем убедиться (табл. 1), «позитивы» практически не идентифицируют себя как «инвалидов», напротив, ведущими самохарактеристиками являются группы «рефлексивного Я» (все определения, связанные с самопониманием себя как человека и личности) и «социального Я» (статус, отношения, особенно семейные).

«Позитивы», безусловно, превосходят группу инвалидов как по общему числу самоидентификационных характеристик (округленно 18 против 11), так и по объему заявленных ценностных ориентаций (16 против 11). Отсюда мы делаем вывод о том, что собственно личностная составляющая «позитивов» сохранилась (несмотря на длительные

хронические страдания) на высоком уровне и может служить «точкой опоры» при выборе стратегии поведения.

Т а б л и ц а 2

Сопоставление среднего числа «сырых» баллов (по тесту ИЖС) в группах испытуемых, страдающих хроническими заболеваниями: претендующих на инвалидность (n = 360) и не признающих себя таковыми («позитивы», n = 80)

Параметры оценки	Претендующие на инвалидность	«Позитивы»	Досто- верность
<i>Механизмы психологической защиты</i>			
Отрицание	5,79	4,12	**
Подавление	5,40	3,07	***
Регрессия	7,50	3,83	***
Компенсация	4,69	3,48	**
Проекция	9,27	8,12	**
Замещение	4,56	2,64	***
Интеллектуализация	5,76	5,48	
Реактивное образование	4,80	2,64	***

С другой стороны, представленные в табл. 2 результаты свидетельствуют о безусловном преобладании в группе претендующих на инвалидность всех (!) видов психологических защит (включая «интеллектуализацию», не имеющую, правда, статистически достоверных различий с группой «позитивов»).

Как мы знаем, классическая роль психологической защиты в регуляции поведения человека – предохранение личности от угрозы чрезмерных переживаний, угрожающих самооценке. Защитные механизмы претендующих на инвалидность представлены в выраженной степени, что прямо ставит вопрос о крайней необходимости включения в сопровождающий заболевание и реабилитацию процесс консультации профессиональных психологов и психотерапевтов.

Наиболее яркие различия наблюдаются в работе таких защитных механизмов, как «подавление» (блокирование отрицательных переживаний, тогда как они могут стать стимулами для попытки позитивно или с минимальным ущербом разрешить ситуацию, да, приняв страдание); «реактивное образование» (в позитивном контексте этот процесс способствует формированию социально оформленной самооценки, в негативном, болезненном – следование внешним формам социально одобряемого поведения, без принятия его существа, что производит впечатление фальши, неискренности, ханжества); «замещение» (в позитивном контексте – попытка регуляции легко загорающейся агрессии, в негативном – выплескивание агрессии на более слабого, зависимого или связанного социальными предписаниями).

В табл. 3 представлено соотношение стратегий совладающего поведения в двух группах испытуемых.

Т а б л и ц а 3

Сопоставление среднего числа выборов типов совладающих стратегий (по Х. Хейму) в группах испытуемых, страдающих хроническими заболеваниями: претендующих на признание инвалидами (n = 360) и не признающих себя таковыми (n = 80)

Параметр оценки	Претендующие на инвалидность	«Позитивы»	Достоверность
<i>Поведенческие совладающие стратегии</i>			
Отвлечение	1,90	2,74	***
Альтруизм	1,94	3,12	***
Избегание	1,77	3,12	***
Компенсация	1,68	2,10	
Конструктивная деятельность	1,20	2,43	***
Избегание, уход	1,78	1,12	
Обращение	1,70	2,86	***
Сотрудничество	1,36	2,64	***
<i>Сумма поведенческих совладающих стратегий</i>	<i>13,33</i>	<i>20,12</i>	<i>***</i>
<i>Когнитивные совладающие стратегии</i>			
Смирение	1,72	2,52	**
Игнорирование действительности	1,78	3,02	***
Сохранение самообладания	1,67	2,93	***
Проблемный анализ	1,66	2,76	***
Сравнение	1,53	2,95	***
Религиозность	1,83	1,83	
Придача смысла	1,56	2,76	***
Установка собственной ценности	1,50	2,29	**
Диссимилиация, недооценка проблемы	1,37	2,86	***
Растерянность	1,58	1,14	
<i>Сумма когнитивных совладающих стратегий</i>	<i>16,20</i>	<i>25,07</i>	<i>***</i>
<i>Эмоциональные совладающие стратегии</i>			
Протест	1,47	1,02	
Отчаяние	1,32	1,02	
Выраженная агрессивность	1,16	0,40	**
Подавление чувств	2,07	0,81	***
Оптимизм	1,66	2,71	***
Безнадежность	1,27	0,83	
Самообвинение	1,15	0,60	*
Пассивное сотрудничество	1,43	1,88	
<i>Сумма эмоциональных совладающих стратегий</i>	<i>11,53</i>	<i>9,29</i>	<i>*</i>

Во-первых, группа «позитивов» статистически достоверно превосходит группу «претендующих на инвалидность» по всем трем группам стратегий.

Во-вторых, минимальное превосходство «позитивов» зафиксировано по группе стратегий копинг-поведения в эмоциональной сфере. Мож-

но предположить, что в сфере непосредственных переживаний обе группы относительно равны, а вот в выборе интеллектуальных и волевых (поведенческих) реакций различия гораздо более существенны. И даже в этой группе, за «позитивами» – преобладание такой стратегии реагирования, «оптимизм»; у группы претендующих на инвалидность – «выраженная агрессивность», «подавление чувств», «самообвинения».

В-третьих, в группе когнитивных реакций «позитивы» имеют абсолютное превосходство по 9 стратегиям из 10 (в части «религиозности» между группами не зафиксировано различий).

В-четвертых, по группе поведенческих стратегий наблюдается абсолютное доминирование «позитивов» (за исключением отвергаемой ими стратегии «избегание, уход»).

Мы можем предположить, что зафиксированная активность и разнообразие адаптационных реакций лежат в основе еще двух статистически значимых различий между группами – по образованию и по наличию трудовой деятельности. И по одному, и по другому параметру сравнения группа «позитивов» имеет показатели выше. Мы убеждены, что личностные характеристики «позитивов» не связаны непосредственно с уровнем образования, но не исключаем, что уровень и характер профессиональных умений связаны с их активным отношением к жизни и рефлексией своих сильных психологических качеств.

Таким образом, в нашем исследовании мы зафиксировали два принципиально различных типа реакции на угрозу инвалидизации вследствие хронического заболевания или тяжелых последствий массивных форм и методов лечения.

В первом случае у позитивно настроенных больных, не стремящихся к уходу в инвалидизацию, – принятие ситуации такой, какой она есть, и мобилизация ресурсов совладания. Это происходит на фоне высокого уровня принятия себя во всем многообразии личностных характеристик и богатства ценностных ориентаций.

Во втором случае у больных, расценивающих как единственную возможность адаптации получение (либо утяжеление) статуса «инвалид», – попытка «бегства» от ситуации страдания, массивное использование механизмов психологической защиты, согласие на обеднение характеристик Я и ценностей личности, требование прямой социальной поддержки в виде установления группы инвалидности.

В теоретическом плане мы можем интерпретировать это как различные варианты прохождения «лиминального дискурса», понятия, непосредственно связанного с феноменом лиминальности. По мнению Г.Л. Тульчинского, важнейшим обстоятельством лиминальности является то, что в начале и в конце этого процесса лежат сознание, его структура и содержание – ментальность как начальный импульс и как конечный результат лиминального процесса. И между этими двумя крайними точками лиминальности как средство ее выражения и

осмысления реализуется лиминальный дискурс. Более того, лиминальный дискурс является одним из средств, обеспечивающих саму реализацию процесса перехода.

Можно назвать этот процесс «перехода» психотерапией, социально-психологической реабилитацией или по-другому, но мы видим, что активное участие в этом принимает сама личность, и, следовательно, усилия реабилитационных структур должны быть направлены на ее поддержку в этом направлении развития. Часть испытуемых – «позитивы» – прошла этот путь самостоятельно, что позволяет нам увидеть и «взять на вооружение» основные ориентиры для такой работы с другими категориями лиц, вставших перед проблемой инвалидности.

Литература

1. Бубнова С.С. Методика диагностики индивидуальной структуры ценностных ориентаций личности // Методы психологической диагностики. М. : ИП РАН, 1994. Вып. 2. С. 48–69.
2. Морозова Е.В. Внутренняя картина инвалидности (генез, структура, функции, свойства) // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 2008. № 1. С. 42–46.
3. Морозова Е.В. Структура идентичности инвалидов как фактор реабилитации личности // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 2012. № 3. С. 16–19.
4. Набибуллина Р.Р., Тухтарова И.В. Механизмы психологической защиты и совладания со стрессом (определение, структура, функции, виды, психотерапевтическая коррекция) : учеб. пособие. Казань : Изд-во ИП Тухтаров, 2003. 98 с.
5. Проективный философский словарь. Новые термины и понятия / под ред. Г.Л. Тульчинского, М.Н. Эпштейна. СПб. : Алетейя, 2003. 512 с.
6. Психологическая диагностика индекса жизненного стиля (пособие для врачей и психологов). СПб. : НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 1998. 48 с.
7. Румянцева Т.В. Трансформация идентичности студентов медицинского вуза в меняющихся социальных условиях : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль : Ярослав. гос. ун-т, 2005. 28 с.

LIMINAL PHENOMENA IN THE STRUCTURE OF EXPERIENCE DISABILITY

Uryvaev V.A. (Yaroslavl), Morozov E.V. (Moscow)

Summary. The article analyzes the results of a study of two groups of subjects who have expressed chronic diseases: The subjects in the first group are placed in disability group (n = 360). The second group (n = 80) do not recognize themselves as disabled, despite the presence of the disease. These subjects possess characteristics typical for mature personality; Possibility to cross borders, a new way of life or staying as they are.

Key words: liminality; internal picture of disability; disabled; coping behavior; psychological defense; self-identity; values.

ПСИХОСОМАТИЧЕСКИЕ РАССТРОЙСТВА В КЛИНИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ ПСИХОЛОГА

В.Н. Кожевников (Красноярск), Г.В. Залевский (Томск),
Л.И. Фусу (Москва), Т.А. Кожевникова, В.В. Костарев (Красноярск)

Аннотация. Представлен обзор основных теорий развития психосоматических расстройств, позволяющих понять генезис этой патологии. Рассматриваются структура психосоматических соотношений, степень органического поражения мозга при психосоматических расстройствах, факторы их риска. Обсуждаются основные актуальные вопросы как отечественной, так и французской психосоматической медицины.

Ключевые слова: психосоматические расстройства; факторы риска; «внутренняя картина болезни»; «замкнутый круг»; конверсионное ядро; «работа горя»; «работа сна»; структура; дезорганизация; прогрессивная дезорганизация, система фиксации-регрессии, эссенциальная депрессия, оператуарное мышление, оператуарная жизнь, «личностная защищенность».

Согласно современным научным исследованиям имеются противоречия в понимании генезиса и сущности психосоматических расстройств и соматоформных психических расстройств (т.е. психических расстройств в сфере «соматопсихики», связанной с осознанием и переживанием человеком собственной телесности) [8, 9, 16, 20].

Представления о спектрах и границах органических, соматогенных, соматоформных, истерических, аффективных, шизотипических и ипохондрических расстройств вызывают самые спорные суждения. Дифференциальная диагностика затруднена из-за отсутствия достаточной характеристики соматической патологии (расширенного диагноза, показателей степени тяжести, стадии заболевания и др.) [17, 23].

Для лучшего понимания природы психосоматических расстройств было введено понятие «личностная защищенность», представленное в виде трех компонентов: 1) отношение с окружающей средой; 2) способность к выбору конструктивной формы поведения, направленного на преодоление конфликта; 3) достаточность личностного энергетического потенциала [14, 15].

Механизм «замкнутого круга» – еще один важный механизм взаимоотношений между психикой и сомой. Сущность проявления этого механизма заключается в том, что нарушение, возникающее первоначально в соматической сфере (возможно, и в психической), вызывает психопатологические реакции, которые становятся причиной дальнейших соматических нарушений. По «замкнутому кругу» и разворачивается целостная психосоматическая картина заболевания. Важная роль феномена «замкнутого круга» указывается исследователями как в связи с происхождением психосоматических заболеваний, так и в свя-

зи с генезисом психических нарушений при соматических заболеваниях. Психические и соматические патогенные факторы тесно и причудливо переплетаются в генезисе скрытых эндогенных депрессий, единый симптомокомплекс которых включает в себя переплетение психических и псевдосоматических нарушений [3, 25]. Стрессовые события играют определяющую роль в развитии депрессивных расстройств, частота которых, как и психотравмирующих ситуаций (уход на пенсию, развод или разлука с супругом, измена, смена места жительства, потеря родины, идеалов, профессиональные неудачи, материальные и финансовые проблемы, смерть или заболевания близких людей) тесно связаны между собой. Важно отметить так называемый кумулирующий эффект стрессовых ситуаций [22, 24].

Рассматривая постфрейдовские модели психоанализа, ученые описывают психоанализ органических заболеваний, рассматривают психосоматическую медицину и подробно останавливаются на исследованиях Парижской психосоматической школы [9, 29, 30].

Монистическая модель [23, 27, 31] утверждает отсутствие дифференциации между психическим и соматическим и построена на трех своеобразных концепциях: структуре психического аппарата, символизации, отношении между соматическим и психическим. В первой концепция **Я** теряет свое значение и становится чуть ли не бесполезным, а **Оно** становится безмерным и трансцендентирует все переживания и всю человеческую жизнь; постулируется детерминизм **Оно**, которое для реализации своих желаний использует одинаково как психические, так и соматические манифестации. Примечательнее всего то, что символизация предшествует всякой психической работе, смешивая символизм с символизацией.

Следование основному психоаналитическому правилу – свободным ассоциациям – стимулирует обнаружение и созидание (конструкцию) индивидуальных и исторических (подразумевается личная [29, 30] история пациента) смыслов и значений, т.е. всякий психосоматический симптом имеет смысл, однако этот смысл может обнаружиться лишь благодаря психоанализу и прорабатывается лишь во время психоанализа. Жан Поль Валабрега распространил понятие конверсии на всю соматическую патологию, он видел в этом понимание всех соматизаций. Истерическая конверсия не была при этом частным случаем. Астма, аллергия, мигрень относились к невротическому регистру. Расширение понятия истерической конверсии на прегенитальные стадии предполагало глубокую регрессию к переживаниям начала жизни, которые реактивировали очень давние психосоматические системы.

Сложно утверждать, что во всех соматических нарушениях есть, как и в истерической конверсии, психическая часть, которая внезапно вытесняется в бессознательное, в то время как аффективный заряд, связанный с репрезентацией, смещается на соматическое. Это может осмысли-

ваться, лишь когда психическая и соматическая активности дифференцируются.

Если Ф. Александер делает акцент на *психосоматические заболевания*, то Парижская психоаналитическая школа (П. Марти, М. Фэн, М. де М. Юзан, К. Давид, К. Смаджа) описывает *психосоматического пациента* [26, 29, 30]. Парижская психоаналитическая школа отличается еще и тем, что она отмечает у психосоматических пациентов выраженное снижение, вплоть до полного стирания, всякой работы психического аппарата. Это стирание характеризуется клиническими проявлениями депрессии особого вида, называемой *эссенциальной депрессией*, особым качеством мышления, называемым *опературным мышлением*, и снижением онирической и фантазматической деятельности.

Для Парижской школы вопрос о том, имеет ли соматический симптом смысл, более не является важным. Психосоматические специалисты IPSO PARIS вместо поиска смысла симптома заинтересовались интерпретацией психических феноменов, которые появляются из-за деградации тех психических структур, которые могли бы придавать смысл.

Представитель Парижской психосоматической школы К. Смаджа описывает два психических явления, которые создают условия для развития соматизации [29]. Первое он называет *соматической регрессией*, второе – *психосоматическим разделением*, подразумевая разрыв, разделение влечений к смерти от влечений к жизни.

Парижская психоаналитическая школа считает эссенциальную депрессию облигатной при всех психосоматических заболеваниях. Впервые она была описана П. Марти [26]. Ее основные клинические характеристики следующие: снижение общего либидинального тонуса, наличие выраженной, и, как правило, хронической усталости, быстрая истощаемость, присутствие негативной симптоматики, психическая дезорганизация, стирание и исчезновение психической работы, аффективная фригидность, отсутствие психической боли и страдания как клинически, так и в бессознательных репрезентациях, анаклитическое примыкание к коллективным нормам и идеалам.

Анализ зарубежных и отечественных исследований показывает, что происхождение психосоматических расстройств рассматривается с позиций некой распространенной психосоматической парадигмы. В их этиологии ведущую роль играют три группы факторов [1, 5]:

1. Наследственно-конституциональные. Выделяются конституционно-типологические особенности центральной нервной системы (ЦНС) и личностные особенности.
2. Психогенные (или психоэмоциональные). Это острые или хронические внешние воздействия, опосредствованные через психическую сферу.

3. Органические. К ним относят разного рода преморбидную органическую (травматическую, гипоксическую, инфекционную, токсическую и пр.) «скомпроментированность» интегративных церебральных систем сверхсегментарного уровня, прежде всего лимбико-ретикулярного комплекса.

Важнейшим достижением в области советской психосоматической медицины является введение А.Р. Лурия в середине XX в. понятия «*внутренняя картина болезни*» – все мысли, переживания, чувства, которые есть у человека по поводу его заболевания [9]. Она состоит из четырех уровней:

1. *Сенсорный уровень* (уровень ощущений). Как правило, динамика становления внутренней картины болезни начинается с ощущений, которые появляются в два этапа. На первом этапе ощущения возникают в виде первичного осознания какого-либо неблагополучия, дискомфорта. Человек ощущает, но еще не может сказать, что с ним не так («что-то со мной не то»), поскольку его ощущения еще не определены. Заканчивается этот этап вербализацией, когда ощущения получают свое название и определение. Этап сенсорного уровня наступает, когда появляются признаки болезни («я чувствую сильную слабость и головокружение»).

2. *Когнитивный уровень* (уровень познания и понимания). Для того чтобы ощущения в теле были восприняты как симптомы заболевания, должна существовать когнитивная модель заболевания. Когнитивная модель определяет, к какой модели отнести ощущение, и проводит выбор болезни, под которую будут подходить соматические ощущения. Важнейшим моментом на этом уровне является оценка угрозы болезни. Чем сильнее она будет, тем более острой может быть эмоциональная реакция человека.

3. *Эмоциональный уровень*. Спектр возможных эмоциональных реакций человека очень широк. От анозогнозии (отрицание болезни – «Этого не может быть, я не больной») – к ипохондрическим реакциям (поиск и нахождение у себя признаков болезни во всех своих ощущениях – «Сегодня меня вырвало трижды – у меня рак желудка»).

4. *Уровень мотиваций*. Речь идет о сути, которую человек вкладывает в свою болезнь. Суть болезни может изменить образ Я человека, восприятие себя, отношения с другими людьми и окружающей средой. Болезнь может стать препятствием воплощения основных жизненных мотивов человека, и тогда больной прежде всего пытается избавиться от своего заболевания.

В индивидуальном паттерне физиологического реагирования на стресс выделяют следующие подтипы: неспецифическая активность, направленная активность, подверженность изменениям. Примечательно, что стимулы могут влиять различным образом на эти составляю-

щие паттерны физиологического реагирования, но всегда характерным способом для одного индивида [6, 8, 10].

Между эндогенными депрессиями и соматической патологией существуют психосоматические соотношения [2, 4, 7, 31]. В одной части случаев телесный недуг является фактором, провоцирующим манифестацию аффективных расстройств (соматогенно провоцированные эндогенные депрессии), включая соматореактивную дистимию. Тесное переплетение психических и соматических расстройств позволяет выделить в пределах патологии этого круга пять типов состояний, которые отображают разную структуру психосоматических соотношений.

1. Соматизированные психические реакции – соматоформные расстройства, которые формируются в результате эмоционально-психосоматической патологии в рамках образований невротического или индивидуально-конституционального регистров (невротические расстройства, невропатии и личностное развитие).

2. Психогенно-личностные реакции (нозогении), которые возникают в связи с соматическим заболеванием (последнее выступает как психотравмирующее событие, как фактор субъективный, непроизвольный, не зависящий от воли, которая существенно влияет на качество жизни), – вторичные невротические расстройства острого и затяжного типов.

3. Органные, или системные, соматические поражения психосоматического характера, которые возникают в ответ на влияние социально-психогенных, личностно- и биоконституционных факторов (в форме «ответа» органа или системы-мишени) – *locus minoris resistentia*.

4. Реакции экзогенного типа (соматогении), которые развиваются в результате нейротоксичного эффекта соматического заболевания, в виде неврозоподобной или психотической органической симптоматики.

5. Соматопсихическая коморбидность – относительно независимое параллельное течение соматического заболевания и патологии психической сферы.

В отечественной науке учение о психосоматических и соматоформных расстройствах связано с работами А.Б. Смулевича и его школы [13, 14]. Взаимосвязи соматических и психических расстройств могут носить самый разнообразный характер. Например, психическое заболевание может быть результатом соматического (депрессия при онкологии, депрессия при тиреотоксикозе, гипотиреозе); психическое расстройство может носить маску соматического (ларвированная депрессия); психическое заболевание может провоцировать соматическое, запускать механизм его реализации; усиливать соматические проявления болезни, включая боль. Отечественные специалисты обнаруживают то, что психосоматические расстройства коморбидны с фобиями, аффективной патологией, личностными особенностями [11, 12, 14].

Согласно отечественным исследованиям болезнь является конечным фенотипическим проявлением действия внешних и внутренних факторов, строго определенных для каждого человека. Отмечено, что не существует единственной формы болезни, например язвенной, а существует множество ее субформ. Невзирая на наличие многочисленных отечественных теорий, которые пытаются объяснить этиологию и патогенез психосоматических заболеваний, ни одна из них не дает исчерпывающего ответа на причину психосоматических расстройств. В последнее время появился интерес к зарубежным гипотезам об их мультифакторном генезе, где каждая из предложенных теорий объясняет одно из звеньев патогенеза [12, 13].

На данном этапе отечественная психосоматическая медицина решает три важных вопроса.

1) вопрос о триггерном (пусковом) механизме патологического процесса и начальной стадии его развития;

2) почему один сверхсильный раздражитель у одних людей вызывает ярко выраженную эмоциональную реакцию и комплекс специфических вегето-висцеральных сдвигов, а у других эти сдвиги вообще отсутствуют;

3) почему психическая травма у одних людей вызывает заболевание сердечно-сосудистой системы, у других – пищеварительного аппарата, у третьих – дыхательной системы, у четвертых – эндокринной системы и т.д.

Таким образом, психосоматическая проблема остается фундаментальной проблемой медицинской психологии, которая до последнего времени разрабатывалась в русле психоаналитически ориентированных исследований психосоматической медицины. Исследователями этого направления собраны обширные и интересные, данные. Однако многие представления о природе психосоматических отношений являются по меньшей мере дискуссионными [18, 20, 24].

Дальнейшее комплексное концептуальное изучение органогенеза психических и соматических нарушений (разумеется, вместе с психогенезом) может радикально изменить существующее представление о соматических и психических отношениях, позволит по-новому, на более объективных началах подойти к классификации психосоматических расстройств [10, 16, 19, 30]. Данная проблема – это и проблема коморбидности психических и соматических расстройств.

Литература

1. Александр Ф. Психосоматическая медицина (принципы и применение) / пер. с англ. С. Могилевского. М. : ЭКСМО-Пресс, 2009. 352 с.
2. Андриющенко А.В., Романов Д.В. Клинико-эпидемиологические аспекты проблемы пограничных психических и психосоматических расстройств в общей меди-

цине (обзор литературы) // Психические расстройства в общей медицине. 2010. № 2. С. 23–42.

3. Ануфриев А.К. Патология общего чувства и аффективные расстройства с эквивалентами. Психосоматические расстройства при циклотимных и циклотимоподобных состояниях. М., 1979. С. 8–24.

4. Головина А.Г. Некоторые аспекты психосоматических соотношений у подростков с фобическими расстройствами // Психические расстройства в общей медицине. 2011. № 2. С. 18–23.

5. Григорьева Е.А., Хохлов Л.К. К проблеме психосоматических, соматопсихических отношений // Обзорение психиатрии и медицинской психологии. 2011. № 2. С. 30–34.

6. Залевский Г.В. Теория субъекта и фиксированные формы поведения // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 3. С. 32–36.

7. Залевский Г.В. Личность и фиксированные формы поведения. М. : ИП РАН, 2007. 336 с.

8. Коркина М.В., Иванов В.Л. Психические расстройства при соматических заболеваниях. Руководство по психиатрии / под ред. Г.В. Морозова. М. : Медицина, 1988. Т. 1. С. 84–113.

9. Лурия А.Р. Внутренняя картина болезней и ятрогенные заболевания. 4-е изд. М. : Медицина, 1977. 127 с.

10. Миллер А. Вначале было воспитание : пер. с англ. М. : Академический проезд, 2003. 464 с.

11. Фусу Л.И. Теории психического аппарата и роль психоанализа при депрессивных расстройствах // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. Ногинск : Аналитика Родис, 2012. № 4. С. 7–23.

12. Симаненков В.И. Психосоматические расстройства в практике терапевта. СПб. : СпецЛит, 2008. 335 с.

13. Смуглевич А.Б., Дубницкая Э.Б. Депрессии в общемедицинской сети // Психические расстройства в общей медицине. 2010. № 1. С. 4–13.

14. Смуглевич А.Б., Сыркин А.Л., Львов А.Н. Дифференциальный диагноз в психосоматике // Психические расстройства в общей медицине. 2010. № 3. С. 4–16.

15. Himelhoch S., Weller W.E., Wu A.W. et al. Chronic Medical Illness, Depression, and Use of Acute Medical Services Among Medicare Beneficiaries // Medical Care. 2004. Vol. 42 (6). P. 512–521.

16. Cloninger C.R., Cloninger K.M. Person-centered therapeutics // Internat. Jour. of Person-centered Med. 2011. Vol. 1. P. 43–52.

17. Creed F. Should general psychiatry ignore somatization and hypochondriasis? // World Psych. 2006. Vol. 5 (3). P. 146–150.

18. Depression and anxiety in multisomatoform disorder: prevalence and clinical predictors in primary care / J.E. Muller, I. Wentzel, D.G. Nel et al. // South Afr. Med. Jour. 2008. Vol. 98 (6). P. 473–476.

19. Löwe B., Spitzer R.L., Williams J.B. et al. Depression, anxiety and somatization in primary care: syndrome overlap and functional impairment // Gen. Hosp. Psych. 2008. Vol. 30 (3). P. 191–199.

20. Erlich H.S. Experience – What Is It? // Int. Jour. of Psychoan. 2003. Vol. 84 (P. 5). P. 1127–1247.

21. Fava G.A. The clinical role of psychological well-being // World Psych. 2012. Vol. 11 (2). P. 102–103.

22. Feldmann C.T., Bensing J.M. Worries are the mother of many diseases: general practitioners and refugees in the Netherlands on stress, being ill and prejudice // Patient Educ. Couns. 2007. Vol. 65, № 3. P. 369–380.

23. *Ferenczi S.* Actual and psycho-neuroses in the light of Freud's investigations and psychoanalysis. Father Contributions to the Theory and Technique of Psychoanalysis. N.Y. : Basic Books, 1952. 360 p.

24. *Karlsson H.* Problems in the definitions of positive mental health // *World Psych.* 2012. Vol. 11 (2). P. 106–107.

25. *Lacey J.I.* Somatic response patterning and stress: some revisions of activation theory // *Psychological Stress: Issues in Research.* N.Y. : Appleton-Century-Crofts, 1967. P. 14–44.

26. *Marty P.* Les mouvements individuels de vie et de mort. Vol. 2: L'Ordre psychosomatique. Paris : Payot, 1980. 92 p.

27. *Grassi L., Mangelli L., Fava G.A. et al.* Psychosomatic characterization of adjustment disorders in the medical setting: some suggestions for DSM-V // *Jour. Affect. Disord.* 2007. Vol. 101, № 1–3. P. 251–254.

28. *Spitz R.-A.* La premiere annee de la vie de l'enfant. Paris : P.U.F., 1953. P. 119–121.

29. *Smadja C.* La vie opératoire. PUF, 2001. P. 45–50.

30. *Smadja C.* Les modèles psychanalytiques de la psychosomatique. PUF, 2008. P. 161–164.

31. *Brüne M., Belsky J., Fabrega H. et al.* The crisis of psychiatry – insights and prospects from evolutionary theory // *World Psych.* 2012. Vol. 11(1). P. 55–57.

PSYCHOSOMATIC DISORDERS AT THE CLINICAL PRACTICE

Kozevnikov V.N. (Krasnoyarsk), Salevskij G.V. (Tomsk), Fussu L.I. (Moscow),

Kozevnikova T.A., Kostarev V.V. (Krasnoyarsk)

Summary. The fundamental theories of psychosomatic origins those are necessary for deep insight of somatoform disorders and reactions are presented in the article. It was described the linear model, rates of organic lesion, risk-factors and structure during psychosomatic disorders. It was administered the ideas of «ego security», «avoidant period», «inward sickness picture». As a result, it was awarded the most topical issues of psychosomatic medicine.

Key words: psychosomatic disorders; risk-factors; structure; «ego security»; «avoidant period»; «inward sickness picture».

АНТРОПООРИЕНТИРОВАННЫЕ ОСНОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРОЦЕССА ВЫНАШИВАНИЯ У ЖЕНЩИН С УГРОЗОЙ ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ

А.Л. Филоненко, Т.Г. Бохан (Томск), Т.В. Рогачева (Екатеринбург)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ
(грант № 11-36-00202a1).*

Аннотация. Представлены основания использования антропоориентированных тенденций науки в практике психологической помощи беременным женщинам. Описана программа формирующего эксперимента психологического сопровождения процесса вынашивания у женщин с угрозой прерывания беременности. Определены мишени психологической помощи, описаны методы и этапы работы.

Ключевые слова: угроза прерывания беременности; здоровая беременность; пренатальная психологическая общность.

Проблема поиска методологических оснований психологической помощи женщинам во время беременности стоит достаточно остро. Согласно данным статистики, 15–25% беременностей завершается самопроизвольным абортom, а диагноз «угроза прерывания беременности» ставится каждой второй беременной женщине (З.С. Зайцева, В.И. Кулаков, О.Ф. Серова, Г.Т. Сухих). Программы психологического сопровождения беременных женщин, существующие на данный момент в практике психологической помощи, формируют индивидуально-психологические и личностные качества женщин, помогающие адаптироваться к новому психофизиологическому состоянию, обрести спокойное внутреннее состояние психологического и физиологического комфорта. Однако по данным современных исследователей, беременность провоцирует более глубокие изменения личности, которые затрагивают, кроме физиологического, эмоционального, когнитивного, социального уровней, еще и экзистенциальный (В.И. Брутман, О.С. Васильева, О.А. Копыл, Ю.В. Ковалева, С.Ю. Мещерякова, Е.В. Могилевская, О.А. Соколова, Г.Г. Филиппова). Содержание этих изменений свидетельствует о том, что в сознании женщины появляется образ ребенка, отношение к нему, формируется единство, система «мать и дитя».

Опора на научный потенциал антропоориентированных теорий в психологии позволяет рассматривать ценностно-смысловые образования, которые детерминируют образ жизни человека, осмысленность его поведения в конкретной жизненной ситуации [3–5]. На основе данных методологических воззрений этап беременности рассматривается

как особый кризисный этап в целостном контексте жизни женщины, гармоничность проживания которого на биологическом и социальном уровнях определяется преобразованием психологической и духовной сфер личности женщины. Этот процесс характеризуется изменением личностных мотиваций, форм поведения, установок и трансформацией личностных ценностей и смыслов. Появление новых ценностей выводит на такое системное новообразование женщины в период беременности в ее сознании и поведении, как пренатальная психологическая общность. Ю.Б. Шмурак (1994) указывает на то, что формирование данного новообразования свидетельствует о процессе саморазвития женщины и выступает психологическим условием в системе факторов, определяющих физиологическое течение здоровой беременности [10]. Последовательное прохождение стадий становления пренатальной психологической общности внутри системы «мать и дитя» является условием гармонизации, интеграции биологических и психологических компонентов системы, приведения их в соответствие, формирует систему психологической устойчивости в изменяющихся обстоятельствах жизни беременной женщины.

Пренатальная психологическая общность представлена содержанием структурных компонентов – ценностно-смыслового, психологического (эмоциональные, когнитивные, поведенческие характеристики) и физиологического. Динамический аспект пренатальной психологической общности свидетельствует о том, что она проходит свои этапы развития, в процессе которых структурные компоненты общности наполняются новыми смыслами, отношениями и действиями. Развитие пренатальной психологической общности включает в себя два периода, каждый из которых состоит из двух критических и двух стабильных стадий.

Содержание компонентов на первой стадии «Кризис инобытия» (кризис рождения) определяется появлением самостоятельной ценности ребенка и ростом тревожности, что провоцирует формирование установок на сохранение здоровья и новых форм поведения. Физиологический компонент характеризуется общим снижением активности и всех вегетативных показателей. Условием гармоничного похождения данной стадии выступает принятие членами семьи факта беременности и оказание эмоциональной поддержки.

Содержание компонентов на второй стадии – «Стадии принятия» – определяется формированием ценности беременности, что связано с готовностью принимать все её проявления. На данной стадии повышаются ценность собственного Я и активность женщины, появляются уверенность в будущем, установка на заботу о здоровье и убеждение в собственной возможности контролировать и подчинять события своей жизни.

Содержание компонентов на третьей стадии – «Кризис фетальности» (кризис развития) – определяется формированием ценности ребенка

и беременности. Женщины начинают ощущать активные проявления ребенка, воспринимать его как отдельного субъекта, что связано с началом развития материнской идентичности. Формируются позитивная временная перспектива и готовность обращаться к внутренним ресурсам организма. Снижается тревожность и улучшается физиологическое состояние.

Содержание компонентов на четвертой стадии – «Внутриутробный младенец» (стадия освоения) – определяется изменением образа мира, образа жизни, отказом от эгоцентричности и формированием материнской идентичности. Появляются новые формы поведения, направленные на установление более близких, со-бытийных отношений с ребенком. Условием гармоничного прохождения данной стадии является эмоциональная поддержка семьи.

Цель данного исследования – на основании достоверных данных о содержании структурных компонентов становления пренатальной психологической общности, выступающей в качестве условий здоровой беременности, разработать и реализовать формирующий эксперимент по созданию условий формирования психических новообразований, способствующих этому становлению. Как завершение реализации программы провести контрольный диагностический срез, определить её эффективность.

Методы исследования. Психодиагностические методы: «Шкала базисных убеждений» Р. Янов-Бульмана, «Цветовой тест» Люшера, методики «Семантического дифференциала» и «Неоконченные предложения», адаптированные под задачи исследования.

Феноменологические методы: специально разработанный алгоритм фокусированного интервью, проективный рисунок «Я и мой ребенок» и сочинение на тему «Моя беременность» с последующим применением контент-анализа для качественной и количественной обработки данных.

Статистические методы анализа данных осуществлялись с помощью программы Statistica 8.0.

Формирующий эксперимент проводился на базе отделения гинекологии Томского НИИ Курортологии и физиотерапии г. Томска. В эксперименте принимали участие беременные женщины с угрозой прерывания беременности ($n = 100$).

В основу психодиагностической работы легла разработанная на основе анализа литературы интегративная модель становления пренатальной психологической общности, которая была операционализирована и верифицирована с учетом ее структурно-содержательных и процессуально-динамических характеристик. На основании анализа результатов констатирующего этапа выявлены закономерности становления пренатальной психологической общности у женщин со здоровой беременностью и с угрозой её прерывания, установлены факто-

ры, способствующие и препятствующие становлению пренатальной психологической общности.

Доказано, что у женщин в норме в период беременности становление пренатальной психологической общности представлено появлением базовых новообразований на каждой стадии ее развития и соответствующим содержанием структурных компонентов (ценностно-смыслового, эмоционального, когнитивного, поведенческого и физиологического). К базовым новообразованиям относятся: в «кризисе инобытия» (рождения) – появление самостоятельной ценности ребенка, смысла заботы о своем здоровье и позитивной перспективы будущего; в «стадии принятия» – эмоциональное принятие ребенка в своей телесности и соответствующее этому изменение форм поведения, образа жизни; в «кризисе фетальности» (развития) – появление ценности материнства, проявляющейся в принятии беременности во всех ее проявлениях, идентификации с ролью матери, выделении проявлений активности ребенка на уровне интрацептивных ощущений и придании им определенных значений как проявлений субъектности ребенка; на этапе «внутриутробного младенца» (стадия освоения) – появление новых смыслов во взаимодействии с ребенком в настоящем и будущем, расширяющих пространство жизненного мира, на основе ценностей материнства.

У большинства беременных женщин с угрозой прерывания беременности выявлены следующие трудности становления пренатальной психологической общности: отсутствие базовых новообразований, определяющих динамику становления пренатальной психологической общности; деформация содержания компонентов на стадиях первого периода становления пренатальной психологической общности: в «кризисе инобытия» – отсутствие динамики изменения образа мира и образа жизни; на стадии принятия – сверхзначимость ценности собственного Я в связи с ухудшением соматического состояния (повышение тонуса вегетативной нервной системы, снижение работоспособности, отклонение физиологических показателей от аутогенной нормы); отсутствие формирования новообразований и содержания компонентов пренатальной психологической общности, соответствующего второму периоду развития (стадии «кризис фетальности» и «внутриутробный младенец»), свидетельствует об остановке в развитии пренатальной психологической общности.

Проведенный анализ позволил выявить психологические характеристики (факторы) компонентов пренатальной психологической общности, способствующие и препятствующие становлению общности на каждой стадии.

В качестве факторов, способствующих развитию общности, выступают ценность ребенка и ценность материнства, принятие беременности, установка на сохранение своего здоровья, конструктивное от-

ношение к симптомам болезни и готовность обращаться к внутренним ресурсам для излечения.

Негативными психологическими факторами, которые приводят к остановке в развитии общности и взаимосвязаны с угрозой прерывания беременности, являются отсутствие ценности ребенка, актуализация базисного убеждения в собственной возможности контролировать и подчинять события своей жизни, высокая ценность собственного Я женщины, приоритет карьеры.

На основании установленных фактов были определены мишени психологической коррекции, описаны подходы, подобраны методы и этапы формирующего эксперимента.

В качестве мишеней психологической коррекции определены следующие. На уровне ценностно-смыслового компонента – это формирование самостоятельной ценности ребенка, ценности материнства и готовности принимать ситуацию беременности со всеми ее позитивными и негативными проявлениями; на уровне эмоционального – эмоциональная поддержка женщин; на уровне когнитивного – обращение к внутренним ресурсам организма, формирование позитивной временной перспективы, актуализация личностных ресурсов и внутреннего локуса контроля. На уровне последнего компонента одной из задач выступает формирование представлений о внутриутробной жизни ребенка, основных закономерностях его развития, перцептивных возможностях и базовых потребностях; очень важны работа с образами и представлениями о беременности и материнстве; выявление и работа над деструктивными установками и убеждениями по поводу беременности и материнства. Задачи на уровне физиологического компонента – развитие навыков психофизиологической саморегуляции, повышение чувствительности к выделению внутриутробных проявлений ребенка; на уровне поведенческого – формирование новых форм поведения, направленных на совладание с жизненными трудностями, развитие способов взаимодействия с ребенком до и после рождения.

Определены уровни направленности психологического сопровождения. Личностный уровень – работа с ценностями, смысловыми образованиями, установками и мотивацией. Аффективный (эмоциональный) уровень – работа с навыками открытого выражения чувств вербальными и невербальными средствами, обучение эмпатийному слушанию, способам оказания и принятия эмоциональной поддержки. Когнитивный уровень – передача знаний. В ситуации беременности для женщин большое значение имеет опора на знания, на когнитивный ресурс. Психофизиологический уровень – обучение регуляции функциональных состояний средствами аутогенной тренировки, арттерапии, телесно-ориентированной терапии. Операциональный, или поведенческий, уровень – формирование новых способов поведения, а также навыков и умений (способы взаимодействия с внутриутробно раз-

вивающимся ребенком, поведение в родах, ухода за ребенком, конструктивные формы поведения в семейных ситуациях).

В качестве методов работы были использованы: когнитивная психотерапия с элементами эмоционально-рациональной терапии Эллиса; позитивная психотерапия с ориентацией на будущее и на внутренние личностные ресурсы; арт-терапия в виде работы с рисунками, лепки, составления коллажей, музыкотерапия, танцетерапия, сказкотерапия; создание оберегов, рисование мандал; поведенческая терапия с написанием рекомендаций и домашних заданий. Изменяя поведение, меняем отношение к беременности, ребенку, окружающей действительности (формирование конструктивных навыков общения с членами семьи и способов взаимодействия с внутриутробно развивающимся ребенком; развитие конструктивных форм поведения, направленных на сохранение здоровья; телесно-ориентированная терапия в работе с опорами, принятием физиологических изменений своего тела, формированием способов адаптации к изменениям; комплексная физическая и дыхательная гимнастика, направленная на профилактику угрозы прерывания беременности и различных нарушений внутриутробного развития ребенка; аутогенная тренировка, методы релаксации и медитации).

Формой организации работы были индивидуальные консультации, групповые занятия и семинары. Продолжительность занятий составляла от двух до четырех часов.

Программа представлена четырьмя комплексами занятий. Первый посвящен формированию готовности женщины к принятию ситуации беременности. На данном этапе возможно использование одной из методик экзистенциальной психотерапии (прояснение значения беременности для женщины и ее роли в этой новой жизненной ситуации; формирование навыков дарить и получать подарки; знакомство с женским архетипом и формирование готовности к развитию женских, материнских качеств). На данном этапе также применяются методики арт-терапии и телесно-ориентированной терапии, релаксации, медитации, направленные на принятие ситуации беременности в своем теле, формирование готовности и согласия с возникающими физиологическими изменениями.

Второй комплекс занятий посвящен работе с эмоциональным состоянием беременных женщин – оказание эмоциональной поддержки, работа с чувствами; формирование навыков оказания и принятия эмоциональной поддержки; использование методик арт-терапии и медитативных техник, направленных на формирование, развитие ощущений внутренней опоры и обращение к внутренним ресурсам организма.

Третий комплекс занятий посвящен формированию у женщины образа внутриутробно развивающегося ребенка и ценности материнства. На данном этапе женщине предлагаются упражнения на разотож-

дествление, разъединение образов себя и своего ребенка, работа на обособление; заполнение дневника шевелений, который предполагает указание количества шевелений в сутки и описание характера этих шевелений. Следующим способом работы на данном этапе выступают семинарские занятия, на которых женщины узнают о внутриутробных психологических особенностях, потребностях ребенка и способах взаимодействия с ним (показ фильмов, слайдов; работа с образами и представлениями о материнстве, отцовстве и возможных трудностях в реализации данных ролей; формирование представлений о роли матери как в период младенческого возраста ребенка, так и в период его внутриутробного развития).

Четвертый комплекс занятий посвящен созданию условий для формирования и развития со-бытийных отношений между женщиной и ребенком: знакомство с «Методом гаптономии», описанным Г.Г. Филипповой (2002); формирование представлений о базовых потребностях внутриутробно развивающегося ребенка в данный период беременности и новорожденного ребенка, о роли женщины в уходе и общении с новорожденным ребенком; освоение навыков ухода, общения, грудного вскармливания, психологическая подготовка к родам.

Результаты контрольного среза, полученные с помощью шкал методик, диагностирующих содержание структурных компонентов общности, контент-анализа речевой продукции женщин, рисунков и текстов рефлексии в завершении занятий, показали динамику развития новообразований и трансформацию содержания структурно-уровневых компонентов пренатальной психологической общности (таблица).

Динамика изменений показателей до и после проведения формирующего эксперимента (n = 20)

Название шкалы	До	После	p-level
Формирование и развитие ценности ребенка	2,05	3,22	0,005
Принятие беременности	3,18	3,89	0,03
Ценность Я	3,85	2,46	0,04
Приоритет карьеры	1,5	0,4	0,05
Степень самоконтроля	4,10	3,65	0,02
Уровень тревоги	2,74	1,30	0,002
Уровень стресса	3,74	1,30	0,0001
Активность	0,02	1,36	0,002
Показатель вегетативного тонуса	0,58	0,37	0,05
Использование внутренних ресурсов для излечения	2,04	2,72	0,05
Конструктивное отношение к симптомам болезни	0,87	1,71	0,001
Установка на заботу о здоровье	1,77	2,54	0,004
Формирование нового образа Я	-0,01	0,05	0,05
Изменение образа жизни	0,01	0,08	0,05
Изменение образа мира	0,01	0,15	0,03

На уровне ценностно-смыслового компонента появляются ценность ребенка и ценность беременности, на уровне эмоционального – снижается уровень тревоги и стресса, повышаются активность, готовность к эмоциональному принятию ребенка и формированию привязанности. На уровне когнитивного компонента актуализируются установки на заботу о здоровье, конструктивное отношение к симптомам болезни и использование внутренних ресурсов для излечения. Содержание когнитивного компонента характеризуется также снижением силы базисного убеждения в возможности контролировать события своей жизни и появлением готовности принимать новую ситуацию беременности и развивающегося материнства. Поведенческий компонент определяется изменением образа жизни и созданием новых форм поведения, направленных на взаимодействие с ребенком. Физиологический компонент определяется снижением показателей вегетативного тонуса и снятием симптомов угрозы прерывания беременности в 65% случаев.

Выводы:

1. С опорой на научный потенциал антропоориентированных теорий в психологии создана и апробирована в рамках формирующего эксперимента программа психологического сопровождения процесса вынашивания у беременных женщин с угрозой прерывания беременности, которая представлена комплексами упражнений, направленных на создание условий формирования психических новообразований на стадиях становления пренатальной психологической общности.

2. Результаты контрольного диагностического среза позволяют показать динамику формирования новообразований и интегрированное изменение содержания структурных компонентов на стадиях становления пренатальной психологической общности.

3. Программа психологического сопровождения беременных женщин с трудностями становления пренатальной психологической общности может быть использована в различных медицинских учреждениях и психологических центрах, работающих с беременными женщинами на разных сроках и с разным физиологическим течением беременности.

Литература

1. Бохан Т.Г. Культурно-исторический подход к стрессу и стрессоустойчивости : дис. ... д-ра психол. наук. Томск, 2008. 84 с.
2. Бохан Т.Г. Проблема стресса и стрессоустойчивости современного человека в парадигме постнеклассической психологии // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2006. № 2. С. 16–21.
3. Выготский Л.С. Психология. М. : ЭКСМО-Пресс, 2000. 1008 с.
4. Залевский Г.В. От «демонической» до «биопсихосоцио-ноэтической» модели психического расстройства // Сибирский психологический журнал. 2009. № 32. С. 57–64.

5. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности : учеб. пособие для вузов. М. : Школа-Пресс, 1995. 384 с.
6. Филиппова Г.Г. Психология материнства : учеб. пособие. М., 2002. 267 с.
7. Филоненко А.Л. Базисные убеждения, особенности состояния и переживания беременных женщин // Сибирский психологический журнал. 2010. № 37. С. 14–20.
8. Филоненко А.Л., Бохан Т.Г. Реферативный анализ проблемы изучения факторов риска невынашивания беременности // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 334. С. 138–142.
9. Филоненко А.Л. Становление пренатальной психологической общности как условие здоровой беременности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2012. 24 с.
10. Шмурак Ю.Б. Пренатальная психологическая общность // Человек. 1994. № 6. С. 24–37.

ANTROPOORIENTIROVANNYE BASIS OF PSYCHOLOGICAL SUPPORT PROCESS OF GESTATION IN WOMEN WITH THREATENED MISCARRIAGE

Filonenko A.L., Bokhan T.G. (Tomsk), Rogacheva T.V. (Ekaterinburg)

Summary. Presented base antropoorientirovanyh use trends in the practice of science counseling to pregnant women. Described a program of psychological support formative experiment process of gestation in women with threatened miscarriage. Identified the target of psychological help, the methods and stages of operation.

Key words: the threat of termination of pregnancy; healthy pregnancy; prenatal psychological community.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК АРТЕФАКТ, ОПОСРЕДУЮЩИЙ ПОВЕДЕНИЕ В СФЕРЕ ЗДОРОВЬЯ

К.Ю. Колбасина (Калининград)

Аннотация. Рассматривается проблема влияния средств массовой информации на процесс формирования здоровья молодежи, в частности в сфере питания, с учетом влияния культуры на формирование человеческого поведения, т.е. в рамках антропологической психологии. Обсуждаются возможности и особенности функционирования СМИ как фактора охраны здоровья. Приведены результаты экспериментального исследования, в котором СМИ представлены как артефакты, транслирующие образцы, схемы культуры питания, которые позволяют оценить динамику поведения студенческой молодежи в сфере здорового питания под воздействием просмотра телевизионных программ разного типа.

Ключевые слова: антропологическая психология; культурно-историческая психология; артефакт; масс-медиа; здоровье; самосохранение; потребление.

За последние годы проводилось немало исследований, посвященных проблеме здоровья, однако данная проблематика сохраняет свою актуальность.

Проделанная психологами работа по исследованию темы охраны здоровья показала, что такой сложный феномен (сочетающий биологическое, психологическое и социальное благополучие) невозможно рассматривать обособленно по той причине, что различные отрасли знания, будь то медицина, социология или психология, не всегда имеют инструменты для описания и понимания реальных процессов. Категория «здоровье» является еще и культурно-историческим понятием. В зависимости от времени и места в разных культурах граница между здоровьем и нездоровьем определялась по-разному. Культурные реалии оказывали влияние на индивида, обрисовывая границы поведения и диктуя социально-приемлемые способы реагирования. Рассмотрение проблемы здоровья приводит нас к пониманию того, что необходимо учитывать влияние культуры на формирование человеческого поведения, которое можно проследить в рамках антропологической психологии. Это позволит взглянуть на проблему формирования здоровья не только «здесь и сейчас», но и увидеть ее в историко-культурное развитие, а также ответить на вопрос о том, как реальности внешнего мира становятся внутриспсихическими культурными реальностями, определяя поведение индивида.

Логично в таком случае обратиться к работам М. Коула, который использует понятие «артефакт» в значении «культурная ценность» [2]. Теория артефактов предполагает, что в процессе социализации ребенок

усваивает культурные сценарии, сталкиваясь как с отдельными артефактами, так и с целыми комплексами (культурными схемами). По мере вхождения в социальные отношения в процессе деятельности, опосредованной артефактами, интерпсихические акты становятся интрапсихическими [3].

Проблема состоит в том, что практически любой материальный объект (действие, явление, процесс) может быть определен как артефакт, т.е. данное понятие становится все более многозначным. В свое время М. Вартофский, предложил иерархию артефактов путем деления их на первичные (материальные и идеальные орудия), вторичные (представления о моделях и действиях с артефактами) и третичные (оперирование ими без привязки к внешнему миру, его закономерностям) [4].

Рассматривая механизм влияния артефактов на поведение индивида, мы поставили задачу создать более или менее контролируемые условия, в которых можно отследить влияние всех трех уровней на индивида и наблюдать, насколько это влияние реализуется в поведении. В первую очередь нас интересовало влияние артефактов на избирательность.

Для этих целей необходимо было учесть два обстоятельства. Во-первых, выбрать такую группу артефактов, которая содержала бы культурные схемы и в то же время поддавалась нашему контролю. И, во-вторых, проследить, как уже имеющиеся знания, схемы, сценарии о здоровье будут реализовываться, сталкиваясь с новыми.

Выбор артефактов обусловлен особенностями бурного развития ноосферы в последние десятилетия. С развитием информационных технологий, совершенствованием производства, распространения и использования средств связи и передачи информации практически во всех странах мира учреждены национальные службы телевидения, функционирует огромное количество радиостанций, печатных изданий, получил распространение Интернет, включающий вышеупомянутые СМИ (интернет-телевидение, журналы и радиостанции). До определенного времени существовавшие достаточно автономно группы (нации, народности) как территориально, так и благодаря политическим, языковым, культурным барьерам объединяются единым информационным пространством. В современном мире СМИ выступают как артефакт, т.е. некий материальный и идеальный продукт истории. Так, печатное издание, газета, журнал являют в себе как реальные особенности материала, так и идеальные аспекты, ввиду того что обладают словесным выражением и уже имеют символический характер [1].

Элементы масс-медиа могут выступать как первичные, вторичные и третичные одновременно, составляя как отдельные артефакты, так и целые их комплексы. Так, СМИ как артефакт первого порядка включает слова, конкретные материальные средства записи, трансля-

ции, как вторичный – уже способы действия с их использованием (предписания, нормы создания и просмотра, конституции и т.п.). И последний уровень представлен классом артефактов, которые являются автономными «мирами», не привязанными к внешнему миру [2. С. 131–133.]

Изучая воздействие СМИ на общество, мы обратились к трансляции идей здоровья в целом и здорового питания в частности. Ценность здоровья является инструментальной, т.е. служит определенным условием, без которого невозможна полноценная самореализация в различных сферах. Освещение данной ценности в СМИ как общественном институте транслирует схемы и сценарии, принятые в культурной и социальной среде, создавая общее представление у индивида о «контексте», в рамках которого будет опосредована деятельность, направленная на здоровье или нездоровье.

В попытках исследовать опосредование артефактами поведения в сфере здоровья мы ставили цель выяснить, насколько должна транслироваться идея здорового питания, освещаемая СМИ, и как полученная информация находит отражение в повседневной деятельности, в поведении испытуемых. Нами было предпринято экспериментальное исследование, в котором приняли участие 106 студентов Института социально-гуманитарных технологий и коммуникации, на кафедрах психологии и социальной работы, политики, социальных технологий и массовых коммуникаций в БФУ им. И. Канта (г. Калининград). Мы старались выявить, насколько транслируемые по телевидению культурные схемы, образцы быстро усваиваются и находят отражение в поведении, направленном на удовлетворение потребности в пище. Было выделено три группы (две экспериментальные и контрольная). На каждую из групп оказывалось различное воздействие. Первая экспериментальная группа ежедневно просматривала предложенные экспериментатором документальные (научно-популярные) фильмы, вторая – художественные фильмы. Контрольная группа не получала воздействия, а лишь соблюдала запрет на просмотр различного рода информации через средства массовых коммуникаций. Деление на три группы было обосновано тем, что художественные и документальные фильмы качественно различаются по способу представления информации о здоровом питании и могут оказывать различный эффект.

Мы предположили, что транслируемые художественными фильмами схемы поведения в отношении употребления пищи быстрее усваиваются, чем прямое «навязывание» через рекомендации и советы, как потреблять различные продукты; такая форма подачи материала преобладает в документальных фильмах.

Для проверки результатов были проведены два замера – в начале (для получения результатов, послуживших определенной точкой от-

счета) непосредственно самоотчет испытуемых, во время проведения эксперимента и через две недели после окончания эксперимента. Замеры проводили с целью выявить наличие изменений в поведении. Полученные результаты являлись качественной информацией и обрабатывались посредством контент-анализа.

Во-первых, мы получили информацию о содержании продуктовой корзины респондентов, что позволило составить определенное мнение об особенностях питания молодежи, проживающей в Калининградской области. Во-вторых, респондентам был предложен ряд ситуаций, для которых они описали набор предпочитаемых продуктов питания, способы их употребления, что позволило отследить роль именно средовых условий на предпочтения испытуемых. И, в-третьих, результаты воздействия подготовленным стимульным материалом позволили отследить динамику потребительского поведения респондентов в отношении различных категорий продуктов.

По итогам трансляции различного вида телепрограмм нам удалось зафиксировать некоторые закономерности влияния на поведение в сфере приобретения продуктов питания. Так, если основной рацион, количество, частота и места покупаемой и потребляемой продукции в контрольной группе остались без изменения, то в экспериментальных группах дело обстоит иначе.

Питание как базовая в поддержании жизнедеятельности потребность имеет исключительно биологические корни, поэтому логично предположить, что любое принятие пищи направлено на поддержание нормальной работы организма и самосохранение. Однако в современном мире индивид при этом руководствуется не столько биологической необходимостью, сколько рядом других факторов, имеющих социальное происхождение. Испытывая потребность в еде, человек идет в магазин, а следовательно, участвует в отношениях экономического обмена. Большое значение имеют те образцы, схемы и сценарии, которые средства масс-медиа распространяют, формируя поведение в сфере питания. Так произошло в экспериментальных группах испытуемых.

Установлено, что на выбор продуктов питания гипотетически способны оказывать влияние национальный, временной (сезонный), финансовый факторы, экстремальные условия. Однако стоит заметить, что во всех ситуациях присутствует привычный набор продуктов, приближенный к сформированной в процессе жизнедеятельности некой норме питания, вписывающейся в не столько в экономические возможности респондента, сколько в принятые данной культурой нормы. Так, 70% респондентов указывали, что во время путешествий в другую страну обязательно пробуют продукты местной кухни, узнают способы их приготовления, однако в постоянный их рацион, по возможности, входят знакомые, привычные продукты.

Кроме того, 64% подтвердили, что не экономический фактор является полностью определяющим выбор продуктов питания, а именно факт принадлежности к определенному «контексту», т.е. определенной культуре. «Культура в этом случае – целостная совокупность артефактов, накопленных социальной группой в ходе ее исторического развития» [2. С. 362].

В ситуации «неограниченное количество денег» респондентам предлагалось привести список продовольственных покупок и места их приобретения. Испытуемые чаще всего указывали, что будут покупать «лучшее», «дорогое», «редкое» (деликатесы, морепродукты, дорогое мясо и пр.) (69,4%). Однако детализировать, какие именно продукты будут входить в их рацион и где приобретаться, не могли (44%); 29% указали, что ассортимент закупок продуктов питания не изменится, разве только возрастет их количество («смогу чаще себе позволить покупать торты»).

Результаты, полученные по экспериментальным группам, позволяют сделать вывод, что под воздействием документальных фильмов, дающих прямую информацию о здоровом питании, снизилось потребление продуктов, которые презентовались как «вредные», и увеличилось потребление «здоровой пищи». Документальные фильмы передают зрителю положительный образ еды, поощряют именно правильное питание, используя большое количество примеров употребления пищи: красиво украшенные блюда, рестораны, сами участники, нередко используются мультипликационные примеры, контрасты, многократные повторы и обобщения («Все о еде. ВВС»; «Аюведа – искусство здоровой пищи»; «Еда как лекарство»). Это стимулировало частоту приобретения не импульсивного, но более рационального, планируемого, полезных продуктов. Рекламируемые продукты приобретались не только во время трансляции телевизионных передач, но и вошли в потребительскую корзину по прошествии времени после эксперимента, что подтвердил контрольный срез.

Вторая группа просматривала художественные фильмы, где превалируют сцены приготовления и употребления пищи как художественный прием, как фон, сопровождение для создания приятной атмосферы. Поскольку большая часть таких фильмов имеет любовную тематику, то в число основных приоритетов вошли создание красивой, «аппетитной» обстановки, которая будет вызывать у зрителя соответствующую жанру и идее фильма реакцию, передавать эмоциональные реакции героя в символическом виде – в виде еды. Как правило, в таких фильмах показывают разнообразные блюда, отличающиеся внешней привлекательностью, в то время как такие аспекты, как качество или польза для здоровья, остаются «за кадром». В меньшей степени в кинолентах представлены примеры, где приготовление пищи является средством для донесения определенной мысли героя, чаще всего это

символ счастья, красоты. Кулинария выступает как часть какой-либо философии.

Художественные фильмы, презентованные для просмотра, имели позитивный эмоциональный характер в презентации питания, манере употребления пищи; в сюжетной линии главной темой является именно питание. В данной группе отмечено увеличение числа случаев импульсивного приобретения продуктов, которые презентовались на экране, причем копировали и способы употребления. 62% респондентов в данной группе указывали, что за время трансляции телепередач (презентовались итальянская, азиатская кухни и кондитерские изделия) посещали заведения, где готовят итальянские, азиатские блюда, а также кофейни и кондитерские. Однако с прекращением воздействия частота посещения подобных мест значительно сократилась (только у 13,2% респондентов частота посещения подобных мест не изменилась). Стоит заметить, что при регулярном пассивном воздействии видеоинформации у респондентов возникало ощущение голода и желание «что-то пожевать» при просмотре (14%).

Таким образом, можно говорить о влиянии СМИ на поведение индивидов как транслятора определенных схем и сценариев, зафиксированных в определенной культурной среде. Увеличились показатели приобретения и потребления продуктов, которые демонстрировались в фильмах. Выявлены случаи копирования, подражания способам употребления этих продуктов. Так, респонденты указывали не только на желание что-то съесть, но и описывали условия, в которых это было бы приемлемо, копируя презентованные в кинолентах условия.

Однако стоит учитывать, что у респондентов, чье поведение соответствовало демонстрируемым схемам, и до проведения эксперимента уже были сформированы сценарии и модели поведения, которые были просто вновь задействованы, в то время как для иных воспроизводимая информация вступила в противоречие с уже имеющимися моделями поведения. Остаются неясными способы, которыми артефакты трех разных видов сплетаются в процессе человеческой деятельности, т.е. как согласуются культурные элементы с различными ситуациями.

Средства массовой информации как артефакты, безусловно, оказывают влияние на поведение, транслируя образцы и схемы культуры питания. Результаты нашего исследования позволяют не столько делать какие-то выводы, сколько открывают перспективу для дальнейшего исследования. Например, остается открытым вопрос, какие из артефактов (первичные, вторичные или третичные) играют решающую роль в этом процессе.

Литература

1. Ильин А.Н. Фиктивность и знаковость культуры потребления // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение» / Культурология. 2009. № 4. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Ilyin_Consumer_Culture/
2. Коул М. Культурно-историческая психология. М. : Когито-Центр, 1997. 432 с.
3. Лурье С.В. Обобщенный культурный сценарий и функционирование социокультурных систем // Социология и социальная антропология. 2010. Т. 13, № 2. С. 152–167.
4. Wartofsky M. Models. Dordrecht : D. Reidel, 1973.

THE MEDIA AS AN ARTIFACT THAT MEDIATES BEHAVIOR IN HEALTH AREA Kolbasina K. (Kaliningrad)

Summary. The article is dedicated to the problem of mass media's influence on the process of health behavior forming, in particular, in the nutrition field taking into account the impact of culture in shaping human behavior, that is, within the framework of anthropological psychology. It discusses capacities and features of mass media's acting as a factor of health protection. The article presents the results of the experiment about the media presented as artifacts broadcasting samples, diagrams food culture that evaluate dynamic behavior of students in the field of healthy nutrition under the influence of watching TV programs of different types.

Key words: anthropological psychology; cultural-historical psychology; artifact; mass media; health; self-preservation; consumption.

DAS PSYCHIATRIE-KONZEPT IN DEUTSCHLAND

H. Kunze (Kassel, Germany)

Аннотация. Дается анализ эволюционных процессов в психиатрии в Германии, которые происходили за последние 50 лет. Показаны изменения в понимании психической болезни, отмечены тенденции к интеграции психиатрии, психотерапии и социотерапии, движения от стигматизации к оценочному отношению и правам человека (больного), раскрывается суть биопсихосоциальной модели болезни, отношений между реформой психиатрии и политики.

Ключевые слова: психиатрия; эволюционные процессы; психическая болезнь; интеграция; психотерапия; социотерапия; права человека; стигматизация; биопсихосоциальная модель.

Einleitung: Das heutige Konzept will ich aus einem Vergleich mit der Situation vor einem halben Jahrhundert herleiten. Im Laufe der Jahrzehnte fand ein evolutionärer Prozess statt. Mit Blick auf die Unterschiede im Querschnitt nach Jahrzehnten kann man von einem revolutionären Ergebnis sprechen. Auf 6 Ebenen will ich eingehen, die in Wechselwirkung miteinander stehen:

1. Verständnis von Krankheit und Behandlung.
2. System der Versorgung in der Gesellschaft.
3. Stigma, Wertschätzung, Integration. Menschenrechte.
4. WHO-Konzept: Bio-Psycho-Soziales Modell.
5. Positive Bedeutung für Patienten und Angehörige.
6. Psychiatrie-Reform als gesellschaftlicher und politischer Prozess.

1. Verständnis von psychischer Krankheit.

A. Früher:

– Die psychisch erkrankte Person wurde isoliert von äußeren Einflüssen wie Familie, Lebensgeschichte, sozialem Kontext gesehen («Monade»).

– Die Krankheit wurde als nur durch Naturgesetze bestimmter Prozess aufgefasst, das subjektive Erleben der Krankheit durch die betroffene Person und die Angehörigen war für die Psychiatrie außer für diagnostische Zwecke unwichtig.

– Therapeutische Hoffnungslosigkeit und Nihilismus waren vorherrschend. Patienten und Angehörige waren Objekte paternalistisch-autoritärer Versorgung.

B. Sackgassen – 3 Versuche, diese Situation zu überwinden. Monokausale/ein-dimensionale Ansätze, aber je mit Anspruch auf allgemeine Gültigkeit, für Krankheit, Diagnostik und Therapie:

- Biologischer Ansatz – nur körperlicher Prozess.
- Psychotherapeutischer Ansatz – nur psychischer Prozess.

Soziologischer Ansatz – nur sozialer Prozess (z. B. abweichendes Verhalten wird von der Psychiatrie durch Etikettierung/Labeling als Krankheit definiert, psychische Erkrankung also eine Erfindung der Psychiater).

Definitions-Macht wurde beansprucht: *allein* von Ärzten *oder* von Psychotherapeuten *oder* von Sozialwissenschaftlern.

C. Konstruktiver Weg – heute international anerkannt (siehe World Health OrganisationAVHO):

- Integration von Psychiatrie – Psychotherapie – Sozialtherapie.
- Multi-professionelle Behandlung.
- Bessere Behandlung durch Integration von medikamentösen, psychotherapeutischen und sozialtherapeutischen Ansätzen (in unterschiedlicher Gewichtung je nach Krankheitsverlauf), wissenschaftlicher Fortschritt.

Grundprinzipien: *Personenzentrierter Ansatz* – es geht darum, was den Patienten und den Angehörigen nützt, und nicht welche Lehrmeinung recht hat.

Die Diagnostik und Therapie sowie die Organisation der Behandlungsprozesse haben sich nach dem Bedarf der Patienten zu richten und nicht der Bedarf der Patienten nach den Therapieschulen und den Behandlungsangeboten.

Der wissenschaftliche Fortschritt ist *Evidenz*-basiert und nicht mehr *Eminenz*-basiert!

2. System der Versorgung.

A. Früher. Eine Psychiatrische Anstalt war zuständig für ein riesiges Gebiet (±eine Million Einwohner) – Teil der Armenfürsorge.

Als «Heil- und Pflegeanstalt» mußte sie all die Problempersonen aufnehmen, für die andere Fachgebiete, Dienste und Einrichtungen sich selber nicht (mehr) für zuständig erklärten. Und die Anstalt wurde von der Gesellschaft in Bezug auf die Ausstattung (Gebäude, Personal) entsprechend dem vorherrschenden Stigma vernachlässigt.

Folgen:

- Wer nicht gesund wurde, blieb «lebenslanglich» in der Anstalt, weil außerhalb (fast) keine professionellen Dienste verfügbar waren.

- Gesellschaft *ohne* Erfahrung und Kompetenz im Umgang mit psychisch kranken Menschen (Behörden, Polizei, niedergelassene (somatische) Ärzte und Krankenhäuser, Nachbarn, Angehörige).

- «Hospitalismus», damit ist hier bezeichnet: Schädigung der Patienten durch das lange Anstaltsleben: Zum Teil waren als Symptome definierte Verhaltensauffälligkeiten und Beeinträchtigungen der Alltagskompetenz (Behinderungen) der Patienten die Folge des Anstaltslebens und nicht der Krankheit.

B. System der Versorgung – heute: Prinzip Gleichstellung von psychisch mit somatisch kranken und behinderten Menschen:

- Wohnortnahe Behandlung, Rehabilitation und Eingliederung – Ausgliederung von Anfang an verhindern.

– Frühe Behandlung zu Beginn der Erkrankung, statt Verleugnung so lange wie möglich und bis die eingetretenen Folgeschäden unerträglich geworden sind.

– Familie, Nachbarschaft, Vermieter zum Umgang mit psychisch kranken Mitmenschen befähigen, ebenso somatische Ärzte. Krankenhäuser, Beratungsstellen, Betriebe, Behörden und andere.

Psychiatrische Klinik – andere Funktion:

– Zuständig für *Behandlung*, so kurz wie möglich stationär, auch Tagesbehandlung, auch ambulant, siehe Funktion der «Heilanstalt».

– Personelle und räumliche Ausstattung entsprechend der Aufgabe und allgemeinem gesellschaftlichen Standard. Eine Klinik ist kein Ort zum Leben auf Dauer!

Funktion der «Pflegeanstalt» geht über an professionelle Dienste und Einrichtungen zur *Unterstützung im Alltag da wo die Menschen leben wollen*: Wohnen. Arbeit und Beschäftigung, Freizeit

Voraussetzungen:

– Zugang zur allgemeinen Sozialversicherung für Krankheit, Rente und Rehabilitation, Arbeitslosigkeit; Wohnrecht in der Heimatgemeinde; Sozialhilfe (staatlich finanziert aus Steuern).

– Psychiatrische Klinik: Teil des Medizinsystems und damit auch des Krankenhaussystems professionelle Dienste zur Unterstützung im Alltag: integriert in Städten und Kreisen, Teil der Behindertenhilfe.

Menschenrechte gelten auch für psychisch Kranke z. B. UN-Konvention für Menschen mit Behinderung. Grundgesetz der Bundesrepublik Deutschland usw. z. B. Wahlrecht. Personen mit psychischen Erkrankungen werden als Nachbarn, Gäste in Urlaubsorten, Teilnehmer im öffentlichen Nahverkehr ... als Mitbürgerinnen und Mitbürger in der Nachbarschaft akzeptiert.

3. Von Stigma zu Wertschätzung, Integration, Menschenrechten.

Stigma: Extremfälle («unverständlich, hoffnungslos, gefährlich...»), in den Medien oft als allgemein gültig dargestellt) bestätigen alte Ängste, denen keine konkreten und konstruktiven Erfahrungen gegenüber stehen. Dies führt zum Ausschluss von Menschen mit psychischen Erkrankungen aus der Gesellschaft: ohne Recht auf wirksame Behandlung, Rehabilitation und Eingliederung, ohne Wohn-/Wahlrecht usw., ohne Bürgerrechte. Eine Gesellschaft ohne Erfahrung mit konstruktivem Umgang mit psychischen Kranken bleibt den Vorurteilen (die zum Teil von früher verbreiteten Experten-Urteilen auch der Psychiatrie gestützt wurden) ausgeliefert (= Teufelskreis abwärts).

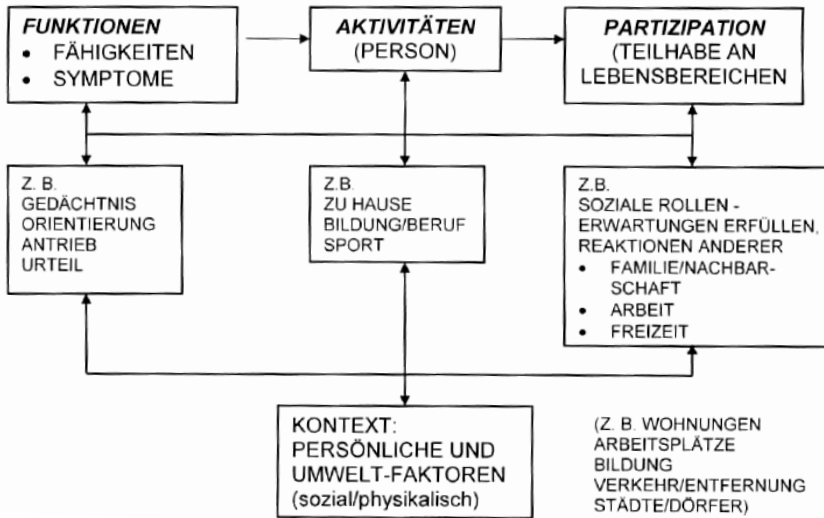
Die besten Antistigma-Kampagnen: «Tue Gutes (gute psychiatrische Versorgung) und rede darüber» (in den Medien, erfolgreich behandelte Patienten und ihre Angehörigen sprechen über ihre Erfahrungen, organisiert in Verbänden, Erfolge (gesellschaftliche Anerkennung in den Medien, auch für Politik und Verwaltungen) schaffen).

4. WHO-KONZEPT: Das Bio-Psycho-Soziales Modell.

1975: KONZEPT DER KRANKHEITS-FOLGEN

HEUTE: INTERNATIONAL CONCEPT OF FUNKTIONEN AND HEALTH PROBLEMS – GILT FÜR ALLE KRANKHEITEN! (ICF)

Diese Abbildung veranschaulicht unter Bezugnahme auf die Internationale Klassifikation der Funktionsfähigkeit, Behinderung und Gesundheit (ICF) beispielhaft die unterschiedlichen möglichen Auswirkungen und Folgen einer psychischen Erkrankung und lässt die Wechselwirkungen zwischen den Ebenen der Funktionen, der Aktivitäten und der Partizipation/Teilhabe an Lebensbereichen erkennen.

Sie verdeutlicht damit, dass es sich bei psychischen Erkrankungen, insbesondere bei einem chronischen Verlauf, um ein komplexes Geschehen handelt, bei dem stabilisierende oder belastende Einflüsse in den verschiedenen Lebensbereichen durch Rückkopplungseffekte miteinander verbunden sind.

Die Ermittlung des Hilfebedarfs erfordert daher eine genaue Kenntnis der Person des erkrankten Menschen, der vorhandenen und beeinträchtigten Fähigkeiten und Fertigkeiten sowie des sozialen Umfeldes mit den vielfältigen Wechselwirkungen.

«Psychische Behinderung» ist ein dynamischer Prozess und nicht eine statische Eigenschaft einer Person.

Hinweis: Hier geht es um die wegweisende Darstellung der Wechselwirkungen zwischen «Funktionen, Aktivitäten und Partizipation». Die Anwendung des dazu gehörigen WHO-Konzeptes zur Kodifizierung von entsprechenden konkreten Befunden ist nicht ohne differenzierte Berücksichtigung von Zweck und Aufwand zu empfehlen.

5. Positive Bedeutung für Patienten und Angehörige. Patienten und Angehörige: sie werden von Objekten zu Subjekten, deren subjektive Sorgen in Bezug auf ihre Krankheit und Biographie ihre Vorstellungen dazu, ihre Fähigkeiten und Ziele in der Behandlung ernst genommen werden: «Behandlung wird verhandelt», Patienten und Angehörige übernehmen Mitverantwortung im Diagnostik – und Behandlungsprozess, sie werden Experten für die Krankheit und Behandlung.

Das wird gefordert nicht nur in den therapeutischen Gesprächen sondern auch durch Kurse, Dialog-Seminare, Informationen im Internet und Sachbücher in großen Verlagen, die sich an das nicht-fachliche aber interessierte Publikum wenden, z. B. Bucher von dem Schweizer Psychiatrie-Professor Daniel Hell: Schizophrenien – Verständnisgrundlagen und Orientierungshilfen (in russischer Übersetzung erschienen im Verlag Aleteia (*?? Richtis??*), Moskau 1998: ISBN 5-89321-011-5, sowie weitere Literatur).

Das mehrdimensionale Konzept von Krankheit und Behinderung unterstützt kreativen Optimismus («Recovery»), sodass viel mehr Menschen als früher ein möglichst selbst bestimmtes und zufriedenes Leben auch mit einer chronischen psychischen Erkrankung erreichen können.

6. Psychiatric-Reform und Politik. Etwa um 1970 wurden, unterstützt vom Zeitgeist der auch die «Studentenrevolte» gefordert hat, die «elenden, zum Teil als menschenunwürdig zu bezeichnenden Umstände in den psychiatrischen Anstalten und der Mangel an wohnortnahen psychiatrischen Behandlungsmöglichkeiten ein Skandal-Thema, das die Medien der Bundesrepublik und den Deutschen Bundestag erreichte. Der Deutsche Bundestag beauftragte eine Expertenkommission, eine Analyse der psychiatrischen Versorgung und Empfehlungen zu ihrer umfassenden Reform zu erarbeiten. Das Ergebnis war die «Psychiatrie-Enquete» (1975), die seitdem als Richtschnur eine breite Wirkung auf allen Ebenen der Politik, Verwaltung und in der Gesellschaft entfaltete und deren Prinzipien noch heute gelten.

Als wichtige Grundlage entstand damals ein Bündnis zwischen der psychiatrischen Fachwelt und der Politik, das in der Gründung der AKTION PSYCHISCH KRANKE E.V. konkretisiert wurde: ein vom Bundesgesundheitsministerium geforderter Verein, in dessen Vorstand von jeder Fraktion des Bundestages ein(e) Abgeordnete(r) Vertreter mitarbeitet. Den Posten des 1. Vorsitzenden übernimmt ein Abgeordneter der Fraktionen, die die Regierung bilden. Die erste große Aufgabe war die Enquete von 1975, aber diese – Parteien, Fachgesellschaften, und Interessenverbände übergreifende – Zusammenarbeit, die den Bedarf und die Bedürfnisse der Betroffenen, der Patienten und Angehörigen, in den Mittelpunkt rückt, wirkt bis heute fort. (Sie unterscheidet sich von den politischen Lobby-Gruppen, die die Interessen von z. B. Krankenhäusern, Berufsgruppen, Kostenträgern, kurz Eigeninteressen vertreten.) – Diese Psychiatrie-Politik lebt davon, dass die Probleme der psychiatrischen Versorgung nicht mehr eine Angelegenheit von wenig

beachteten Fachleuten sind, sondern ein gesellschaftliches Thema. Mehr dazu unter www.apk-ev.de.

Literatur

1. *25 Jahre Psychiatrie-Enquete* / hrsg. Aktion Psychisch Kranke. Bonn : Psychiatrie-Verlag, 2001. Bd 1 & 2.
2. *Psychiatric reform in Europe* / eds. by T. Becker, M. Bauer, W. Rutz, Aktion Psychisch Kranke // *Acta Psychiatrica Scandinavica Supplementum*. 2001. Vol. 104, № 410. P. 27–34.
3. Kunze H. Luithlen E: Reform of Psychiatric Services in Germany: The Impact of the Federal Directive on Staffing for Psychiatric Hospitals and the Guidelines for Services for the Chronic Mentally Ill / eds. by E. Wopert, K. Maurer, A.H. Rifai, E.U. Vorbach, M. Hambrecht ; World Psychiatric Association. Heidelberg : Universitätsverlag Winter, 2006. URL: <http://dnb.ddb.de>
4. Kunze H., Becker T., Priebe S. Reform of psychiatric services in Germany: hospital staffing directive and commissioning of community care // *Psychiatric Bulletin*. 2004. № 28. P. 218–221.
5. *Bundesarbeitsgemeinschaft für Rehabilitation (BAR): Arbeitshilfe für die Rehabilitation und Teilhabe psychisch kranker Menschen*. Frankfurt-Main : Arbeitshilfe, 2003. URL: www.bar-frankfurt.de/Arbeitslilfen.bar
6. *World Health Organisation: International Classification of Functioning, Disability, and Health Problems*, 2001.

THE CONCEPT OF PSYCHIATRY IN GERMANY

Kunze G. (Kassel, Germany)

Summary. The article presents an analysis of the evolutionary processes in psychiatry in Germany, which took place over the past 50 years. The changes in the understanding of mental illness, marked trend towards the integration of psychiatry, psychotherapy, and sociotherapy, movements from stigma to the estimated relative and Human Rights (the patient), reveals the essence of the bio-psycho-social model of the disease, the relationship between psychiatry and reform policy .Keywords: psychiatry, evolutionary processes, mental illness, integration, psychotherapy, sociotherapy, human rights, stigmatization, bio-psycho-socio model, relationships between the psychiatry reform and politic.

Kew words: psychiatry; evolutionary processes; mental illness; integration; psychotherapy; sociotherapy; human rights; stigmatization; bio-psycho-socio model.

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 159

РАЗВИТИЕ ОДАРЕННОСТИ В РАЗНЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕДАХ: ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В.Е. Клочко (Томск)

Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (Соглашение 14.В37.21.0277 от 26.07.2012).

Аннотация. Рассматриваются требования, предъявляемые к организации кросс-культурного исследования, направленного на изучение развития одаренности в разных социокультурных и образовательных средах. Утверждается, что полнота кросс-культурного исследования определяется включением в него процессов транскоммуникации, учитывающих опыт взаимодействия ребенка с культурой, опосредованный взрослыми, а также результатов межкультурного и транскультурного анализа.

Ключевые слова: одаренность; развитие одаренности; транскоммуникация, кросс-культурное исследование; межкультурное исследование; транскультурное исследование.

Проблема развития одаренности в настоящее время обрела такую значимость, что стала одним из приоритетов, определяющих государственную политику в области образования, стимулируя разработку комплекса мер, «направленных на выявление и поддержку одарённых детей и молодёжи» [17]. Формирование государственного заказа, имеющего столь явно выраженную социально-экономическую и гуманитарную актуальность, оборачивается своеобразным требованием к психологии, педагогике и теории образования. Именно этот полидисциплинарный научный комплекс должен предоставить научное обеспечение как для диагностики одаренности и психолого-образовательного сопровождения детей и молодежи в процессе их общей и профессиональной подготовки, так и для проектирования и реализации образовательных сред, отвечающих задаче развития одаренности. Научная фундированность необходима в данном случае потому, что речь идет о психолого-педагогической культуре людей, которые организуют диагностику, формируют образовательные программы, отслеживают развитие одаренности и т.д. Эта культура не может возникнуть сама по себе – она нуждается в выверенных научных опорах, наличие

которых указывает на профессионализм тех, кто разрабатывает и реализует развивающие программы.

Один из самых сложных вопросов заключается в разработке стратегий стандартизованного кросс-культурного исследования, без которых становятся весьма затрудненными проблемы интерпретации результатов исследования и оценок достигнутого. М. Коул полагает, что попытки улучшить стандартные методики выводят к проведению полидисциплинарных исследований когнитивного развития, отправной точкой для которых является жизненный опыт людей. Это настолько меняет привычные представления об экспериментальном методе, считает М. Коул, что такой подход приходится рассматривать либо как «реформу» стандартного экспериментального метода, либо как альтернативную методологию [13]. Он направляет психологов к коалиции с антропологами, социологами и лингвистами, ведущими полевые исследования.

Сам термин «культура» является достаточно сложным понятием. Однако, по мнению Я. Вальсинера, в последние двадцать лет психологи все чаще прибегают к употреблению данного термина, мотивируя это тем, что «культура» позволяет освоить новые направления в науке [2]. Это подтверждается и ростом популярности таких разделов, как кросс-культурная и культурная психология. Однако в социальных науках феномены становления зачастую превращаются в феномены существования, рассматривая то, что возникает как уже существующее, а не становящееся. Этим объясняется разница между негенетической и генетической точками зрения. Генетическая точка зрения объясняет возникновение новообразований, а негенетическая постулирует существование статической внутренней «сущности», соответствующей определенному названию [Там же].

Для нас более значимой является генетическая точка зрения, поскольку в этом контексте предметом рассмотрения выступает процесс влияния культуры на становление таких феноменов, как одаренность человека, его креативность, интеллектуальная инициатива и инновативность. При этом в первую очередь важна не культура сама по себе, а хранящиеся в ней традиции передачи общечеловеческого опыта, позволяющие человеку осуществлять себя более или менее творческим способом и реализовывать свой потенциал – жизненный и интеллектуальный, по возможности наиболее полно переводя возможности в действительность.

Объективные тенденции развития науки чаще всего остаются за пределами сознания ученых, решающих свои проблемы. Они, как писал Л.С. Выготский, действуют «за спиной отдельных исследователей и теоретиков с силой стальной пружины [3. Т. 1. С. 324]. Разработанный нами *транссективный анализ*, направленный на выявление тенденций развития, показал, что выявление транспективы движения возможно только там, где имеются закономерности, иницирующие и обуславливающие процесс перехода возможности в действительность. Системные новообразования, которые порождаются в акте взаимодей-

ствия, обеспечивают усложнение системной организации искомой целостности [8]. Чтобы использовать транспективный анализ как средство познания тенденций развития, необходимо научиться смотреть на науку как открытую саморазвивающуюся (и самоорганизирующуюся) систему. Точно так же необходимо научиться смотреть на человека как на сложнейшую пространственно-временную организацию, основанием устойчивости которой является ее самодвижение (становление), проявляющееся (в онтогенезе и филогенезе) в виде закономерного усложнения человека, его системной организации [7]. Именно при таком ракурсе потенциал одаренности может быть рассмотрен в качестве ресурса саморазвития человека, обнаружен в его переходе из потенциала (как предзаданной возможности) в потенцию как возможность, обладающую силой на свое осуществление.

Одаренность тогда открывается как общесистемное свойство, релевантное целостному человеку, а не как парциальное свойство мозга, личности, субъекта или индивида. Она открывается как эмерджентное явление, как особое качество, которым не обладают его «части», даже такие «крупные части», как мозг, личность, субъект и т.д. Стратегия меняется: сегодня приходится воссоздавать целое, чтобы понять части, не забывая о том, что целое не сводится к сумме частей, но понимая при этом, что ни отдельная часть, ни простая их совокупность не обладают тем качеством, которое есть у целого. Здесь нам придется согласиться с теоретиком сложности Эдгаром Мореном: «От атома до звезды, от бактерии до человека и общества организация целого приводит к возникновению у него новых качеств или свойств по отношению к частям, рассмотренным в их обособленности. Новые качества – это эмерджентности» [16. С. 18].

Легко представить, что в разных культурах возникают различающиеся образовательные проекты, обретающие статус государственных, национальных, региональных и т.д. Как указывает Э. Морен, «человеческие существа строят свою автономию в зависимости от их культуры, определяемой социальной средой» [Там же]. С признанием этого факта возникает потребность сопоставить, каким образом и в чем именно проявляет себя социокультурная обусловленность процесса развития одаренности, т.е. потребность в кросс-культурном исследовании.

Однако если учесть, что и научная культура (в геополитическом измерении) не является однородной, т.е. имеет свои особенности, то возникает вопрос о том научном базисе, на котором выстраиваются проекты развития одаренности. Различия в научном базисе чаще всего остаются скрытыми в кросс-культурном исследовании, претендующем на исследование социокультурной обусловленности процесса развития одаренности. Эти различия в особенностях научного мышления представителей различных стран и континентов требуют особого изучения, поэтому исследование этих особенностей назовем *межкультурным исследованием*. Различать понятия «межкультурное исследование» и «кросс-культурное ис-

следование» имеет смысл, потому что создатели проектов развития одаренности опираются на разные представления о культуре, одаренности, пользуются разными представлениями о процессе развития одаренности, не говоря уже о том, что при операционализации понятия используются разные показатели одаренности.

Кросс-культурное исследование. Задача кросс-культурного исследования – «получение сведений о культурных различиях и влиянии их на поведение людей. Исследование – основной способ получения достоверных сведений о мире» [15]. Соглашаясь с этим положением Д. Мацумото, заметим, что если целью кросс-культурного исследования является выявление социокультурной обусловленности процесса развития одаренности, то одной фиксации различий в поведенческих актах, обусловленных культурными различиями, будет явно недостаточно. Слишком сложным является сам феномен одаренности, хотя не менее сложным представляется и сам процесс ее развития. Не случайно ведь в неклассической психологии пришлось ввести мотивационный фактор в структуру одаренности.

Реализация способностей человека не автономна по отношению к личностному развитию, а непосредственно связана с мотивационными, эмоциональными, волевыми качествами. Кроме того, развитие одаренности вплетено в процесс саморазвития человека, идущий на двух уровнях. С одной стороны, это природный процесс, обусловленный взаимодействием человека как открытой системы со средой. С другой стороны, по мере развития человека подключается самодетерминация, т.е. важным становится уже не столько качество природных задатков, сколько растущая способность к осуществлению актов свободного выбора. Одаренность начинает проявляться в процессах самоосуществления, включающих в себя самоопределение, самореализацию.

Таким образом, прав Л.С. Выготский, утверждая, что «без человека как целого нельзя объяснить деятельность его аппарата (мозга), что человек управляет мозгом, а не мозг человеком (социо!), что без человека нельзя понять его поведение, что психологию нельзя излагать в понятиях процесса, но драмы» [4. С. 62]. В кросс-культурном исследовании можно зафиксировать особенности поведения, обусловленные различием культур, в которых живет человек, но для объяснения самого поведения необходимо выйти к целостному человеку. Можно полагать, что «целостный человек» сегодня нужен психологии, потому что наука пытается ассимилировать новую парадигму, новый способ мышления, утверждающий непродуктивность дальнейших попыток постижения роли, миссии, функций психического в процессе изучения ее самой.

Одним из показателей достоверного кросс-культурного исследования Д. Мацумото считает робастность (силу и устойчивость) данных, несмотря на различие методов, используемых для их получения. Чтобы результаты исследования поведения человека были признаны истин-

ными, фактически одно и то же исследование требуется провести неоднократно, с различными участниками, в различных условиях, с использованием различных параметров. Все это так, и фактор робастности нельзя игнорировать, но следует отметить и другое: нельзя игнорировать способ мышления, с помощью которого исследователь выделяет параметры и показатели исследуемого феномена.

Межкультурное исследование особенностей научного мышления. Его примером может служить исследование, проведенное Д.В. Ушаковым, которое привело к выводу, что особенностью современной психологической науки является существование «двух пунктов притяжения, двух системообразующих центров научных понятий» [18]. Вокруг одного центра происходит образование операционализируемых понятий, позволяющих создавать *модели среднего уровня*, проверяемые в эксперименте, вокруг другого строятся понятия, рисующие *целостный образ человека*. Заметим в связи с этим, что есть проблемы, которые ставит перед научной психологией наше очень непростое время, причем такие проблемы, решить которые с помощью моделей среднего уровня и ниже не представляется возможным. К их числу относится весь проблемный комплекс, ограниченный понятиями «одаренность», «креативность», «инновационный потенциал человека».

Д.В. Ушаков утверждает, что западная психологическая мысль предпочитает работать с хорошо операционализированным аппаратом и моделями среднего уровня, отечественная психологическая мысль всегда тяготела к целостному человеку, предпочитая холистические построения. Основная проблема заключается в том, что полной стыковки двух полюсов у психологов до последнего времени не получается [18]. Однако, по мнению Д.В. Ушакова, у российских исследователей есть свои козыри – в сфере движения от целостного образа человека вниз к эмпирии. Реализация *целостного (холистического) подхода* к проблеме одаренности (и креативности) и опыт исследования креативности, полученный при реализации целостной модели человека как самоорганизующейся (и саморазвивающейся) системы, существенно перестраивает сложившиеся представления о миссии (призвании и назначении) кросс-культурного исследования [10]. Сближение двух моделей, их взаимодополнение должны способствовать повышению объяснительного потенциала при изучении одаренности как *транскультурного феномена*, что поднимает вопрос о транскультурном исследовании как особом феномене.

Транскультурное исследование. С нашей точки зрения, это такое исследование, которое позволяет выйти к самым общим проблемам, решение которых должно определить механизмы взаимодействия человека с культурой в контексте мировых универсалий. В разрабатываемой нами системной антропологической психологии транскультурное исследование рассматривается как способ постижения того, каким об-

разом культура оказывается не тем, что «усваивается» человеком в процессах социализации, но тем, что порождает его многомерное пространство жизни, подвижное, динамическое предметно-смысловое поле его бытия. Психика и сознание рассматриваются теперь не в парадигме отражения реальности, а в парадигме порождения реальности как фактора, обуславливающего гармонию между тем, как человек видит этот мир (образ мира), и тем, что он делает в этом мире (образ жизни). Мы убеждены в том, что, не решив (хотя бы в первом приближении) проблему сознания, невозможно правильно поставить и решить проблему одаренности (и ее развития).

На базе используемой нами методологии дается объяснение природы и этапов становления многомерного жизненного пространства человека, каковое и выступает в качестве базального основания для возникновения таких свойств сознания, как его системность и осмысленность. Проблема одаренности начинает рассматриваться как проблема качества избирательного взаимодействия человека с миром, в котором психике отводится особая роль. Предполагается, что принцип избирательного взаимодействия открытой системы со средой, с его порождающим эффектом, является релевантным для всего Универсума, вбирающего в себя все виды систем, в том числе и живых [9]. Чем сложнее система, тем сложнее устроены присущие ей механизмы (само) отбора. Для целостного человека таким органом отбора выступает психика – «решето, процеживающее мир», по Л.С. Выготскому [3. С. 347]. С нашей точки зрения, значения, смыслы и ценности являются «ячейками» этого «решета». Поэтому вся проблема одаренности заключается в том, насколько качественно работают эти «ячейки», характеризую меру открытости человека в природный и социальный миры, в мир культуры и к самому себе [8].

Можно полагать, что *общий интеллект человека проявляется в том, насколько надежно работают его ценностно-смысловые «фильтры»*. Используя понятия гештальтпсихологии, можно сказать, что *интеллект есть присущая человеку способность выделять «фигуру» из «фона», выделять значимое, имеющее смысл и ценность для человека «здесь и теперь»*. По мнению В.С. Бойко, живая система вырабатывает «специфические “экраны”, нивелирующие несущественные внешние воздействия на нее, устраняет отклонения посредством обратных связей, вырабатывает способы замены одних связей другими и т.д.» [1. С. 7]. Однако открытым при таком подходе остается вопрос о том, почему одни влияния воспринимаются системой как существенные и она их принимает и реагирует в соответствии с оказанным на нее воздействием, а для других она вырабатывает «специфические экраны». Очень важно учесть мнение М.К. Мамардашвили: «Сознание наше живет в напряженном поле, очерченном предельными границами смыслов, и ясность в нем возможна только тогда, когда мы владеем языком этих смыслов, т.е. понимаем их отвлеченность, их граничную природу, умеем читать то,

что они нам говорят *о наших возможностях* и природе, и когда сами достаточно развиты для этого» [14. С. 63].

Можно выделить два понятия кросс-культурной психологии, задающие общекультурную и культуроспецифичную системы координат. Эмика (*emics*) и этика (*etics*) определяют две разных цели или задачи кросс-культурных исследований, которые, тем не менее, приходится совмещать, что определяет одну из трудностей кросс-культурного исследования [12]. Этика предполагает установление законов, достоверных для всех культур, и создание теоретических рамок, полезных для сравнения человеческого поведения в условиях различных культур. *Транскультурное исследование направлено прежде всего на выявление общих законов трансформации культуры в образ мира и образ жизни человека.*

Эмика решает другую задачу кросс-культурного исследования – формулировку принципов, справедливых для любой отдельной культуры, при этом уделяется внимание тому, что сами люди считают важным для себя и с чем они знакомы. Подобный анализ должен исключить заимствованные извне культурные схемы, поскольку, по определению, исследователь не в состоянии проникнуть в суть эмики, используя чужеродные средства; средства должны быть «местными». Ученые, занимающиеся кросс-культурными исследованиями, пытаются в своей работе одновременно быть и этичными, и эмичными: исследователь приступает к проверке концепции, которая может обладать кросс-культурной валидностью, пытаясь удержать во внимании тот факт, что не все стороны этой концепции в разных культурах должны быть одинаковыми. Эти аспекты могут различаться как для культур разных народов, так и для различных культур и даже субкультур в пределах одной страны. Стоит отметить, что появление кросс-культурной психологии явилось результатом осознания мировым психологическим сообществом относительности тех представлений о личности, которые сложились в традиционных теориях, описывающих людей западного мира. Оказалось, что многие закономерности, считавшиеся общечеловеческими, не характерны для людей восточной культуры [21].

Р. Линн в исследованиях национальных различий личностной черты «открытость опыту» определяет ее как относящуюся к научной и художественной креативности, дивергентному мышлению и политическому либерализму [20]. Сущность этого измерения – открытость чувствам и новым идеям, гибкость мышления. Было показано, что открытость опыту коррелирует на уровне около 0,40 с различными показателями креативности, включая дивергентное мышление. Отсюда берет начало гипотеза о том, что европейцы более креативны, чем восточные азиаты, и что это является причиной превосходства первых в творческих достижениях. Р. Линн приводит данные по открытости опыту для 64 стран [Там же]. За среднее в 50 (и стандартное отклонение = 10), по отноше-

нию к которому вычислялись показатели каждой страны, взято среднее значение для Соединенных Штатов. Среднее значение для 35 стран, преимущественно населенных европейцами, составило 50,10. Среднее по 6 странам Восточной Азии оказалось равным 44,15 (значения для каждой из стран существенно ниже европейского среднего). Среднее для 11 стран Южной Азии и Северной Африки составило 49,20. Среднее для 6 стран Тропической Африки равно 47,40. Имеются также результаты для 4 стран Латинской Америки со средним 51,00.

Таким образом, все 6 стран Восточной Азии имеют низкие показатели по открытости опыту. Их среднее значение 44,15 ниже европейского среднего 50,10 чуть больше, чем на половину стандартного отклонения. В единицах стандартного отклонения (d) среднее для Восточной Азии на $0,6d$ ниже среднего по Европе. Это можно сравнить с преимуществом северо-восточных азиатов в интеллекте в 6 баллов, что составляет $0,4d$. Следовательно, преимущество Восточной Азии в $0,4d$ в IQ в сфере инновационности компенсируется преимуществом европейцев в $0,6d$ в креативности.

Многие исследователи из Соединенных Штатов в прошлом считали интеллект состоящим в основном из вербальных и аналитических способностей критического мышления. Тесты, оценивающие эти способности, были широко распространены в подобных исследованиях. Выяснилось, что казавшееся вполне подходящим для США в других культурах имеет совершенно другое понимание. Д. Мацумото показывает, что в одной культуре признаками интеллекта считаются великодушные и искренность. Другая культура может считать признаком интеллекта умение придерживаться мягких, бесконфликтных взаимоотношений. Третья культура показателем интеллекта признает креативность и артистические способности [15].

Для *сложных саморегулирующихся систем* характерен (как известно еще от У. Кэннона) гомеостаз, сущность которого заключается в поддержании важных для сохранения системы параметров в допустимых пределах. Можно сказать, что адаптационное поведение еще можно описать в терминах стремления системы к восстановлению *состояния равновесия* со средой с помощью саморегуляции. То, с чем реально сталкиваются психологи в своих лабораториях, не описывается понятиями состояния («стабилизированное состояние»), но требует выхода к параметрам, обеспечивающим устойчивость протяженного во времени процесса изменений («стабилизированный поток»). Здесь другая логика – логика «психологического гомеореза», т.е. гомеореза, адекватного для психологических саморазвивающихся (самоорганизующихся) систем. Термин «гомеорез» впервые (1957 г.) предложил английский биолог К.Х. Уоддингтон (Waddington Conrad Hel), чтобы выделить и обозначить особые процессы поддержания постоянства в развивающихся системах. В своей книге «Теории личности» Л. Хьелл и

Д. Зиглер (L. Hjelle, D. Ziegler) нашли способ показать, насколько каждая из анализируемых ими теорий ориентирована на гомеостатическое или гетеростатическое понимание личности [19]. Однако без гомеореza нельзя в полной мере понять природу как гомеостатических, так и гетеростатических проявлений в поведении человека.

Тем не менее проблема «психологического гомеореza» в нашей науке практически не обсуждается. В целом это понятно: представление о развитии как переходе возможности в действительность еще не обрело в психологии парадигмальный статус, но все-таки опыт становления двух внешне столь различающихся теорий говорит о том, что постепенно этот статус утверждается. В системной антропологической психологии на первый план выступает человек, понимающий смысл и ценность того, что он делает, и способный сам (без посредников – родителей и учителей) строить и перестраивать свой образ мира и образ жизни. Человек, способный вычерпывать из природного мира и мира культуры то, что необходимо ему для этого перманентного и постоянного саморазвития как присущего только человеку способа жизнеосуществления. Использование логики гомеореza позволяет проследить, как в диалоге с культурой формируется многомерный мир человека. Этот мир образуется как постепенное упорядоченное обретение им новых измерений [6]. В качестве опосредующего фактора и необходимого условия становления многомерного мира человека выступает *транскоммуникация*.

Жизненный мир человека является таким системным конструктом, который опосредует взаимосвязь между образом жизни и образом мира человека, являясь при этом таким образованием, через которое система (человек) оказывается открытой как в объективный («вещный») мир, так и в культуру. Если многомерное пространство жизни человека транссубъективно (Д.Н. Узнадзе), то коммуникации, в которых оно формируется, логично называть транскоммуникациями [6]. Динамические параметры ментального пространства человека в актуалгенезе определяются постоянным разрешением противоречия между образом мира и образом жизни человека, которое актуализируется вновь и вновь, – такова, если быть последовательным, природа порождающего взаимодействия человека с миром [11].

Понятие «транскоммуникация» возникло около 20 лет назад в русле социально-психологических исследований [5]. На стыке психологии и социологии стало формироваться представление о ментальной сфере личности и группы, которая репрезентируется как циклическая система взаимных рефлексий, представлений, «отзеркаливаний» по поводу друг друга, друг о друге и о себе. Можно полагать, что понятие транскоммуникации имеет прямую связь с параметрами одаренности, в частности с такими ее составляющими, как интеллект, креативность и мотивационная готовность к саморазвитию. Представление о многомерном про-

странстве жизни человека, порождаемого взаимодействием человека с окружающей его реальностью, производимые в этом взаимодействии такие «совмещенные» (системные) качества, которые обеспечивают избирательность, предметность, реальность бытия человека в мире, придают проблеме одаренности новый концептуальный контекст.

Итак, кросс-культурное исследование, направленное на изучение развития одаренности в разных социокультурных и образовательных средах, будет отвечать своим задачам, если оно будет учитывать:

- традиции передачи закрепленного в культуре опыта самореализации, обуславливающие качество транскоммуникации, позволяющие человеку осуществлять себя более или менее творческим способом и реализовывать свой ресурс (потенциал одаренности, жизненный и интеллектуальный потенциалы) по возможности полно;

- особенности научного мышления, в опоре на которое разрабатываются и реализуются диагностические и образовательные программы, предварительно выявленные в межкультурном исследовании;

- те особенности, которые выявляются в транскультурном исследовании, а именно: в какой парадигме решается проблема взаимодействия человека с культурой (отражение реальности или порождение реальности в транскоммуникативных процессах), как решается проблема становления сознания в онтогенезе, вне рамок которой невозможно правильно поставить и решить проблему одаренности (и ее развития).

Литература

1. Бойко В.С. Самоорганизация и ее эволюция (философско-методологический анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Минск, 1972. 24 с.
2. Вальсинер Я. Культура, развитие и методология в психологии: преодолеть отчуждение через эмпирические данные // Культурно-историческая психология. 2005. № 1. С. 37–50.
3. Выготский Л.С. Собр. соч. : в 6 т. М. : Педагогика, 1982. Т. 1.
4. Выготский Л.С. Конкретная психология человека // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1986. № 1.
5. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскоммуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М. : Смысл, 2005. С. 248.
6. Ключко В. Е. Коммуникативная среда как фактор становления ментального пространства человека // Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе. Томск, 2004. С. 30–44.
7. Ключко В.Е. Современная психология: системный смысл парадигмального сдвига // Сибирский психологический журнал. 2007. № 26. С. 15–21.
8. Ключко В.Е. Смысловая теория мышления в трансперспективе становления психологического познания: эпистемологический анализ // Вестник Московского университета. 2008. Сер. 14: Психология. С. 87–101.
9. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Психология инновационного поведения. Томск, 2009. С. 18–31.
10. Ключко В.Е., Краснорядцева О.М. Особенности операционализации понятия «Инновационный потенциал личности» // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 339. С. 151–154.

11. *Красноярцева О.М., Ходжабагиянц Т.Г.* Особенности динамических характеристик ментального пространства иммигрантов // Сибирский психологический журнал. 2007. № 25. С. 163–171.
12. *Корсини Р., Ауэрбах А.* Психологическая энциклопедия. 2006. URL: <http://psihologia.biz/psihologiya-psihologiya-obschaya/psihologicheskaya-entsiklopediya-chast298.html>
13. *Коул М.* Культурно-историческая психология: наука будущего. М., 1997. С. 432.
14. *Мамардашвили М.* Как я понимаю философию. М. : Прогресс, 1990. С. 358.
15. *Мацумото Д.* Психология и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Mats/05.php
16. *Морен Э.* Метод. Природа Природы. М. : Прогресс-Традиция, 2005. С. 464.
17. *Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки».*
18. *Ушаков Д.В.* Параллельные открытия в отечественной и зарубежной психологии: пример интуиции и имплицитного научения. URL: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/dop_dokume/mezhdunar_nauchnye_m/razdel_1_o/ushakov_dv.html
19. *Hjelle L., Ziegler D.* Personality Theories: Basic Assumptions, Research, and Applications. 3th ed. McGraw-Hill, 1992.
20. *Lynn R.* Race differences in intelligence, creativity and creative achievement // *Mankind Quarterly*. 2007. № 48 (2). P. 157–168.
21. *Wang M., Erdheim J.* Does the five-factor model of personality relate to goal orientation? // *Personality & Individual Differences*. 2007. P. 1493–1505.

DEVELOPMENT OF GIFTED IN DIFFERENT SOCIO-CULTURAL AND EDUCATIONAL ENVIRONMENTS: ORGANIZATION CROSS-CULTURAL STUDIES
Klochko V.E. (Tomsk)

Summary. The article discusses the requirements for the organization of cross-cultural research aimed at studying the development of talent in different socio-cultural and educational environments. Argued that the fullness of the cross-cultural research is defined inclusion of the transcommunication process, taking into account the experience of the child's interaction with culture, mediated by adults, as well as the results of intercultural and transcultural analysis.

Key words: talent; developing talent; transcommunication; cross-cultural research; intercultural research; transcultural study.

САМООЦЕНКА МАГИСТРАНТАМИ СВОЕГО КВАЛИФИКАЦИОННОГО УРОВНЯ: ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

О.М. Краснорядцева, К.Е. Кобзарь (Томск)

Работа выполнена в рамках гос. задания на НИР «Исследование и развитие потенциала одаренности, инновационности и самореализации современной молодежи в условиях модернизации экономики и социальной сферы».

Рег. № 6.4804.2011

Аннотация. Представлены обобщенные результаты самооценки магистрантами (обучающимися по направлению подготовки «Психология») степени овладения ими соответствующими квалификационными уровнями. Рассматриваются возможности самооценки как одного из элементов диагностического сопровождения процесса подготовки магистров.

Ключевые слова: самооценка; саморазвитие; квалификационные уровни; образовательные результаты.

Введение

Самооценка степени выраженности собственных образовательных результатов играет важную роль в диагностике человеком успешности своего профессионального становления, отражая существенные характеристики процесса саморазвития личности. Саморазвитие в призма представлений о человеке как сложной, целостной самоорганизующейся психологической системе, открытой в мир культуры и самому себе, рассматривается в качестве основания его устойчивости [1]. И в этом контексте самодиагностика в форме самооценки расширяет возможности осознания того, на каком этапе квалификационного соответствия студент находится, какие трудности и дефициты он признает как реально существующие и отражает степень готовности к рефлексивному отнесению и продуктивному изменению индивидуальной ситуации.

Вступление России в Болонский процесс обозначило возможности инструментального использования «Восьмиуровневой европейской системы квалификаций», являющейся составной частью Европейской системы квалификаций (ЕСК), и для диагностического сопровождения реализации основных образовательных программ [2, 3]. Функционально и содержательно документ представляет собой рамочную конструкцию, которая описывает обобщенную структуру квалификаций образования всех уровней, сопоставимую с национальными системами квалификаций образования. Фактически представляет собой таблицу, где квалификационные уровни устанавливаются посредством описания

результатов обучения, которые, в свою очередь, определяются на основе:

- знаний;
- умений;
- широких компетенций, включающих личностные и профессиональные результаты (умение учиться, коммуникативная и социальная компетенция, профессиональная компетенция).

В качестве основных понятий в ЕСК, как правило, используются следующие:

Обучение – процесс постепенного освоения сложных и абстрактных областей по принципу нарастающей сложности (концепции, понятия, категории и модели поведения), а также умений и широких компетенций. Этот процесс охватывает как формальное, так и неформальное образование.

Результаты обучения – набор знаний, умений и / или компетенций, освоенных человеком, которые он может продемонстрировать по завершении обучения. Формулировка результатов обучения показывает, **что** обучающийся должен знать, понимать и делать по завершении обучения.

Компетенция представляет собой интегрированное понятие и выражает способность человека самостоятельно применять в определенном контексте различные элементы знаний и умений.

Компетенция включает в себя:

- 1) когнитивную компетенцию, предполагающую использование теории и понятий, а также «скрытые» знания, приобретенные на опыте;
- 2) функциональную компетенцию (умения и ноу-хау), а именно то, что человек должен уметь делать в трудовой сфере, в сфере обучения или социальной деятельности;
- 3) личностную компетенцию, предполагающую поведенческие умения в конкретной ситуации, и
- 4) этическую компетенцию, предполагающую наличие определенных личностных и профессиональных ценностей.

Особую важность имеет уровень самостоятельности, поскольку именно он позволяет разграничивать различные уровни компетенции.

Освоение определенного уровня компетенции – способность использовать и сочетать знания, умения и широкие компетенции в зависимости от меняющихся требований конкретной ситуации или проблемы. Другими словами, уровень компетенции определяется способностью справляться со сложными, непредсказуемыми ситуациями и изменениями.

Система квалификаций – инструмент для разработки и классификации квалификаций, основанный на наборе критериев для уровней освоенного обучения. Этот набор критериев может содержаться в описании квалификаций или может быть оформлен в отдельный набор описаний уровней [2, 3].

Реализация на факультете психологии Томского государственного университета магистерских программ по направлению «Психология» включала в качестве одного из элементов диагностического сопровождения анализ результатов самооценки магистрантами степени овладения ими соответствующими квалификациями. В данной статье представлены обобщенные результаты исследования за период с 2010 по 2013 г.

Выборка и процедура исследования

В исследовании приняли участие магистранты, обучавшиеся на факультете психологии по направлению «Психология» в 2010, 2011, 2012 и 2013 гг. Общее число участников 52 чел.

Магистрантам предлагалось оценить по 10-балльной шкале степень выраженности у себя конкретизированных и представленных в таблице образовательных результатов, соответствующих каждому уровню квалификаций в соответствии с «Восьмиуровневой европейской системой квалификаций». 10 баллов соответствовали максимальной степени выраженности показателя, 1 балл – минимальной.

Результаты обрабатывались с помощью статистического пакета обработки данных SPSS 19.0. Процедура обработки позволяла получить: средние значения численных показателей самооценки магистров относительно степени обладания каждым образовательным результатом; минимальные и максимальные значения; сведения о значимых различиях между показателями магистрантов, не имевшими на момент поступления в магистратуру базового психологического образования, и магистрантами, получившими ранее степень бакалавра психологии. Показатели среднего значения способны в данном случае прояснить некоторые тенденции, характерные для выборки в целом, показать общую картину ситуации, а значения минимума и максимума с использованием исходных данных позволяют выделить особенности самооценки относительно всех участников выборки.

В табл. 1–4 представлены процентиля средних значений, максимальных и минимальных значений, вариативного размаха, позволяющие выделить тенденции выраженности образовательных результатов, ставших предметом самооценки, – высокий, средний, низкий уровни.

Т а б л и ц а 1

Процентили средних значений

Показатель	Валидные	73
	Пропущенные	0
Процентили	25	5,8300
	50	6,6700
	75	7,8300

Т а б л и ц а 2

Процентили вариативного размаха

Показатель	Валидные	73
	Пропущенные	0
Процентили	25	3,00
	50	4,00
	75	6,00

Т а б л и ц а 3

Процентили минимальных значений

Показатель	Валидные	73
	Пропущенные	0
Процентили	25	2,00
	50	5,00
	75	8,00

Т а б л и ц а 4

Процентили максимальных значений

Показатель	Валидные	73
	Пропущенные	0
Процентили	25	7,00
	50	9,00
	75	10,00

Для выявления значимых различий между численными показателями группы студентов, которые не имеют базового психологического образования, и группой студентов, уже получивших ранее степень бакалавра психологии, был использован непараметрический критерий независимых выборок Манна–Уитни (критерий U).

Результаты

В табл. 5 представлены обобщенные результаты самооценки магистрантами степени выраженности у себя тех или иных качественных характеристик выделенных квалификационных уровней. Следует отметить, что сравнительный анализ средних значений самооценки магистрантов, обучавшихся в разных группах в 2010, 2011, 2012, 2013 гг., статистически достоверных различий не выявил. Данный результат указывает на достаточно устойчивый, неслучайный характер изучаемого психологического феномена, каковым является самооценка.

Можно констатировать, что высокая степень самооценки магистрантов относительно обладания образовательными результатами наиболее выпукло представлена на 1-м, 2-м, и 3-м уровнях сложности квалификации.

Т а б л и ц а 5

**Описательные статистики (средние значения) 8 уровней
Европейской системы квалификаций, определенных
на основе результатов обучения**

Уровень	Знания	Умения	Личностные и профессиональные компетенции			
			Автономия и ответствен- ность	Умение учиться	Коммуникатив- ная и социальная компетенции	Профессиональ- ная компетен- ция
1	8,50	9,17	9,17	9,67	9,33	9,17
2	8,67	9,17 8,67	8,83	8,50	9,17	9,33
3	7,83	7,33	8,33	7,17	8,17 7,83	8,33
4	7,33	6,33 6,50	6,50 6,67 6,67	6,33	7,00 6,83	5,50
5	6,50	6,83 6,00	6,50 7,83 7,17 5,67	5,83	6,50	6,17 6,67 5,83
6	5,17	6,00 5,83	5,67 6,83	6,0	7,00 7,17	6,83 5,83 6,17
7	6,00 5,83	5,50	5,33 5,50	5,67	6,00 6,67	6,83 7,00 7,50
8	5,50 4,83	4,83	4,67	5,17	5,33 6,17	5,00 5,67

1-й уровень квалификации относится к простым и стабильным контекстам обучения, к освоению базовых умений. Обучение на данном уровне, как правило, отражает те умения и компетенции, которые формируются в рамках системы общего образования, и характеризует начальную ступень профессионального самоопределения и становления.

2-й уровень отражает расширение базовых умений, погружение в профессиональную деятельность ознакомительного порядка. Квалификация данного уровня открывает доступ к обучению, которое будет длиться в течение всей жизни.

3-й уровень основывается на развитии не только базовых компетенций, но и на появлении возможности для личностного самовыражения относительно использования приобретенных знаний и умений в методах осуществления работы и обучения. Квалификация данного уровня может являться основанием для осуществления многих профессиональных функций под контролем наставника, дальнейшего обучения в образовательных тенденциях высшего образования. Ее наличие является ключевым фактором для обучения в течение всей жизни.

Можно отметить, что магистранты высоко оценивают знаниевый компонент, приобретенный во время обучения. Считают, что свободно могут воспроизводить, понимать и применять знания общеобразовательного характера в какой-либо области. Хорошо используют базовые умения для выполнения простых задач, имеют ключевые компетенции для выполнения задач, когда действия регламентированы четкими правилами, описывающими процедурами и стратегиями, а также хорошо выбирают и используют базовые методы, инструменты и материалы. В меньшей степени способны использовать диапазон умений в конкретной области для выполнения задач и демонстрировать личную интерпретацию посредством отбора и адаптации методов, инструментов и материалов.

Магистранты практически единогласно считают, что способны принимать руководство при обучении (принимать, что тебя обучают), реагировать на простые письменные и устные сообщения, решать проблемы, используя предоставленную информацию, т.е. находиться в объектной позиции образовательного пространства. Данная тенденция подтверждается также высокими показателями относительно осуществления задания под непосредственным контролем, руководством.

Начиная с 4-го уровня квалификации появляются показатели уровней выше среднего, среднего, ниже среднего и даже низкого, что характеризует отсутствие однозначной устойчивой позиции магистрантов в отношении образовательных результатов. Контекст формирования и демонстрации компетенций данного уровня предсказуем. Обладая компетенциями данной сложности, человек уже имеет некоторый опыт профессиональной деятельности и обучения в определенной области.

По мнению магистрантов, они ощущали сложности в разработке стратегических подходов к задачам, возникающим в ходе учебно-профессиональной деятельности, требующих применения специальных знаний и использования экспертных информационных ресурсов, а также оценке результатов в терминах стратегического подхода, управлении собственной ролью (под руководством) в достаточно предсказуемых контекстах, демонстрировании самоуправляемого обучения. Возможно, отмеченные параметры являются подтверждением тенденции того, что магистранты ощущают себя скорее в роли объекта обучения.

На достаточно высоком уровне респонденты оценивают свои способности использовать широкий диапазон практических и теоретических знаний в какой-либо области (знаниевый компонент), строить предположения относительно улучшения результатов деятельности.

На 5-м уровне появляется гораздо больше показателей среднего и ниже среднего уровней в каждом из типов образовательных результатов, касающихся и знаний, и умений, и личностных, и профессиональ-

ных компетенций. Наибольшую трудность студенты видят в оценке собственного обучения, определении потребностей в обучении, которые необходимы для продолжения такого процесса, а также в выносе суждений, формулировке ответов на абстрактные и конкретные проблемы. Однако при этом отмечают высокие способности к разработке творческих и стратегических подходов при исследовании решений четко определенных конкретных и абстрактных проблем, к демонстрации этих результатов и опыта операционального взаимодействия в рамках данной области.

Начиная с *6-го уровня* обучение требует продвинутых знаний и компетенций, которые находятся на передовом рубеже соответствующей области изучения. Человек должен обладать достаточной самостоятельностью для проведения исследований и решения проблем. Этот уровень открывает доступ к продолжению обучения на более высоких ступенях высшего образования. Магистранты достаточно высоко оценивают свои способности к демонстрированию творчества при разработке проектов и инициативу в процессах управления, включающих обучение других в целях совершенствования работы в команде.

Однако количество самооценок, отражающих уровень ниже среднего, резко возрастает при оценке таких образовательных результатов, как: демонстрация владения методами и инструментами в сложной и специализированной областях; демонстрация инновации в использовании методов, разработка и обоснование аргументов для решения проблем; последовательное оценивание собственного обучения и определение потребности в обучении; способность к демонстрации опыта операционального взаимодействия в сложном окружении; вынесение суждения с учетом социальных и этических аспектов.

Обладание квалификацией *7-го уровня* характеризуется способностью действовать в незнакомых ситуациях, требующих осведомленности о большом количестве факторов. При обработке полученных результатов была выявлена тенденция к достаточно высокой оценке профессиональных компетенций данного уровня. Магистранты в высокой степени отмечают способность к реагированию на социальные, научные и этические вопросы, которые встречаются в профессиональной и учебной деятельности; к демонстрации опыта операционального взаимодействия при управлении изменениями в сложном окружении, в разрешении проблемы путем использования комплексных источников знания, которые могут быть неполными, в новых и незнакомых контекстах.

Однако явные дефициты подготовки участники опроса отмечают при оценке компетенций путем интеграции знаний из новых или междисциплинарных областей и в вынесении суждения на основе неполной и ограниченной информации. Студенты указывают также на низкую степень развитости компетенции в демонстрации лидерства и ин-

новации в трудовой и учебной деятельности, которая является незнакомой, сложной и непредсказуемой и требует решения проблем, связанных с множественными взаимосвязанными факторами, и в оценивании стратегической деятельности команд.

8-й уровень предполагает готовность к работе в ситуациях, которые требуют решения проблем с множественными взаимодействующими факторами, часть из которых не только не является очевидной, но и изменяется. Предсказать такую ситуацию становится сложно, следовательно, контекст обучения характеризуется сложностью и непредсказуемостью. Обладание данным уровнем квалификации позволяет демонстрировать системное понимание предметной области и мастерство в части умений и методов исследований. Обучение должно проходить в самостоятельной форме и под руководством высококвалифицированных специалистов. Люди, обучающиеся на данном уровне, обычно сами являются наставниками других обучающихся, стремящихся к достижению высокой квалификации. Квалификация данного уровня дает доступ к занятости в специализированных областях и к карьерному росту на достижениях, связанных с исследованиями, научной работой и лидерством.

В ходе обработки полученных результатов оказалось, что практически все показатели магистрантов относительно обладания образовательными результатами 8-го уровня были отнесены к низкому уровню. Респонденты достаточно скромно оценили свои компетенции в использовании специальных теоретических и практических знаний. Дефициты есть, по мнению магистрантов, у них и с формированием диагностических решений проблем, основанных на исследованиях путем интеграции знаний из новых или междисциплинарных областей и вынесения суждений на основе неполной или ограниченной информации; с демонстрацией лидерства и инноваций в незнакомой учебной деятельности; с оценкой стратегической деятельности команд; с демонстрацией автономии в управлении обучением и высокой степени понимания процессов обучения.

Таким образом, анализ особенностей выраженности самооценки магистрантов относительно обладания теми или иными типами образовательных результатов в совокупности предлагаемых образовательных компетенций показывает, что при увеличении сложности уровня показатели по шкале «знания», «умения», «личностные и профессиональные компетенции» имеют значительный спад. Значения низкого уровня относительно «знаниевой компоненты» появляются уже после 4-го уровня квалификации, «умений» и «умение учиться» – после 3-го. Полученная картина свидетельствует о том, что магистранты высоко оценивают полученные знания только на уровне способности использовать умения в разработке подходов и применять методы в учебной деятельности, а также на уровне умения принимать руководство при

обучении. Анализ также показал, что при увеличении сложности уровня показатели по параметрам «автономия и ответственность», «коммуникативная и социальная компетенция», «профессиональная компетенция» имеют достаточно высокие значения к 8-му уровню сложности. Полученные данные могут свидетельствовать о достаточно высокой способности студентов к осуществлению контроля за стандартной деятельностью других, к обучению других и развитию деятельности команды, демонстрации творчества при разработке проектов.

Исходя из того, что шкалы «автономия и ответственность» и «умение учиться» можно объединить по принципу самостоятельной и командной учебной деятельности, особое внимание привлекает картина, наблюдаемая на 4–6-м уровнях. С одной стороны, выявлена тенденция готовности к осуществлению творческой, обучающей и контролирующей управленческой деятельности, с другой – тенденция к низкой степени выраженности самостоятельности в планировании собственного самоуправляемого обучения, управления проектами, требующими решения проблем, где существует множество факторов, часть из которых взаимосвязаны и приводят к непредсказуемым изменениям.

Особо следует отметить тот факт, что не выявлено значимых различий между самооценками магистрантов, не имевших на момент поступления в магистратуру базового психологического образования, и теми, кто получил ранее степень бакалавра психологии или диплом специалиста.

Обсуждение полученных результатов и выводы

Анализ особенностей самооценки магистрантов относительно обладания теми или иными типами образовательных результатов в совокупности предлагаемых образовательных компетенций показывает, что при увеличении сложности квалификационного уровня численные показатели имеют значительный спад. И только на 1–3-м уровнях квалификаций показатели остаются на стабильно высоком уровне. Зафиксируем этот момент в качестве *первой тенденции* и уточним еще раз, что достижение 3-го уровня квалификации отражает характеристики формального профессионального образования в конкретной области.

Вторая тенденция касается 7-го и преимущественно 8-го уровней квалификации. Именно на этих уровнях выявлено максимальное совокупное количество низких показателей значений. 7-й уровень ассоциируется со вторым циклом квалификации высшего образования, согласно терминологии Болонского процесса, а 8-й – с третьим. На данных уровнях предполагается преимущественно самостоятельная и творческая работы, решение проблем с множеством взаимодействующих факторов, которые не всегда могут быть очевидными. Возможно, столь низ-

кие результаты обусловлены продолжающимся доминированием принятия на предыдущих ступенях образования объектной позиции в процессе обучения, низким уровнем готовности принятия ответственности за формирование собственной образовательной траектории.

Анализ также показал, что при увеличении сложности квалификационного уровня показатели по предлагаемым параметрам «автономия и ответственность», «коммуникативная и социальная компетенция», «профессиональная компетенция» имеют достаточно высокие значения к 8-му уровню сложности. Полученные данные могут свидетельствовать о достаточно высокой способности студентов к осуществлению контроля за стандартной деятельностью других, обучать других и развивать деятельность команды, демонстрировать творчество при разработке проектов – и это **третья тенденция**. Исходя из того, что шкалы «автономия и ответственность» и «умение учиться» можно объединить по принципу самостоятельной и командной учебно-профессиональной деятельности, особое внимание привлекает картина, наблюдаемая на 4–6-м уровнях. С одной стороны, выявлена тенденция готовности к осуществлению творческой, обучающей и контролирующей управленческой деятельности, с другой – тенденция к низкой степени выраженности самостоятельности в планировании собственного самоуправляемого обучения, управления проектами, требующими решения проблем, где существует множество факторов, часть из которых взаимосвязаны и приводят к непредсказуемым изменениям.

Обобщая полученные результаты, можно констатировать, что использование самооценки магистрантами своего квалификационного уровня в качестве диагностического инструментария позволяет:

- выявить дефициты в образовательных результатах, представляющих собой четко конкретизированные и описанные новообразования, которые предполагается получить при реализации магистерской программы;

- зафиксировать образовательные эффекты, представляющие собой недетализированные (в силу слабой, недостаточной осознанности или проработанности авторами магистерской программы) образовательные результаты, описание которых в основной образовательной программе не позволяет четко представить, в каком виде и по каким основаниям можно будет делать суждения о получении планируемых образовательных результатов. Более того, образовательные эффекты часто предстают в форме незапланированных продуктов деятельности, анализ которых становится предметом профессиональной рефлексии разработчиков, кураторов и научных руководителей магистерских программ.

Литература

1. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Психология инновационного поведения. Томск : ТГУ, 2009.
2. Болонский процесс: европейские и национальные структуры квалификаций / под ред. В.И. Байденко. М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2009.
3. *Официальный сайт* Европейского пространства высшего образования. URL: <http://www.ehea.info/>

SELF-ESTEEM UNDERGRADUATES THEIR QUALIFYING LEVEL: DIAGNOSTIC POSSIBILITIES

Krasnoryadtseva O.M. (Tomsk), Kobzar K.E. (Tomsk)

Summary. The article presents the results of self-graduate students (studying in the direction of «Psychology») the degree of mastery of their qualification levels. Considered are the possibility of self-esteem as one of the elements of diagnostic support process of preparation of masters.

Key words: self-esteem; self-development; qualification levels; educational results; qualification levels.

УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ИННОВАЦИЯМИ: ГУМАНИТАРНЫЙ ПОДХОД

Г.Н. Прозументова (Томск)

Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ 13-06-00703.

Аннотация. Для определения гуманитарного подхода используется методология гуманитарного исследования инноваций: создается модельная ситуация «управления участием» в разработке стратегии организации, осуществляется реконструкция «опыта участия», выделение эмпирических признаков гуманитарного управления, их теоретическое обобщение и обоснование. На этом материале раскрывается потенциал гуманитарного подхода для становления сообществ в качестве субъектов управления образованием на «местах».

Ключевые слова: гуманитарный подход в управлении; образовательные инновации; гуманитарное исследование; модельная ситуация; прецедент; феноменологический анализ; реконструкция опыта; эмпирические признаки; концепт; совместная деятельность; образовательное сообщество.

Контекст исследования. Современная ситуация в развитии образования характеризуется не только высокой интенсивностью и динамичностью осуществляемых изменений, но и переходом от локальных проектов к системной трансформации образования. В этой связи вопрос о выборе подхода к управлению инновациями становится решающим для достижения нового качества образования и осуществления его системных изменений. При этом, учитывая человеческую природу реформируемой системы (образование человека) и возрастающую роль человеческого фактора в управлении изменениями [1, 15], эффективность управления инновациями в образовании можно (нужно) связывать с использованием такого подхода, в котором делается «ставка» на вовлеченность, участие человека в управлении инновациями, т.е. гуманитарный подход.

Для нас установка на такой подход не только идеологическая, но и практическая, исследовательская. Нами уже обоснована необходимость использования гуманитарного подхода к организации и исследованию инноваций [3]; рассмотрены феноменологическая природа и сущность инноваций, осуществляемых как «личное присутствие» человека в организации образования [7]; проведено изучение типологических особенностей образования в тех «местах», где в его организации участвуют сами люди [8]. Можно сказать, что в наших исследованиях раскрыто влияние на качество образования участия и вовлеченности в инновации непосредственных участников образовательного процесса на «местах». Поэтому сейчас поставлена *исследовательская задача* определить сущность гуманитарного подхода к управлению ин-

новациями, опираясь на материал прецедентного и феноменологического анализа. То есть для определения сущности *гуманитарного подхода к управлению* инновациями используется *гуманитарный подход* к исследованию управления, в котором теоретическое обоснование сущности изучаемого явления строится на эмпирическом, феноменологическом анализе прецедентов управления инновациями [10].

Прецедентный анализ гуманитарного управления инновациями. Будучи одним из участников разработки в ТГУ стратегии развития университета, я в рамках работы с магистрами на курсе «Введение в гуманитарное управление и исследование» организовала их участие в определении *направлений стратегического развития* ТГУ (2-й курс, направление «Менеджмент», 9 человек). С одной стороны, вовлеченность магистрантов в эту работу отражала уже реализуемую установку в разработке стратегии ТГУ: широкое привлечение сотрудников, персонала к выработке стратегических инициатив и направлений развития университета. А с другой стороны, участие магистрантов в решении задач стратегического управления представляло собой *модельную учебную ситуацию гуманитарного управления* в рамках освоения учебного курса.

Содержание модельной ситуации включало в себя: постановку *задачи участия* в определении направлений стратегического развития ТГУ; *разработку* магистрантами направлений стратегического развития ТГУ; *реконструкцию и обобщение* эмпирических признаков гуманитарного управления инновациями, проявленных в организации модельной ситуации.

Описание модельной ситуации гуманитарного управления. При организации совместной деятельности формулировались задачи: *учебная* – формирование представлений о гуманитарном управлении; *проектная* – разработка направлений стратегического развития ТГУ; *управленческая* – *вовлеченность* магистрантов в *решение* вопросов стратегического управления; *исследовательская* – реконструкция модельной ситуации для определения эмпирических признаков гуманитарного управления инновациями. Отсюда и содержание совместной работы с магистрантами. Прежде всего были проявлены представления участников модельной ситуации о гуманитарности. И на этом материале сформулирована *предварительная гипотеза* о гуманитарном управлении инновациями, состоящая в предположении о том, что такое управление означает создание условий для участия человека в своем образовании, его организации.

Для *проектирования направлений стратегического развития ТГУ*: а) обсуждались вызовы современному образованию; б) проводилось изучение наших представлений о ТГУ как образовательном учреждении; в) формулировались проблемы (разрывы) в развитии ТГУ; г) определялись возможные и необходимые направления развития ор-

ганизации. При этом *организация модельной ситуации* характеризовалась открытостью каждого этапа совместной деятельности: от постановки задач нашей работы до реконструкции и обобщения участниками модельной ситуации признаков гуманитарного управления, проявленных (не проявленных) в этой ситуации.

Содержание совместной деятельности и управление в модельной ситуации. В числе вызовов современному образованию нами были обозначены его глобализация и интернационализация, высокая конкуренция в предложении образовательных услуг, разнообразие представлений о качестве образования, влияние разных субъектов на формирование образовательных услуг и оценку качества образования. При обсуждении вызовов была зафиксирована особенность современной ситуации: одновременное усиление влияния на организацию образования стандартов (стандартизация содержания образования) и разных стейкхолдеров, в том числе работодателей и непосредственных участников образовательного процесса. Поэтому каждое образовательное учреждение, в том числе и ТГУ, должно не просто выполнять стандарты, но самоопределяться при участии разных стейкхолдеров. Обсуждение современной ситуации в образовании позволило акцентировать внимание на том, что нами решается важная для развития ТГУ задача: определение направлений его стратегического развития, для чего был проведен анализ наших представлений об организации («Метафора» А. Пригожина). Проведение указанной методики самодиагностики состоит в том, что каждый из участников обсуждения рисует *свой образ организации*, комментирует его и в ходе обсуждения формируются разные представления об организации, что позволяет не только выявить наше *отношение* к организации, охарактеризовать ее состояние, но и обнаружить разрывы (точки напряжения) в деятельности организации.

Для характеристики ТГУ магистрантами использовались разные образы и комментарии к ним. ТГУ в представлениях магистрантов – это:

- «осьминог» – «большой, взрослый, неуклюжий, но элегантный»;
- «улей» – «тепло, уютно, комфортно», но это «с одной стороны, а с другой – закрытый, непробиваемый “дом”, в котором каждая “пчела” знает свою функцию»;
- «здание» – «большое, массивное, с занавесками на окнах, с дверьми и людьми», у этого здания «богатая история», определенные «имидж и репутация», чувствуется «домашняя атмосфера», но университет «закрыт для внешней среды», «стоит на одном месте и нет никакого движения»;
- *схема «бюрократизации»* – много подразделений – ячеек, которые «отбивают желание любой инициативы» (таких схем было две);
- «паровозик» – «раритетный, с колокольчиком, который никуда не торопится, в котором приятно прокатиться»: «неторопливое движение, отсутствие скорости и цели»;

– «*дерево*» – «с могучими корнями, могучим стволом и разветвлённой кроной»;

– «*дом*» – «с лестницей, окном и флагом на крыше, пионером, стоящим рядом»;

– «*подсолнух*»: «семечки – это студенты, лепестки – это... преподаватели, администрация, факультет».

При обобщении представлений о ТГУ было обращено внимание на его образ как «дома». Что выражает наше отношение к организации – «тепло», «уютно», «надежно», но вместе с тем нет динамики, движения. Более того, именно отсутствие динамики подчеркивалось магистрантами при рассмотрении разных образов ТГУ.

Отсюда в числе *наиболее существенных проблем организации* участники исследования отметили необходимость «идти в ногу со временем», «проявить свои конкурентные преимущества», не только «сохранять», но и проявлять, «показать свою индивидуальность», «выходить во внешнюю среду» (Ольга Ц.). «Замкнутость» ТГУ порождает «проблему прикладной ориентации знаний, получаемых в университете» (Екатерина М.). Существенной проблемой для развития ТГУ является «громоздкая структура и сильная бюрократизация». Это такая организация, при характеристике которой «рисовать людей в голову не пришло почему-то. Аллегория все-таки к механизму, пусть симпатичному, но «неживому». В число проблем включены также «отсутствие общего понимания, направления движения, ведь это и превращает ТГУ в “осьминога”» (Алексей К.); необходимость преодоления отчужденности сотрудников, так как ТГУ «позиционирует себя как инновационный. А бюрократия – враг инноваций» (Игорь С.); бюрократия, которая является причиной «несогласованности действий между разными уровнями управления в ТГУ» (Ирина А.) Но «самая актуальная» проблема – «нет каналов вовлеченности людей в принятие стратегических, управленческих решений для развития университета» (Ирина П.).

В качестве *направлений стратегического развития* ТГУ магистранты определили:

– «сформулировать» *образ будущего*;

– стать *открытыми для других* (отредактировать сайт, сделать рекламу, промоакции, «отчеты о деятельности в открытом доступе», организовать работу «единого телефона, по которому можно задать любой вопрос о деятельности университета», высказать пожелания, предложения);

– *сотрудничать* с организациями города, страны, мира, применяющими передовые технологии в преподавании и управлении;

– *снизить бюрократическое давление*, особенно на «людей, которые работают на благо организации»;

– создать «круглый стол» для обсуждения идей, целей, проблем в развитии университета, *принятия совместных решений* в управлении; «вовлечь все факультеты в выработку предложений»;

– *осмыслить* сложившуюся ситуацию, для чего провести *анализ* («собственных ресурсов и возможностей», конкурентный анализ и бенчмаркинг);

– вводить в процессе обучения «дополнительные программы *«про человека»*, уделять им особое внимание в университете.

Аналитический комментарий. В целом результаты исследования, проведенного на учебном занятии, оказались для меня вполне ожидаемыми. Например, то, что в «списке» образов организации довольно часто (чаще других) повторяются «дом», «здание», «дерево». Эти образы отражают позитивное отношение студентов к ТГУ, они испытывают в организации чувство «защищенности», «комфортности», «домашности». Ожидаемым было и то, на что настойчиво указывалось: отчужденность людей от организации, о чем свидетельствует «масштаб человека» в образах организации – отсутствие человека на рисунках либо такой мелкий масштаб в его изображении, который вообще можно не принимать во внимание.

Пожалуй, неожиданным в исследовательских материалах для меня было только появление образа-схемы «бюрократизации» и определение этой же бюрократизации как *лейтмотива при характеристике проблем развития организации*, необходимость преодоления бюрократизации как направление развития ТГУ. Конечно, и раньше (в материалах предыдущих, таких же исследований со студентами) отмечалась «неповоротливость», закрытость ТГУ для влияния людей как извне (вне конкуренции), так и внутри. Но бюрократизация раньше как-то «растворялась» в других характеристиках и образах, тогда как сейчас в исследовании магистрантов не только указывается на бюрократизацию как образ и проблему, но и подчеркивается, что именно она – *причина* неповоротливости, недоступности организации для влияния студентов: «Каждое подразделение ТГУ делает все, чтобы “отсеять” значительную часть своих «клиентов»» (Игорь С.). Так что дело даже не в количестве упоминаний такой характеристики, как «бюрократизация», а в том, что эта характеристика в понимании магистрантов *становится системообразующей*. А значит, речь идет о необходимости не просто локальных изменений в ТГУ, но структурных, системных изменений всей организации. Вот это стало для меня большим открытием.

Можно сказать, что участие магистрантов в разработке стратегии развития ТГУ заставляет фокусировать внимание не просто на изменении *масштаба достижений, увеличении* отдельных показателей результативности деятельности организации. Речь идет о *трансформации* всей организации образования в ТГУ (изменение институциональной формы): построение образа будущего, изменение содержания и

функций управления, взаимодействия организации со средой. Причем условием таких преобразований выступает участие в изменении организации людей, ее внутренних и внешних стейкхолдеров.

Аналитическое обобщение. Реконструируя организацию нашей совместной деятельности по определению направлений стратегического развития ТГУ и управления этой деятельностью в модельной ситуации, прежде всего отметим, что в формировании направлений стратегического развития участвовали все магистранты. И эта вовлеченность фиксировалась нами как наиболее существенная характеристика и *особенность управления* в модельной ситуации, характеристика гуманитарного управления. Поэтому и при реконструкции модельной ситуации, особенностей управления его фиксировались такие признаки, которые обеспечивали и объясняли вовлеченность всех участников ситуации в определение направлений стратегического развития ТГУ:

- создание *ситуации* «совместного обсуждения управленческих проблем», ситуации, в которой появляется «*возможность* высказать свое мнение» по важным вопросам, по «стратегическим перспективам развития университета»;

- организация *групповой работы*, в которой устанавливаются «взаимопонимание», «взаимоотношения на равных». А главное, «вовлечены все», поэтому проблемы и задачи «ставились совместно», но при этом каждый «мог проявить свое мнение»;

- «генерация идей» для совершенствования управления ТГУ и тем самым *проявление* «субъектной позиции» всеми участниками обсуждения, формирование «ответственности» и «обязательств» за формулируемые предложения;

- возникновение *синергетических эффектов* совместного обучения, когда «учатся все участники процесса, включая преподавателя», и возникает «чувство сопричастности» к своей организации, чувство «сообщества».

Реконструкции модельной ситуации и выделение ряда эмпирических признаков, идентифицируемых нами как признаки гуманитарного подхода к управлению изменениями, позволили проявить *потенциал* этого подхода для повышения качества управления инновациями. Помимо формирования представлений о направлениях стратегического развития ТГУ, нами был определен существенный принцип *управления изменениями* в гуманитарном подходе: *создание инновационно-активной среды* для вовлеченности и участия людей в постановке целей, проектировании изменений, оценке результатов, осуществляемых в организации изменений, создание среды для *совместной деятельности*.

Для конкретизации гуманитарного подхода необходимо дополнить эмпирический анализ управления инновациями *концептуальным*, который в данной статье ограничен формулировкой нескольких тезисов.

Концепт гуманитарного подхода к управлению инновациями.

1. При определении гуманитарности проблематизируется использование этой характеристики для обозначения класса наук, изучающих человека, поскольку и само деление наук на естественные и гуманитарные Л. Гумилев считает «неконструктивным». Гуманитарность представляется *способом изучения* человека, при котором предметом исследования становятся *волевые усилия* человека: усилия людей, *обладающих большой пассионарностью*, создающих зигзаг на кривой развития, который будет зафиксирован в истории [4].

Для Г. Риккерта гуманитарность выступает характеристикой «человеческого» содержания наук, которое обнаруживает себя в рассмотрении образования человека в связи с его «животворящей деятельностью». Речь идет о такой деятельности, в которой человеком устанавливаются отношения между его жизнью и метафизическими ценностями, происходит «срастание ценностей с действительностью» [12].

Динамика представлений о гуманитарности определяется рассмотрением особой функции гуманитарных наук, которая усматривается в их *ответственности за авто-символизацию общества, преодоление нищеты спектакля*, т.е. такого существования, которое не отсылает ни к чему (Ж.-Л. Нанси).

Образование человека при таком взгляде на гуманитарность обуславливается не столько *изучением* гуманитарных предметов, сколько содержанием деятельности человека, проявлением *его воли* в отношении *организации своего образования*. Гуманитарность проявляет себя в *преодолении нищеты спектакля* и характеризует такое содержание и организацию образования, при которых возможна *животворящая деятельность* участников образовательного процесса, порождение ими смыслов образования, установление связи образования с метафизическими ценностями и тем самым его *авто-символизация*. Гуманитарность представляется характеристикой деятельности человека в образовании, *участия человека в образовательных инновациях*: инновации, которые и являются *животворящей* деятельностью осуществляются по воле человека и потому не только создают новые формы организации образования, но и устанавливают связь человека, его образования с метафизическими ценностями, порождают смыслы и ценности образования.

2. Такая смысловая нагруженность определения гуманитарности актуализирует вопрос о субъекте инноваций и смыслопорождения, о предмете управления инновациями в гуманитарном. При этом сразу обнаруживается ограниченность определения гуманитарности как способа жизни, который проявляет волю *отдельного* человека. Ведь если верить классикам, смысл не живет в голове человека, а рождается в пространстве *между людьми* (М.М. Бахтин), следовательно, гуманитарность – это характеристика *способа совместной деятельности* людей,

способа животворящей совместной деятельности. В такой деятельности проявляется воля участников, формируются их представления о качестве образования и происходит становление *субъекта* совместной деятельности, субъекта образования и управления инновациями *образовательного сообщества участников инноваций*.

Субъект, по определению М. Фуко, – тот, кто проявляет заботу о самом себе. Или в контексте нашего исследования – тот, кто осуществляет инновации по совершенствованию своего образования, его организации. Учитывая коммуникативную природу образования, в статусе такого субъекта и следует рассматривать сообщества участников инноваций. Сообщество характеризуется как *со-бытийная общность* и онтологическое основание для возникновения человеческой субъективности (В.И. Слободчиков), *добровольное объединение* людей, берущих «под контроль свою повседневность» и создающих ее «осмысленный» порядок (М. Вебер); объединение, вырабатывающее и осуществляющее свои «обязательства» (Б. Ридингс); «непроизводимое» сообщество, создающее самого себя в диалоге с окружающим миром (Ж.-Л. Нанси). Отсюда и существование, и образование человека – это «бытие – одних – вместе – с другими», которое и открывает (или не открывает) человеку *доступ* к истоку, смыслу его существования (Ж.-Л. Нанси). Поэтому образование человека – это организация доступа к истоку, такой совместной деятельности участников образовательного процесса, которая делается ими самими и в которой происходит «срастание» образования с метафизическими ценностями. Гуманитарный подход к управлению образовательными инновациями состоит в а) выделении совместной деятельности как *предмета образования* ее участниками; б) вовлеченности *участников совместной деятельности* в образование ее целей, норм, форм, оценку результатов; в) *диалогизации* совместной деятельности и формировании представлений о смысле образования и ценности совместной деятельности. Становление образовательного сообщества участников инноваций в качестве субъекта совместной деятельности образования выступает задачей и результатом гуманитарного управления инновациями.

3. Опираясь на сформулированные выше представления, можно утверждать, что гуманитарный подход к управлению образовательными инновациями характеризуется:

- выделением *совместной деятельности* участников образовательного процесса на «местах» как предмета *их влияния*, организации, совершенствования, изменения;

- организацией такой совместной деятельности, в которой ее участникам открывается *доступ* к метафизическим ценностям, информация о вызовах образованию, доступ «к истокам», порождению *образовательного смысла* образования и совместной деятельности;

– созданием таких мест «личного присутствия» в системе образования, которые представляют собой выражение воли, усилий и результата *самоорганизации* участников образовательного процесса, их совместной деятельности, *форму выражения* (воплощения) ими своих представлений о ценности и качестве образования;

– оценкой качества осуществляемых в образовании инноваций в связи с появлением и становлением *образовательных сообществ* как субъектов организации образования, субъектов управления образованием в «местах», где они его «получают».

Гуманитарный подход к управлению инновациями представляется условием преодоления таких дефицитов современного образования, как антропологический (дефицит «личного присутствия» человека в своем образовании), синергетический (дефицит самоорганизации и совместной деятельности участников образовательного процесса), гуманитарный (дефицит сообществ как субъектов организации и управления образованием на «местах»). Гуманитарный подход к управлению инновациями не только выступает условием преодоления указанных дефицитов, но и средством актуализации *созидательного потенциала* образования: становления в образовании субъектов его организации и управления, которые преодолевают «нищету спектакля», порождают смыслы, ценностные основания образования и «практикуют» их на местах.

Реализация гуманитарного подхода в управлении инновациями означает становление Открытого образовательного пространства, в котором на условиях и принципе *взаимной дополнительности* действует множество, разные субъекты влияния на образование, в том числе и разные образовательные сообщества, формируется множество образовательных практик, выражающих разные представления людей о сущности, смысле, качестве образования.

Литература

1. Адизес И. Управляя изменениями. СПб. : Питер, 2010. 224 с.
2. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. ; под ред. Ю.М. Давыдова. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
3. Гуманитарное исследование в образовании: опыт, размышления, проблемы / под ред. Г.Н. Прокументовой. Томск : Изд-во Том ун-та, 2002. 342 с.
4. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М. : Айрисс-пресс, 2008. 384 с.
5. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное / пер. с фр. В.В. Фурс. М. : Логвинов, 2004. 272 с.
6. Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество / пер. с фр. Ж. Горбылевой, Е. Троицкого. М. : Водолей, 2009. 208 с.
7. Переход к Открытому образовательному пространству. Ч 1: Феноменология образовательных инноваций / под ред. Г.Н. Прокументовой. Томск : Изд-во Том ун-та, 2005. 484 с.
8. Переход к Открытому образовательному пространству Ч. 2: Типологизация образовательных инноваций / под ред. Г.Н. Прокументовой. Томск : Изд-во Том ун-та, 2009. 448 с.

9. *Пригожин А.И.* Методы развития организаций. М. : МУФЭР, 2003. 864 с.
10. *Прозументова Г.Н.* Стратегия и программа гуманитарного исследования образовательных инноваций // Переход к Открытому образовательному пространству. Ч. 1: Феноменология образовательных инноваций / под ред. Г.Н. Прокументовой. Томск : Изд-во Том ун-та, 2005. С. 15–138.
11. *Ридингс Б.* Университет в руинах / пер. с англ. А.М. Корбута ; под общ. ред. М.А. Гусаковского. Минск : БГУ, 2009. 248 с.
12. *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре : пер. с нем. М. : Республика, 1998. 413 с.
13. *Слободчиков В.И.* Антропологическая перспектива отечественного образования. Екатеринбург : Издательский отдел Екатеринбургской епархии, 2009. 264 с.
14. *Фуко М.* Герменевтика субъекта / пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб. : Наука, 2007. 677 с.
15. *Фуллан М.* Выбор ложных движущих сил для реформы целостной системы // Вопросы образования. 2011. № 4. С. 79–105.

MANAGEMENT OF EDUCATIONSL INNOVATIONS: HUMANITARIAN APPROACH

Prozumentova G.N. (Tomsk)

Summary. To define a humanitarian approach a methodology of humanitarian research of innovations is used. That means modeling a situation of taking part in organization strategy planning, reconstruction of empirical participation, finding some empirical signs of humanitarian management, their theoretical generalization and substantiation. On this material we can see all the potential of humanitarian approach in society formation as subjects of local educational management.

Key words: humanitarian approach in management; educational innovations; humanitarian research; model situation; precedent; phenomenological analyses; empirical reconstruction; empirical signs; concept; activity in cooperation; educational society.

ИНФОРМАЦИЯ

НАШИ АВТОРЫ

Бохан Татьяна Геннадьевна, доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психотерапии и психологического консультирования факультета психологии Томского государственного университета (Томск). E-mail: den@psy.tsu.ru

Берлизова Татьяна Борисовна, преподаватель кафедры психологии факультета психологии Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск). E-mail: bervika06@mail.ru

Галажинская Оксана Николаевна, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры теории вероятности и математической статистики факультета прикладной математики и кибернетики Томского государственного университета (Томск). E-mail: oханagala@yandex.ru

Залевский Владислав Генрихович, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и прикладной психологии факультета психологии и педагогики Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: usua9@sibmail.com

Залевский Генрих Владиславович, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заслуженный деятель науки РФ, член Всемирной федерации психического здоровья, заведующий кафедрой генетической и клинической психологии факультета психологии Томского государственного университета (Томск). E-mail: usua9@sibmail.com

Кабрин Валерий Иванович, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности факультета психологии Томского государственного университета (Томск). E-mail: kabrin@list.ru

Ключко Виталий Евгеньевич, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии образования и педагогики факультета психологии Томского государственного университета (Томск). E-mail: klo@nextmail.ru

Кобзарь Ксения Евгеньевна, магистрантка факультета психологии Томского государственного университета (Томск). E-mail: education@psy.tsu.ru

Кожевников Вадим Николаевич, доктор медицинских наук, профессор кафедры специальной психологии факультета педагогики и психологии детства Красноярского государственного педагогического университета (Красноярск). E-mail: kozhevad97@mail.ru

Кожевникова Татьяна Альбертовна, доктор медицинских наук, профессор кафедры специальной психологии факультета педагогики и психологии детства Красноярского государственного педагогического университета (Красноярск). E-mail: kozhevnikova52@bk.ru

Колбасина Ксения Юрьевна, младший научный сотрудник Научно-образовательного центра «Социологические исследования» Балтийского федерального университета (Калининград). E-mail: psy_lab@mail.ru

Костарев Владислав Владимирович, преподаватель кафедры социальной работы и социального права факультета дополнительного образования филиала Российского государственного социального университета (Красноярск). E-mail: vladkost@list.ru

Красноярцева Ольга Михайловна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей и педагогической психологии факультета психологии Томского государственного университета (Томск). E-mail: krasnoo@mail.ru

Кузнецов Владимир Николаевич, врач психиатр-нарколог Каргасокской районной больницы (Каргасок). E-mail: vnkuz@mail.ru

Кузьмина Юлия Викторовна, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры генетической и клинической психологии факультета психологии Томского государственного университета (Томск). E-mail: usua9@sibmail.com

Кунце Генрих, профессор, доктор медицины, член Комиссии по проблемам психиатрии Министерства здравоохранения ФРГ (Кассель, Германия). E-mail: omega@psy.tsu.ru

Мазилев Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Института педагогики и психологии Ярославского государственного педагогического университета (Ярославль). E-mail: v.mazilov@yspu.org

Марграф Юрген, профессор Рурского университета (Бохум, Германия). E-mail: omega@psy.tsu.ru

Морозова Елена Валерьевна, кандидат психологических наук, руководитель Центра социальной, профессиональной и психологической экспертно-реабилитационной диагностики и реабилитации Федерального бюро медико-социальной экспертизы Минтруда России (Москва). E-mail: elva@hotmail.ru

Немцев Алексей Викторович, клинический психолог Томской клинической психиатрической больницы, ассистент кафедры генетической и клинической психологии факультета психологии Томского государственного университета (Томск). E-mail: den@psy.tsu.ru

Прокументова Галина Николаевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой управления образованием факультета психологии, директор НОЦ «Институт инноваций в образовании» Томского государственного университета (Томск). E-mail: manager@psy.tsu.ru

Рогачева Татьяна Владимировна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой клинической психологии Уральской государственной медицинской академии (Екатеринбург). E-mail: tvrog@yandex.ru

Урываев Владимир Анатольевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры медицинской психологии Ярославской государственной медицинской академии (Ярославль). E-mail: ladoyar@mail.ru

Филоненко Анна Леонидовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психотерапии и психологического консультирования факультета психологии Томского государственного университета (Томск). E-mail: FiALe@yandex.ru

Фусу Лариса Ивановна, кандидат медицинских наук, врач-психиатр, психоаналитически ориентированный психотерапевт, кандидат стади-групп IPA (Москва). E-mail: florayy@mail.ru

Щеглова Мария Сергеевна, студентка 5-го курса факультета психологии Томского государственного университета (Томск). E-mail: scheglova.maria@gmail.com

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В «СИБИРСКОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ»

Редакция принимает статьи, набранные в текстовом редакторе WinWord. Статьи должны быть представлены в электронном и в распечатанном виде (формат А4). Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах, вложенных в авторскую электронную папку.

Все рисунки выполняются только в черно-белой гамме, полноцветные иллюстрации не принимаются.

В начале статьи указывают номер по Универсальной десятичной классификации (УДК).

Приводятся (каждый раз с новой строки):

- название статьи (заглавными буквами, по центру);
- инициалы и фамилия автора (по центру), название города (в скобках);
- краткая аннотация (до 50 слов), которая предваряется словом «**Аннотация**», выделенным жирным шрифтом;

– список ключевых слов (5–7), предваряющийся словосочетанием «**Ключевые слова**» (с двоеточием, после которого перечисляются слова через точку с запятой).

Текст набирается шрифтом Times New Roman. Размер шрифта – 12, межстрочный интервал – полуторный, поля: левое – 20 мм, правое – 20 мм, верхнее – 20 мм, нижнее – 25 мм, абзацный отступ – 10 мм.

Нумерация страниц сплошная, с 1-й страницы, внизу по центру.

При использовании дополнительных шрифтов необходимо представить их в редакцию в авторской электронной папке.

Ссылки на использованные источники приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например: [9. Т. 2. С. 25]. **Список литературы** располагается после текста статьи, предваряется словом «Литература», нумеруется (начиная с первого номера) и оформляется в алфавитном порядке.

Например:

1. *Вассерман Л.И.* Методологические основы психологической диагностики в клинике соматических расстройств [Текст] / Л.И. Вассерман, Б.В. Иовлев, Е.А. Трифонова, О.Ю. Щелкова // Сибирский психологический журнал. 2010. № 38. С. 24–29.
2. *Залевский Г.В.* Введение в клиническую психологию : учеб. пособие для студентов вузов [Текст] / Г.В. Залевский. Томск : ТМЛ-Пресс, 2010. 224 с.
3. *Залевский Г.В.* Фанатизм как основание и характеристика деструкции системы ценностей и духовного нездоровья личности и социальных сообществ [Текст] / Г.В. Залевский // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / под ред. В.В. Знакова, Г.В. Залевского. М. : ИП РАН, 2008. С. 314–340.
4. *Морозов С.М.* Предмет исследования и единицы анализа в психологической системе Л.С. Выготского : автореф. дис. ... канд. психол. наук [Текст] / С.М. Морозов. М., 2002. 24 с.

Под одним номером допустимо указывать только один источник. Количество ссылок не должно превышать 20 (за исключением обзорных статей).

Примечания оформляются в виде **концевых** сносок.

После списка литературы приводятся на английском языке (каждый раз с новой строки):

- название статьи (заглавными буквами);
- фамилия автора и инициалы, название города (в круглых скобках);
- аннотация (**Summary**);
- ключевые слова (**Key words**).

Объём статьи, включая аннотацию и список литературы: для авторов, имеющих учёную степень, **не более 12 стр.**, для авторов без учёной степени – **до 5 стр.**

Отдельным файлом (а также в распечатанном виде) обязательно предоставляются сведения об авторе по форме:

- фамилия, имя, отчество (полностью);
- учёная степень, учёное звание;
- должность и место работы / учёбы (кафедра / лаборатория / сектор, факультет / институт, вуз / НИИ и т.д.) без сокращений, например:

Иванов Иван Иванович, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности Энского государственного университета (Энск). E-mail: ivanov@mail.ru

Кроме того, отдельно в том же файле указываются:

- ФИО, должность и место работы научного руководителя (для студентов, аспирантов и соискателей);
- специальность (**название** и номер по классификации ВАК);
- почтовый адрес (рабочий, домашний);
- телефоны (служебный, домашний, **сотовый**).

Статья и сведения об авторе заверяются подписью автора (и научного руководителя – в случае, если автор не имеет учёной степени).

Всего автор оформляет и подаёт 2 электронных и бумажных документа:

- 1) текст статьи;
- 2) сведения об авторе.

Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например, Иванов1.doc, Иванов2.doc) и вложены в папку, названную аналогично (например, Иванов). **При передаче электронной папки обязательно использование архиваторов WinZip или WinRar (например, Иванов.zip или Иванов.rar).**

Авторы должны представить в редакцию письмо, в котором указывается согласие автора на публикацию статьи и размещение её в Интернете. Письмо должно быть подписано автором и заверено в организации, в которой он работает или обучается.

В случае соавторства каждый из авторов подписывает и заверяет отдельное письмо.

Бумажные варианты статей направляются по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, факультет психологии, редакция «Сибирского психологического журнала» и **обязательно** дублируются на сайте журнала в разделе «Регистрация»: <http://spj.tsu.ru>

Статьи, присланные по электронной почте, не рассматриваются.

После регистрации и прикрепления статьи авторы имеют возможность отслеживать изменение ее состояния (получение бумажного варианта, результат рецензирования и т.д.) в своем личном профиле.

Не рекомендуется посылать статьи ценным письмом или бандеролью, так как это значительно задерживает получение вашего почтового отправления. В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать статью.

Публикации аспирантов осуществляются на некоммерческой основе.

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор Г.В. Залевский

№ 50. 2013 г.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Томский государственный университет, факультет психологии,
редакция «Сибирского психологического журнала».
Телефон редакции (3822) 52-95-80; факс (3822) 52-97-10.
E-mail: den@psy.tsu.ru
Залевский Генрих Владиславович

Редактор К.Г. Шилько
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки А.В. Бабенко

Подписано к печати 22.08.2013 г. Формат 70×108/16.
Бумага белая офсетная. Гарнитура Times.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 7,7. Тираж 200 экз. Заказ № 31.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–53-15-28